

ДИОНЕО

КРОВАВЫЯ ЗОРИ

ДЕСЯТЬ ЭТЮДОВЪ

„Кровавыя зори день повѣдаютъ“
(Слово о полку Игоревѣ).

РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ВЪ ПАРИЖѢ

JACQUES ROVOLOZKY & Cie

Editeurs

13, Rue Bonaparte, Paris (VIe)

Право на переводы и перепечатку закрѣплено
за Русскимъ Книгоиздательствомъ въ Парижѣ.

Tous droits réservés pour tous pays.

Copyright by J. Povolozky et Cie. 1920.

КРОВАВЫЯ ЗОРИ

I.

Дыханіе весны всепобѣдной.

На Ивана Купала, или Купайлу, какъ говорятъ въ Подоліи, солнце купается. Такой авторитетъ, какъ шептуха Яремиха утверждала, что оно на разсвѣтѣ то поднимается, то опускается и подплясываетъ, любуясь на красоту земли.

— Хто счастливый, той побаче, — увѣряла Яремиха.

Петръ Андреевичъ Божко не видитъ, какъ солнце «пышается красою», разлитой по землѣ, но тѣмъ не менѣе онъ счастливъ. Онъ третьяго дня лишь пріѣхалъ на каникулы домой въ лѣсѣ. Впереди — университетъ. Сегодня Петръ Андреевичъ выполняетъ великое предпріятіе, задуманное уже давно. Онъ твердо вѣритъ, что золотой вѣкъ наступитъ, ну, самое большее черезъ три года. А, главное, Петръ Андреевичъ счастливъ, потому что ему невступно восемнадцать лѣтъ. Еще недавно онъ былъ только гимназистомъ Петей, къ имени котораго раньше прибавляли: «Петька Пѣтухъ — на яйцахъ протухъ». Вчера сосѣдъ Дегтяренко, заѣхавшій по пути изъ Винницы къ собственнику лѣса Андрею Ивановичу Божко, чтобы сговориться насчетъ стучки у пана Кремповскаго, поздравилъ Петю «съ окончаніемъ», причемъ величалъ его Петромъ Андреевичемъ. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, называть Петей молодого человѣка, который уже «безъ пяти минутъ студентъ?»

Не было ничего удивительнаго въ томъ, что

Петръ Андреевичъ всталъ съ зарею. Тутъ объясненіе просто. Гораздо сложнѣе объяснить, почему на Петѣ теперь не гимназическій мундиръ и не блуза, а « химерный » нарядъ, какъ сказали бы и Панась, и Макаръ, и всѣ, которые увидали бы Петю въ утро на Ивана Купала, въ лѣто 1882. Юноша вырядился деревенскимъ хлопцемъ: на немъ широкіе, сѣрые тиковые шаровары въ полоскахъ, кошуля, т. е. сорочка изъ грубаго полотна, съ мережкой изъ красныхъ и синихъ крестиковъ, а на головѣ — широкополый соломенный « бриль ». Только сапоги были не крестьянскіе, то есть не смазные « шкаповы » чоботы, а ботфорты съ высочайшими голенищами, подвязанными ремешками. Въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка въ представленіи семнадцатилѣтнихъ юношей такіе сапоги и радикализмъ были нераздѣльны.

Петръ Андреевичъ зналъ, что ботфорты съ ремешками портятъ стройную полноту костюма, но болѣе подходящихъ не было.

Почему же всетаки Петръ Андреевичъ вырядился такъ чудно, какъ будто на дворѣ теперь не лѣто, а зима; какъ будто не « Купайло », а Новый Годъ; какъ будто безъ пяти минутъ студентъ собрался не въ мѣстечко, а въ Винницу, въ общественное собраніе, на маскарадъ? Почему Петя такъ заботился о томъ, чтобы его никто не видѣлъ? А вотъ послушайте.

Въ восьмомъ классѣ гимназіи Петя пріобщился къ той литературѣ, которая въ тѣ годы, помимо всего имѣла чарующее обаяніе тайны.

« Коснулось, милостивый государь, коснулось и надъ нашимъ мирнымъ угломъ пронеслось ».

Такъ начинается разсказъ рано умершаго беллетриста подольнина, совершенно забытаго теперь, но очень популярнаго среди молодежи въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Герой разсказа повѣствуетъ, какъ проникли « эти идеи » въ глухой украинскій городокъ, въ которомъ даже на главной улицѣ подъ заборами росли репейникъ и дереза. Въ гимназіи

этого городка кончилъ курсъ рано умершій беллетристъ, а десять лѣтъ послѣ него — Петя. Почву въ мальчикѣ для воспріятія идей, коснувшихся даже глухаго украинскаго городка, подготовили сперва стихотворенія Некрасова. Еще въ пятомъ классѣ Петя безъ дрожи въ голосѣ не могъ читать пожела- ній доброй ночи тому.

Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ,
Погружаться въ искусство, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ.

Затѣмъ на почву, разрыхленную стихами Некрасова, пала въ видѣ зерна оцѣнка прогресса, которую даетъ Миртовъ въ Историческихъ Письмахъ. Петя выписалъ въ особую тетрадку слова Лаврова: «За нѣсколько великихъ людей въ продолженіи тысяче- лѣтій и за прогрессъ едва замѣтнаго меньшинства заплачено милліардами жизней, океанами крови, не- считными страданіями и неисходнымъ трудомъ по- колѣній».

Всходами явился вопросъ: «Какъ заплатить на- роду великій долгъ?» На этотъ вопросъ, какъ каза- лось Пегѣ, давали исчерпывающій отвѣтъ прокла- ціи того времени.

«Вы производите всѣ богатства на свѣтѣ и сами живете безъ копѣйки за душой, — читалъ Петя въ одной изъ прокламацій, обращенныхъ къ крестья- намъ. — Вашимъ трудомъ держатся и царь, и чи- новники, и купецъ съ бариномъ, и они же васъ презираютъ».

«Мы рѣшили поднять бунтъ по всей Россіи», — говорилось дальше въ прокламаціи. Затѣмъ шло об- ращеніе къ крестьянамъ: «Знайτε, какъ только мы начнемъ бунтъ, идите къ намъ на помощь. Испол- нительный комитетъ извѣститъ васъ заранѣе, а вы будьте наготовѣ. Сговаривайтесь между собою. Сое- диняйтесь въ дружные кружки, запасайтесь оружіемъ».

Петръ Андреевичъ выросъ среди крестьянъ и представлялъ ихъ себѣ поэтому, не какъ однородную,

абстрактную величину, а какъ погоняча Макара Благовістника, колесника Оныску Гнибѣду или какъ бондаря Панаса Нетуды-Хату. Совершенно невѣроятнымъ казалось поэтому Петѣ, чтобы Благовістникъ, Гнибѣда или Нетуды-Хата поступили именно такъ, какъ указывалось въ прокламаціи.

— Но вѣдь прошли же здѣсь Иванъ Подкова и Тарасъ Трясило, Лобода и Хмѣльницкій, Гонта и Желѣзнякъ? — думалъ Петя. — Если украинскій народъ въ XVII и XVIII вѣкахъ поднималъ громадныя возстанія, то почему явленіе не можетъ повториться въ XIX вѣкѣ? Допускаю поэтому, что я до сихъ поръ изъ за деревьевъ не видалъ лѣса, то есть изъ за Макара, Ониски и Панаса не разглядѣлъ украинскихъ крестьянъ. Надо увидать «лѣсъ», надо войти въ самую чашу его. Конечно, «панычъ» этого сдѣлать не можетъ.

Такъ разсуждалъ юноша. И Петя рѣшилъ при первой возможности отыскать революціонное начало украинскихъ крестьянъ, base acidifiable ихъ, какъ сказали бы французскіе основатели химіи. Въ десяти верстахъ отъ лѣса, гдѣ жилъ Петя, находится мѣстечко Браилово, куда 22 іюня собираются крестьяне «аж з під Винниці». И на эту ярмарку Петя положилъ отправиться, переодѣвшись хлопцемъ, чтобы открыть революціонную base acidifiable жителей Вошиловки, Жабинцева, Маньковки и Вербовця.

II.

За домомъ, гдѣ жилъ Петя, была балочка поросшая Иванъ-да-Марьей и душистымъ деревеемъ, на другой сторонѣ балочки — березовый островокъ, а въ немъ парня, гдѣ ладили ободья. Во время зимняго ваката Петя любилъ смотрѣть, какъ вытаскиваютъ изъ котла дымившіяся дубовыя сляги, распаренные послѣ двухъ дней такъ, что на нѣсколько минутъ уподоблялись сырому тѣсту, и какъ Оныско Гнибѣда съ двумя закрѣпщиками обвивали вырѣзы вокругъ станка. Крыша парни была низкая, землянная. Въ накатъ на зиму забирались ужи, любящіе тепло. Какъ толь-

ко пригрѣвало весеннее солнце, и земля начинала ды-
миться. ужи выползали изъ норъ. вытягивались и
мѣли подъ лучами.

Рядомъ съ парней стояла хата шептухи Яремихи,
обладавшей энциклопедическими знаніями, накоплен-
ными украинскимъ народомъ съ незапамятныхъ вре-
менъ. Подъ громаднымъ засаленнымъ очипкомъ была
маленькая голоза, которая могла дать пораду (совѣтъ)
въ такой тяжелый моментъ, когда «дядькі» только
крутили головами и щелкали языками. Яремиха точно
знала, что первые три дня Великаго поста надо пить
горѣлку, «щобъ телята були лисі»; что послѣ захода
солнца нельзя давать чужимъ людямъ молоко, „бо ко-
рова занедужа»; что арбузы надо сѣять, когда по
небу плывутъ круглыя бѣлыя тучки. «Кавуны» тогда
уродятся такіе же круглые и такіе же большіе, какъ
тучки. Знала Яремиха, что когда покойника несутъ
на «цвинтарь», то души выглядываютъ изъ гробовъ
и допытываются у вновь прибывшаго про своихъ
родичей. Яремиха умѣла шептать и выгнать изъ
добраго человѣка «хоробу» да послать ее «на оче-
рета, болота, на густі ліса, де дівка косы не носять,
де парубокъ коня не сидлає, де півень не співає»,
Когда у маленькаго Пети бывалъ «нежить», то есть
насморкъ (Яремиха тогда ставила такой діагнозъ:
Паничъ поѣлъ *траву*, которую понюхалъ котъ), то
шептуха давала мальчику понюхать вонючую «устил-
ку з чобота». Яремиха умѣла шептать не только *бы-
шиху, пристритъ, пропѣсницю и гризъ*, но бралась
также лѣчить маркулой, или ртутью, парней возвра-
тившихся въ село послѣ солдатчины съ дурной бо-
лѣзью, или съ «пранцями».

Яремиха имѣла специальность: сажать насѣдокъ на
яйца. Она сперва клала *квочку* въ дѣтскую шапку, при-
говаривая: «як яйца з шапки сыпнуться, такъ нехай и
вылузнуться». Затѣмъ всѣ присутствующіе усажива-
лись и сидѣли неподвижно. Такъ именно надо было,
«щобъ квочка сидла гарно». Когда вылупливались
цыплята, Яремиха умѣла каждому изъ нихъ составить
гороскопъ. Если, наприкладъ, «курча» часто забира-

лось на спину къ насѣдкѣ, то Яремиха предсказывала ему близкую гибель отъ шулики (ястреба).

Петя сдѣлалъ большой кругъ задами, черезъ высокую поросль нѣжныхъ стеблей чистотѣла, чтобы обойти хату Яремихи, такъ какъ шептуха поднималась съ зарею. На тиковыхъ шаравахъ и даже на рукавахъ кошули его остались желтыя пятна отъ сока, выдѣленнаго сочными стеблями. Наконецъ Петя вышелъ на лѣсную дорогу, заваленную хворостомъ, такъ какъ по ней не ѣздили съ прошлаго года. Воздухъ въ лѣсу, несмотря на раннее утро, былъ пахучій и жаркій, какъ лѣтомъ въ чуланѣ, гдѣ сушатъ любистокъ и богородичную траву.

Узкая дорога поросла нѣжной травой, а по бокамъ, у стволовъ грабовъ и березъ росли высокіе лиловые, бѣлые, розовые и сѣрно-желтые цвѣты, какъ бы вытянувшіеся, чтобы лучше увидеть небо, просвѣчивавшее сквозь густую листву наверху. Петя выросъ въ лѣсу и кромѣ того, интересовался ботаникой. Онъ могъ бы сказать русскія, украинскія и латинскія названія всѣхъ этихъ цвѣтовъ; но въ это утро такое опредѣленіе казалось бы ему педантизмомъ. Не были развѣ эти цвѣты такими же живыми существами, тянувшимися вверхъ къ солнцу, какъ и онъ?

Вверху, въ густой листвѣ гомозились только что проснувшіяся птицы. Какъ невыспавшійся и куксившійся ребенокъ, жалобно хныкала гдѣ-то иволга. Жарко плотничаль на весь лѣсъ дятель. Казалось, лѣсъ потягивался послѣ глубокаго, сладкаго ночного сна, чтобы опять задремать подъ жаркими лучами июньскаго солнца.

Первыя шесть верстѣ, до круглой полянки, съ выплетенной изъ *гилякѣ* (хвороста) насѣлкой на ней, Петя прошелъ въ часть. На полянкѣ сладко пахло распаренной медовой травой. Пролетѣла со свистомъ пчела, потомъ другая. Петѣ казалось, что кто-то, засѣвшій за плетнемъ палить изъ ружья. Выстрѣла не слышать, а только свистъ пуль. Юноша перешелъ полянку по дорожкѣ едва видной въ высокой пахучей травѣ.

Затѣмъ надобно было пройти вырубленную «дѣлянку». Во время пасхальнаго ваката этотъ участокъ лѣса произвелъ на Петю удручающее впечатлѣніе. Безлистные, тонкія березки съ соломенными жгутами на стволахъ, оставленные на сѣмь, казались тогда юношѣ молодыми вдовами, разыскивающими на полѣ сѣчи убитыхъ мужей. Теперь зеленые и похорошѣвшія березки радовались жизни. Онѣ наклонили кудрявыя головы, какъ будто желая лучше разглядѣть буйные молодые побѣги, пущенные срубленными грабами и дубами.

Дорожка спустилась въ Кармалюкову балку, гдѣ о Рождествѣ волки чуть было не съѣли Макара Благовѣстника. Погоньчъ взобрался на стосикъ, то есть на штабель дровъ и простоялъ на немъ до утра. Волки все подскакивали, стараясь стащить Макара за полы новаго кожуха.

— Ратуйте! Кто въ Бога віруе! — гукалъ всю ночь Благовѣстникъ, покуда ужъ утромъ не услышали проѣзжіе по большой дорогѣ.

Погоньчъ потомъ цѣлую недѣлю лежалъ на печи. Призвали Яремиху, которая, какъ баба обстоятельная, начала систематическій курсъ лѣченія отъ «переляка». Когда въ церкви ударили по покойнику, баба почала шептать: Якъ мертвому с лави не вставать, такъ переляку не оживать ни въ рукахъ, ни въ ногахъ, ни въ суставахъ.

Макаръ охалъ, прислушиваясь къ заговору, но оживился и повеселѣлъ, когда Яремиха сказала:

— Теперь, дядько, выпейте полынной и меня, грѣшную, почаствуйте.

То случилось зимою. Теперь въ балкѣ было тихо, только гдѣ-то бульбукалъ въ высокихъ камышахъ невидимый ручеекъ. Онъ рассказывалъ что то болотной птицѣ, которая сердито урчала басомъ, ударяя, какъ семинаристъ на букву о, будто огрызалась: «отстань! отстань!».

Балка звалась Кармалюковой, потому, что здѣсь по преданію знаменитый украинскій разбойникъ набилъ гвоздей въ пятки бабѣ, оскорбившей его чѣмъ

то. Изъ балки, у покачнувшася креста, съ котораго слетѣла взѣрошенная, бурая, носатая птица, Петръ Андреевичъ свернулъ въ Цикавый гай, — въ лѣсъ, гдѣ сходились четыре дороги.

III.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ розстаней, подъ осокоремъ съ прибитой къ нему иконой, надъ которой висѣлъ шитый ручникъ, находилась Степанова криница. Родникъ билъ изъ подъ корней. Радѣтель объ общемъ благѣ провелъ по выдолбленной липовой колодѣ воду въ большой чугунный котелъ, или казанъ, вкопанный въ землю. Когда Петя подошелъ къ Степановой криницѣ, зеленый лягушенокъ прыгнулъ, вытянувъ лапки, въ котелъ и нырнулъ на дно. Сквозь прозрачную воду виднѣлась головка съ выпученными, недоумѣвающими глазами.

— А ты кто? — какъ будто спрашивалъ лягушенокъ.

Петя напился родниковой воды, до того холодной, что заболѣло въ вискахъ, потомъ умылъ лицо. У Степановой криницы было бы хорошо отдохнуть, но сюда какъ разъ могли подойти прохожіе, направляющіеся до мѣста, то есть въ Браилово; могли встрѣтиться знакомые крестьяне, и Петръ Андреевичъ нашелъ болѣе благоразумнымъ забраться въ густой подсѣдъ. Отсюда, никѣмъ невидимый, Петя могъ наблюдать почти все, что происходило у розстаней и у родника.

Въ кустахъ, на прошлогоднихъ листьяхъ съ прогибающейся изъ подъ нихъ кое гдѣ нѣжной травкой, было удобно лежать, какъ на коврѣ. Подъ вліяніемъ утра, буйной зелени, яснаго неба, казавшагося особенно глубокимъ сквозь просвѣты въ листья, чувство блаженства охватило юношу. Онъ вспомнилъ стихъ Шевченко: «Мій краю прекрасный, роскошный, богатый».

— Зачѣмъ опредѣлять настроеніе? — явился сейчасъ же вопросъ.

И въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ была еще формула въ

этотъ погожій лѣтній день, когда на плечахъ только восемнадцать лѣтъ, да и то невступно; когда надъ головою, выше кустовъ орѣшника, листья грабовъ и дубовъ выговариваютъ непонятное, но должно быть очень ласковое и хорошее?

На дорогахъ раздались голоса мужскіе и женскіе. *Гуртокъ* парубковъ подошелъ къ Степановой криницѣ какъ разъ, когда изъ лѣса показался гуртокъ дѣвчатъ.

— Здорові були, дѣвчата! — окликнули парубки.

— Дай же, Боже, щобъ ваши вороги рачки лазили, а ваши очи повылазили. — Шутливо, тоненькими голосами отвѣтили дѣвчата.

— Видкиля мандруете? (Откуда идете).

— Изъ Широкой Гребли тай з Медвідівки.

— До міста?

— Эге-ж!

— Скажите, дѣвчата: въ вашемъ селѣ такъ ли какъ и въ нашемъ ударилъ морозъ въ Петровки и заморозилъ на печи парубка съ дѣвкой? — спросилъ хлопецъ въ новомъ картузѣ съ большимъ сверкающимъ козырькомъ. У хлопца было толстое, лоснящееся лицо и такое выраженіе, будто онъ попробовалъ горькое и все хотѣлъ сплюнуть.

— А въ вашемъ селѣ такъ ли какъ и въ нашемъ всѣ хлопцы дурни? — бойко отрѣзала рябоватая, курносая, толстая дѣвчина съ вѣнкомъ на головѣ.

— Тю-тю! та тож шаповалова Параска! опозналъ одинъ изъ парней.

— Парубки! Когда же Параска замужъ выйдетъ?

— Вона тоди повинчатиметься, як собаки лынятимуть, а ложки гулятимуть, — отвѣтилъ парень въ тиковомъ жилетѣ съ круглыми стеклянными пуговицами. Парубки захохотали.

— Дівчино! Нехай мои штаны тамъ, гдѣ запаска твоя, — предложилъ свои услуги парень въ новомъ картузѣ. Но шаповалову Параску, повидимому, не даромъ знали на три села, какъ язвкату.

— В долині очереть, та нікому жаты; — усі хлоп-

ци пранцювати*), ни с кым ночуваты, — на-распѣвъ, скороговоркой прокричала Параска.

Парни обидѣлись.

— В Широкой Греблі всі дівчата соромъ загубили (потеряли), як ще без плахт ходили! — отвѣтили парень въ жилетѣ съ стеклянными «гудзиками», по-видимому, тоже не послѣдній въ своемъ селѣ, когда дѣло доходило до словесныхъ поединковъ.

Разговоръ принялъ менѣе острый характеръ.

— Дівчино! развѣ такъ можно? Ты зачѣмъ кабачки за пазухой держишь? Вотъ я ихъ у тебя вытащу, — началъ парень въ новомъ картузѣ. Послѣдовалъ смѣлый жестъ.

— Геть! Не мацай! (Не шупай) — Раздался сердитый крикъ дівчины, сопровождаемый тычкомъ.

— Цуръ тебѣ, дівчино! Я же твоя родня!

— Родня? Какъ же! Кумовой свахи наймитъ.

Петю, лежащаго въ подсѣдѣ волнуютъ «жартованья» парубковъ съ дѣвчатами. Какъ средневѣковой схимникъ, припоминавшій самыя дѣйствительныя заклинанія, когда искушавшій его діаволь принималъ обольстительный образъ, Петя вспоминалъ наиболѣе суровыя строки изъ Революціоннаго катехизиса, который гектографировалъ зимою: «Революціонеръ — человекъ обреченный. У него нѣтъ ни чувствъ, ни привязанностей... Всѣ нѣжныя чувства родства, дружбы, любви должны быть задавлены въ немъ единою холодною страстью революціоннаго дѣла». И Петѣ становится стыдно за свои чувства. Чтобы дать мыслямъ другое направленіе, онъ думаетъ о томъ, какъ мало мѣняются нравы народа въ теченіи десятка вѣковъ. Во времена Нестора, когда отроки и дѣвы изъ разныхъ деревень сходились у воды «на плещеваніе, плясаніе и великое хлохотанье», вѣроятно, происходили такіе же словесные поединки, какъ теперь у Степановой криницы между парнями изъ Потоконъ и дѣвушками изъ Широкой Гребли.

— Годи базікать! (Довольно болтать). Начала див-

*) Съ дурной болѣзнію.

чина въ свиткѣ съ двумя большими красными пуговицами сзади на талии. Идемъ, а то не поспѣемъ. Сегодня же *неділя* (воскресенье). Надо въ церковь пойти.

— Боже нашъ, Боже, а ми твойи люде, — затянулъ по дьячковски парубокъ въ новомъ картузѣ. Надъ кымъ будешь богувать якъ насъ тутъ не буде?

— Цыть, дурню! Отрѣзала Параска.

— Господи вышній! Тянулъ не унимавшійся парубокъ. — Чи я въ тебѣ грѣшный? Чи я коли въ церкви буваю? Чи я коли шинки минаю? Чи мене собаки не лижуть? Чи на мене дѣвчата не плюють?

И у Пети является смѣлое обобщеніе философа «безъ малаго въ восемнадцать лѣтъ».

— Украинскіе крестьяне богоборцы. Вліяніе культа совсѣмъ не такъ сильно, какъ было раньше.

Юноша замѣчаетъ, что составилъ на основаніи встрѣчи парней съ дѣвчатами два взаимно исключяющихъ обобщенія. И сейчасъ же мелькаетъ мысль: — Ну такъ что же? Развѣ отъ того день сталъ облачнымъ? Развѣ мнѣ менѣе хорошо?

— Хлопцы! Дѣвчата! Идемъ однимъ «гурткомъ» въ Браилово! — Предложилъ парубокъ въ новомъ картузѣ.

У Степановой криницы снова стало слышно, какъ радостно нашептывали грабы стройному осокору съ прибитой иконой.

IV.

Подъ Браиловымъ лѣсъ кончался, и Петѣ пришлось выйти на большую дорогу съ тянувшимися возами и пѣшеходами на ней. Изъ мѣстечка на встрѣчу возамъ вышли перекупки, въ красныхъ фланелевыхъ юбкахъ, до глазъ повязанныя желтыми ситцевыми платками, съ большими шерстяными чулками на спицахъ въ рукахъ.

— Чоловіче, — обратилась одна перекупка къ старому крестьянину, на возу котораго лежало нѣсколько связанныхъ утокъ, не перестававшихъ громко протестовать противъ грубаго нарушенія неприкосновенности утиной личности, — почему качка?

— Три злота, отрѣзываетъ крестьянинъ, не глядя даже на перекупку.

— Побойтесь Бога, дядьку. — Чи був в вас батько зроду? Берите *півкопи*.

— Какая ты дешевая, Рухля!

Петѣ хотѣлось слушать, какъ торгуется перекупка съ крестьяниномъ; но вѣдь это не раскроетъ Base acidifiable украинскаго народа! Затѣмъ останавливаться неблагоразумно: среди перекупокъ навѣрно есть такія, которыя пріѣзжали въ лѣсъ покупать хмызь (хворостъ): какъ разъ признають.

Среди воевъ, запряженныхъ волами, видна лохматая лошадка съ отвислой губой. Понутивъ голову, лошадь черезъ силу тащитъ телѣгу. Въ телѣгѣ мѣшки, а на мѣшкахъ — великорусскій крестьянинъ, или лапачонъ по мѣстному. На крестьянинѣ красная рубаха и пестрядевые шаровары.

— Ну и коняка-розбишака! — иронизируетъ парубокъ. — На такоаъ гевалѣ смѣло ускачешь четыре мили въ восемь дней!

— Глянь у кацапа босой конь. — Кричитъ другой парубокъ, сразу подглядѣвшій, что лошадь не подкована.

— Не конь, а левъ! Мѣрку съѣсть, а корца не доведетъ! Замѣчаетъ первый хлопецъ.

На каждое ироническое замѣчаніе лапачонъ, лежавшій животомъ на мѣшкахъ, отвѣчалъ ровно, спокойно, безъ всякой интонаціи, двумя кудрявыми словами.

Въ Браиловѣ, какъ во всѣхъ мѣстечкахъ Подольской губерніи, въ обычное время смотрѣтъ нечего. На низенькихъ облупленныхъ домикахъ съ покревизшимися стѣнами и дырявыми крышами; на крошечныхъ лавченкахъ, съ откиднымъ ставнемъ вмѣсто прилавка, содержащихъ товаръ на десять рублей; на оборванномъ, запуганномъ, худосочномъ населеніи, смотрящемъ, постоянно въ землю, какъ будто тамъ ищеть свою таланъ-долю, — лежитъ такая печать нищеты и тупой покорности, что заѣзжему хочется скорѣе бѣжать. Когда нѣтъ ярмарки, мѣстечко осма-

триваютъ только козы. Онѣ забираются на крутыя гонтовья и черепичныя крыши, изъ дыръ, которыхъ остро выглядываютъ стропила, какъ ребра изъ боковъ полуистлѣвшей падали. Козы стоятъ на самомъ конькѣ, подобно альпинистамъ, вскарабкавшимся на неприступную вершину, откуда бросаютъ гордый вызовъ всему дольному міру. Въ центрѣ мѣстечка находится площадь съ двумя единственными домами подъ желѣзными крышами. Одинъ домъ — аптека пана Квятковского, а другой принадлежитъ мѣстному богачу Биберману, гордящемуся больше всего тѣмъ, что къ нему заѣзжаетъ играть въ стуколку *самъ* становой. Осенью и весною эта площадь представляетъ непроходимую трясину, въ которую возы уходятъ выше осей. Даже теперь, въ концѣ іюня, она не совсѣмъ еще просохла. Въ серединѣ ея — колибанъ т. е. топь, покрытая цвѣлю. Обычно колибанъ — грязевой курортъ для свиней всего христіанскаго населенія мѣстечка; но сегодня, во время ярмарки, накопленный опытъ побудилъ животныхъ прервать курсъ лѣченія. Украинецъ любитъ сало и еще больше — буженину. Сладко зажмуривъ глаза, онъ восторженно говоритъ: «Нема рыбы як линина; нема мняса як свинина!» Но этотъ восторгъ относится только къ убитой свиньѣ. Мимо же живой, — если она чужая, конечно, — принимающей грязевую ванну, ни одинъ добрый слобожанинъ не можетъ равнодушно проѣхать безъ того, чтобы не вытянуть животное хоть разъ кнутомъ по спинѣ. По накопленному поколѣніями опыту браиловскія свиньи знали это, а потому на день ярмарки очистили колибанъ.

V.

Когда Петя въ седьмомъ классѣ прочиталъ Бокля и Дрэпера, то завелъ тетрадку для выписокъ и собственныхъ мыслей. Туда онъ внесъ, между прочимъ, такой афоризмъ. «Народъ, какъ шелковичный червь, когда зрѣетъ и растетъ, чувствуетъ, что кожа становится ему тѣсна. Онъ сбрасываетъ ее тогда. Горе

задерживающимъ процессъ линянiя! Горе также народу, который не перемѣнитъ во время кожу, ставшую тѣсной.

— Какъ медленно, однако, растеть иногда «шелковичный червь» и какъ рѣдко испытываетъ онъ необходимость въ линянiи! — думаетъ Петя, толкаясь по ярмаркѣ и вспоминая свой афоризмъ. — Что именно измѣнилось въ украинской ярмаркѣ съ тѣхъ поръ, какъ ее пятьдесятъ лѣтъ съ чѣмъ то назадъ описалъ Гоголь?

И опять чувство блаженства, порожденное чудеснымъ лѣтнимъ днемъ, восемнадцатью годами и гономомъ жизни мѣшаютъ Петѣ продолжать анализъ. Зачѣмъ? Такъ хорошо воспринимать пестрые впечатлѣнiя, какъ они приходятъ! Стоитъ ли строить ихъ, какъ солдатъ, въ шеренгу, хотя бы даже для открытiя base acidifiable потенціальныхъ революціонеровъ въ Широкой Гребли и Ворошиловки? Лучше *просто* смотрѣть на все, что происходитъ кругомъ.

Хорошо думать надъ новымъ обобщенiемъ, тѣмъ болѣе смѣлымъ и всеобъемлющимъ, чѣмъ уже кругъ знакомыхъ фактовъ; но не дурно также стоять подолгу у сукновальни и смотрѣть на воду, которая мчитъ, бурлитъ, кипитъ и сверкаетъ радугой подъ поднимающимися и падающими сваями. Вотъ невѣроятно тощій, носатый гончаръ, напоминающій цаплю въ широкихъ тиковыхъ шароварахъ и въ кожаныхъ постолахъ, достаетъ изъ высокаго заплетеннаго вoза брюхатыхъ зеленыхъ макитры, красные, стройные глечики, сверкающiя поливой (полудой) миски, глиняныя баклажки съ двумя ушками и свистульки въ видѣ пѣтушковъ, поющихъ кукушкой.

— А вѣдь, пожалуй, такими именно музыкальными инструментами парни у кривичей десять вѣковъ назадъ выманивали дѣвокъ на «игрища между сель» и «для бедеръ вихлянiя». — мелькаетъ у Пети мысль; но она безслѣдно таетъ, какъ туманъ отъ солнца.

Рядомъ съ гончаромъ бородатый, рыжій, толстый, потный *нацапъ* разложилъ въ палаткѣ товары, должествующiе содѣйствовать образованiю ума и изящ-

наго вкуса слобожанъ. Тутъ книжки про Еруслана Лазаревича, Атамана Бурю, Прекрасную магометанку, умирающую на гробѣ мужа, про Два кинжала, или Черное домино и про Англійскаго милорда. Всеі этой литературой, восемь лѣтъ назадъ, зачитывался маленькій Петя, забравшись, что бы лучше насладиться, на огородъ, подъ кусты бузины. И юноша съ улыбкой сознается, что про милорда Георга, бранденбургскую маркграфиню Фредерику-Луизу и про бывшего турецкаго визиря Марцимириса даже теперь, черезъ восемь лѣтъ, могъ бы еще лучше рассказать, чѣмъ про Ибнъ Хордадбека, Авиценну, Яхю-бенъ-Серапіона, Мохамеда-бенъ-Музу и другихъ арабскихъ ученыхъ, про которыхъ недавно вычиталъ въ Исторіи умственнаго развитія Европы.

Для развитія художественнаго вкуса слобожанъ кацапъ предлагалъ взятіе Плевны, царскіе портреты, изображенія святыхъ да адъ, гдѣ зеленые черти карали лютыми муками ту именно часть тѣла, которая грѣшила на землѣ. Десяткоъ хлопчиковъ, раскрывъ рты отъ изумленія, созерцали то эти художественныя богатства, то потнаго, счастливаго обладателя ихъ.

— Карпо, дывись, — Толкаетъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ парнишку постарше. Онъ отъ благоговѣнія говоритъ шопотомъ, какъ въ церкви.

— Ось святой Юрко!

— Де?

— На конякі штурхае списомъ (копьемъ) гадюку.

— Дурный! — отвѣчаетъ старшій мальчикъ. — Хиба ж то святой Юрко? Ось читай: «Генераль Скобелевъ».

— Гей, люде добри! — голосить бородатый еврей, въ картузѣ, сдвинутомъ на самый затылокъ, колотя что есть силы *цурталомъ* по днищу бочки. — По квась! По квась! По добрый квась! Хто дасть шостака, той знае смакъ! По квась! По добрый квась! Дядьки! Зъ ледомъ, зъ медомъ! Після сала палыть, а мій квась гасыть!

Петя узналъ смолокура Зельмана, пріѣзжавшаго къ Андрею Степановичу въ лѣсъ, чтобы поставить

тамъ вуглярку (угольную кучу) или чтобы гнать смолу. Зельманъ имѣлъ столько же профессій, сколько пятенъ на длинномъ сюртукѣ, а между тѣмъ все его имущество можно было купить за «шостакъ». Петя счелъ болѣе благоразумнымъ обойти Зельмана и его конкурента, продававшего «лимонадъ газесъ».

Опять палатка, разбитая тоже кацапомъ. Толпа дѣвчатъ въ вѣнкахъ и бабъ въ очипкахъ стояла передъ ней. Дѣвушки восхищались зелеными и алыми стричками, намистами и жестяными позолоченными дукачами, тогда какъ бабы млѣли передъ платками и ситцами. Одна баба не только щупала, но и нюхала каждый кусокъ ситца.

— Москалю, а це мицне (крѣпко ли это?) допытывалась она.

— Сама, тетка, будешь носить, дочкамъ передашь да еще внучки донашивать станутъ. Вотъ какой товаръ. — Увѣрять торговецъ.

— Почемъ.

— Десять копѣекъ за аршинъ.

Баба такъ поражена дороговизной, что даже руками хлопнула себя по бокамъ.

— Хорошо, тетушка, дешево не бываетъ. Цѣна по товару, а товаръ по цѣнѣ. Отъ нахвалу люди наживаются, да только не мы. У насъ товаръ первый сортъ. Лучше не бываетъ, хоть въ Москву поѣзжай.

— А бреше москаль и въ землю не дывыться! — восклицаетъ дядько съ кнутомъ на плечахъ, приведенный въ восторгъ тѣмъ, что кацапъ такъ ловко чешетъ языкомъ.

— Не берите, кума, ситца, — убѣждаетъ добровольная совѣтчица. Никакого цвѣта въ немъ нѣтъ: *саме шуре буре-попиляте.*

— Не тебя, тетка, цѣлуютъ, такъ не дрыгай ногами, — разсердился кацапъ. — Почто отговариваешь?

VI.

— Все это очень занято, но какъ приступить къ бесѣдѣ съ слобожанами, чтобы выяснить революціонный базисъ ихъ души? — думалъ Петя.

Пищитъ, шипитъ и гнуситъ старая шарманка передъ балаганомъ, у входа котораго двѣ картины: одна изображаетъ голаго, волосатаго дикаря, свирѣ-по впившагося зубами въ какую то птицу, а другая — боа, давящаго тигра. Гуртокъ дѣвчатъ, осматривающихъ цѣлымъ селомъ чудеса ярмарки, съ изумленіемъ созерцаетъ эти картины да сонную, вялую обезьяну въ красной фескѣ и въ ситцевыхъ штанишкахъ, печально сидящую на шарманкѣ.

— Малпа! (Обезьяна) — испуганно шепчетъ одна дѣвчина.

Обезьяна тихо застонала.

— Гарчить! мабудъ вчена! — заключаетъ другая дѣвушка.

Петя слышитъ замѣчаніе, какъ будто бы свидѣтельствующее о base acidifiable.

— Робила цілый вік панам, — печально говоритъ старуха, — та мабуть ляжу, як кістка, голо у труну. (Работала весь вѣкъ на господъ, да должно быть, лягу въ гробъ, голая, какъ кость).

— Шо теперъ паны, — утѣшаетъ ее другая баба: — саме голе, як бубон, голодне як собака, в кішені ни шеляга.

Вмѣсто революціоннаго протеста, Петя открываетъ тоску по прошлому.

Мычатъ телята, привязанныя къ хвостамъ матерей; глухо ревуть коровы, укориженно напоминающая хозяевамъ, что время и «худобѣ» закусить. Робко блеютъ овцы, не рѣшаясь громко протестовать даже противъ того, что ихъ не поили еще. Хрюкаетъ и визжитъ на всю площадь связанный «підсвинокъ», принявшійся уже съ утра оплакивать свой короткій поросячій вѣкъ. Собака, привыкшая къ деревенской тишинѣ и испуганная пестрымъ ярмарочнымъ гомономъ, боязливо жметъ подъ хозяйскимъ возомъ, опасаясь даже выглянуть, чтобы не затеряться въ этомъ хаосѣ.

— Вы, куме, вспомните, какъ старые люди учили, сентенціозно. — объясняетъ своему односельчанину покупающему рыжую корову, дядько въ смушковой

шапкѣ. — Какъ надо будетъ платить гроши, замѣчайте, что станетъ худоба дѣлать. Якъ каляе, то на талан, а якъ мочыть, лучше переторгуйте: все равно добра не буде.

— Са-а-а-харное мороженное! — выкликаеть на всю площадь парень въ жилеткѣ поверхъ красной рубахи на выпускѣ.

— Дуже цикаво знате, мамо, якій смакъ въ цѣм сахарном морозі! допытывается двѣнадцатилѣтняя босоножка у матери.

Вотъ между двумя отпряженными возами, заставленными дробиняками, или рѣшетками, устроень наскоро птичій дворъ для индѣекъ. У воевъ собрались ребятишки.

— Индик-дик! Индик-дик! Спустивъ кишку на покрывку, бур-бур-бур! — дразнить ребятишки.

— Бур-бур бур! — сердито отвѣчаетъ самый рослый индюкъ, распустивъ хвостъ и выгнувъ спину, выражая этимъ, что онъ неизмѣримо выше всего окружающаго.

Ходить увѣшанный ножами, шилами, клещами, и подпилками коноваль, высматривая хирургическую практику. Чѣмъ выше поднимается солнце, тѣмъ сильнѣе пахнетъ свѣжимъ сѣномъ, потомъ, навозомъ, медовыми пряниками, новыми рогожками, рожками и смазными сапогами, владѣльцы которыхъ не жалѣли дегтя. Ребятишки, грызущіе сухіе бублики горланять тарабарщину.

Ремесло во трубой.

Мы билися з головой...

Подрам твоимъ, Капказ,

Раздается сало въ нас.

— Что вы поете, хлопчики? — заинтересовался Петя.

— Та це, бач, панычу, мы співаєм московскую, — отвѣтилъ одинъ мальчикъ, бѣгло окинувъ взглядомъ нарядъ Пети, отъ бриля до болотныхъ сапогъ съ подвязанными голенищами. Юноша, нѣсколько смущенный тѣмъ, что его инкогнито такъ скоро раскрыто,

догадывается, что шѣсня, завезенная, вѣроятно, въ село солдатами, возвратившимися со службы, должна означать вотъ что: «Греми, слава, трубой. Мы дрались за Лабой. По горамъ твоимъ, Кавказъ, раздается слава объ насъ».

Петѣ опять пришлось нырнуть въ толпу, когда на площади показалась «заводская» — бричка, запряженная парой гнѣдыхъ, крупныхъ лошадей. Въ бричкѣ сидѣли двое: докторъ Куликъ изъ больницы при сахарномъ заводѣ и главный управляющій панъ Трембицкій, или панъ *mojem Zdaniem*, какъ его звали всѣ за глаза. Панъ Трембицкій любилъ, чтобы его всѣ слушали и когда рассказывалъ что нибудь, то черезъ каждыя десять словъ прибавлялъ съ вѣсомъ, значительно нахмутивъ брови: «*mojem Zdaniem*», т. е. «по моему». И докторъ Куликъ, и панъ Трембицкій хорошо знали Петю. Въ особенности же панъ Трембицкій.

Юноша обошелъ возы и вышелъ къ церкви. Служба кончилась. Слобожане выходили изъ ограды, но не спѣшили расходиться. Они окружили двухъ слѣпыхъ лирниковъ, сидѣвшихъ у ограды рядомъ съ бабами, продававшими вишни, агрусъ (крыжовникъ) и сѣмячки. Слепцы, почуявъ, что ихъ окружили, поджали ноги въ стоптанныхъ постолахъ, прокашлялись, подняли къ небу бѣлыя, незрячія очи. Одинъ запѣлъ, такъ называемый, псаломъ, подыгрывая на старинномъ инструментѣ, издававшемъ едва слышные печальные, стѣнящіе звуки.

Человіче, шо ты дієш,

Чом ты літа не жалієш

Усе гульки, усе гульки,

А про смерть же нема думки.

Такъ пѣлъ лирникъ, тихо качая сѣдой головой. Онъ замолчалъ. И тогда запѣлъ другой слѣпецъ. Онъ пѣлъ про безпечнаго, который говоритъ, что не боится смерти.

Я вид смерти видкуплюся,

Сриблом-злотомъ осиплюся,

Гостоньками обсядуюся.

Такъ отвѣчалъ безпечный на напоминаніе про смерть. — Человѣче, бойся смерти, — опять началъ первый лирникъ. — Вотъ смерть уже у порога. Она подстунаетъ къ столу, отгребаетъ серебро-золото, разгоняетъ гостей и вынимаетъ душу.

— Смерть, мамо моя, мнѣ еще рано умирать! — Молить безпечный. — Я еще такъ молодъ. У меня дома дѣтки малыя.

Смерть неумолима. Тогда душа безпечпаго молить, чтобы ее послали въ рай.

«Не до раю, а до пекла,
Бо тамъ буде тобі тепло!»

Такъ грозно отвѣчаетъ за смерть первый лирникъ. Слѣпцы кончили и понурили головы. «Псаломъ» произвелъ впечатлѣніе. Послышались вздохи.

— Тільки то й правди на світі, що смерть: вона не знає хто бідний, хто багатий, — замѣтилъ одинъ слобожанинъ и, сдѣлавъ философское замѣчаніе, полѣзъ за голенище, гдѣ хранилъ кисетъ и трубку.

— Вид смерти и въ печи не замажешься—робко прибавилъ другой, крутя головой. И Петя узналъ того самого парня, который вольнодумствовалъ утромъ у Степановой криницы.

— Утромъ богоборецъ, а послѣ полудня — запуганный кривичъ, охваченный такимъ же заячьимъ трепетомъ передъ мыслью о смерти, какъ и его предокъ десять вѣковъ назадъ, — подумалъ Петя и улыбнулся.

Солнце перевалило за полдень. Ливень — ослѣпительныхъ, ликующихъ, жгучихъ лучей заставилъ замечтаться даже рахитичныя хибарки. О чемъ онѣ грезили? Не о сытой ли довольной жизни? Не о странѣ ли, гдѣ люди не суетятся, не мечутся, какъ крысы, обѣзвѣшьясь мышьякомъ и гдѣ не трепещутъ, что подбѣжитъ другой и выхватитъ грошъ? Жара сморила всѣхъ на площади. Все уgomонилось временно. Лошади дремали, понутивъ головы, мечтая про полянки въ лѣсу, гдѣ теперь куда лучше, чѣмъ въ мѣстечкѣ. Время отъ времени онѣ вздрагивали всей кожей и

лѣниво махали хвостами: оводы напоминали лошадямъ про дѣйствительность. Волы и коровы прилегли, жуя что то неизвѣстное и задумчиво мигая большими глазами. Повидимому животныя грезили про ѣду. Овцы смиренно сбились въ кучу. Онѣ ничего не понимали, что дѣлается кругомъ, но рѣшили, что безпокоиться нечего, такъ какъ чабанъ Печерыця, баранъ Солощій и собака Сѣрко, навѣрно, вмѣстѣ обдумали уже рѣшительно все. Слобожане или забились въ холодокъ подъ возы, гдѣ закусывали хлѣбомъ и зеленымъ лукомъ, или отправились въ шинокъ, чтобы искать тамъ прохладу и компанію. Изрѣдка налеталъ изъ лѣса слабый, жаркій вѣтерокъ пробуя повертѣть колечки пыли на площади, но сейчасъ же его охватывала истома, и онъ тоже засыпалъ.

Только связанный «підсвинокъ» не переставалъ оплакивать свой короткій поросячій вѣкъ.

Петя усталъ и очень проголодался.

— Ничего. Надо еще присмотрѣться къ крестьянамъ. Навыкъ явится потомъ, думалъ юноша.

То былъ отвѣтъ на соображеніе, что, собственно говоря, наряжаться парубкомъ не было надобности. Петя чувствовалъ, что его распираетъ счастье. Онъ воспринялъ сегодня тѣ неоформленныя впечатлѣнія, которыя въ человѣкѣ зрѣютъ много лѣтъ, покуда неожиданно проявятся выпукло и ярко тогда, когда гораздо болѣе позднія впечатлѣнія безслѣдно растаяли уже въ памяти. Было хорошо, но хотѣлось ѣсть. Куда пойти? По платью слѣдовало бы отправиться въ шинокъ, но Петю тошнило отъ одного запаха водки.

— Сивуха съ ея буйнымъ хмѣлемъ и мрачнымъ похмѣлемъ могла быть выдумана только рабами, — сентенціозно говорилъ онъ. И Петя рѣшилъ отправиться въ трактиръ *Плевна*, куда заѣзжали во время ярмарки паны и полупанки. Такъ какъ было уже не рано, то они, вѣроятно, всѣ разѣхались въ своихъ бричкахъ, бѣгункахъ и одноколкахъ по деревнямъ и фольваркамъ. Можно будетъ, значить, въ пустой комнатѣ напиться чаю да закусить бубликами и коржиками съ макомъ.

VII.

Въ два часа дня можно было смѣло биться объ закладъ, что всѣ посѣтителѣ Плевны разѣхались, а между тѣмъ въ «панской» комнатѣ, вымазанной охрой, на деревянномъ диванѣ, подъ царскимъ портретомъ безъ рамы, сидѣлъ проѣзжій. То былъ мужчина лѣтъ сорока пяти, высокій, широкій въ кости, повидимому очень сильный, съ большими не панскими рабочими руками. Онъ разстегнулъ парусиновый балахонъ съ многочисленными, глубокими туго набитыми карманами и вытянулъ длинныя ноги въ высокихъ сапогахъ. Проѣзжій курилъ коротенькую трубочку и имѣлъ передъ собой стаканъ краснаго вина. И каждый разъ, когда Петя украдкой смотрѣлъ на высокаго проѣзжаго, то встрѣчалъ его пристальный взглядъ. Ничего непріязненнаго въ этомъ взглядѣ не было. Напротивъ даже, Петѣ казалось, что добродушная улыбка ползетъ у проѣзжаго изъ подъ длинныхъ русыхъ усовъ по загорѣлому, обвѣтренному лицу; но юноша чувствовалъ себя очень неловко. Онъ зналъ въ лицо проѣзжаго. То былъ Завиша, или Бурмачинскій панъ, какъ звали его всѣ въ округѣ. Въ 1863 году онъ съ другими молодыми поляками ушелъ «въ лѣса», былъ пойманъ, осужденъ, сосланъ и возвратился изъ Сибири четыре года назадъ по манифесту послѣ русско-турецкой войны. Сестра Завиши сохранила для него Бурмачину. Петя очень хорошо зналъ этотъ фольваркъ, десятинъ въ четырехъ росто съ лѣскомъ десятинъ въ семьдесятъ. Про Завишу, говорили, что на каторгѣ онъ пробылъ четыре года, а потомъ, когда вышелъ на поселеніе, очень выгодно служилъ на золотыхъ пріискахъ. Правда то была или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ Завиша возвратился на родину, повидимому, не съ пустыми карманами. Онъ прикупилъ скоть и завелъ машины. По выраженію сосѣдей, съ которыми Бурмачинскій панъ почти не знался, Завиша «мудровалъ». Онъ устроилъ у себя образцовое хозяйство и первый въ уѣздѣ ввелъ зерновую улучшенную систему, замѣ-

нивь парь не только гречей, которую сѣяли и крестьяне, но турнепсомъ и шпергелемъ. Завиша пробоваль даже ввести плодосмѣнную систему. Онъ устроиль пчельникъ по новому образцу, выписавъ изъ за кордона ульи Іекероли и Дадана. Иногда онъ дѣлаль опыты, приводившіе въ глубокое изумленіе всю округу: такъ онъ устроиль садокъ и скрещиваль зайцевъ съ кроликами, чтобы получить быстро плодящихся лепидовъ.

— Завиша прогорить, *як пан Заблоцькій на мыль!* — авторитетно предсказывали сосѣди, намекая на легендарнаго помѣщика, устроившаго у себя мыловаренный заводъ. Въ особенности дѣлаль такой прогнозъ помѣщикъ Писанко, считавшій себя первымъ умникомъ въ уѣздѣ. Въ этой же самой «панской» комнатѣ въ Плевнѣ онъ доказываль когда-то помѣщикамъ, что, конечно, плодосмѣнная система дала блестящіе результаты въ Бельгіи; но каждая система тѣсно связана съ общимъ экономическимъ строемъ данной мѣстности. Всѣ смѣлые скачки къ высоко интенсивнымъ хозяйствамъ, минуя промежуточные, кончались обыкновенно неудачами, — вѣщаль Писанко, самъ удивляясь тому, какъ хорошо онъ говоритъ по ученому. Онъ предсказываль Завишѣ разореніе. Вопреки столь авторитетнымъ предсказаніямъ, «сибирникъ» не только не прогораль, но, напротивъ, повидимому, округлилъ хозяйство. Крестьяне говорили, что Бурмачинскій панъ „дотепный до всякаго діла“ (на всѣ руки мастеръ). Въ самомъ дѣлѣ, онъ умѣль и машину починить, и косить какъ лучшій „полтавецъ“, и плотничать, и печку скласть. Когда же Завиша собственоручно подковаль коня, причемъ артистически наложилъ на треснувшее копыто заклепки, то присутствовавшій при этомъ Демидовскій кузнецъ Петро Шпакъ, совсѣмъ не послѣдній въ своемъ дѣлѣ, во всеуслышанье заявилъ, что лучше и въ Каменцѣ не сдѣлають. Похвала тѣмъ болѣе замѣчательная, что Шпакъ былъ настроенъ крайне иронически, когда Завиша взялъ обѣдку для расчистки копыта.

Завиша работалъ отъ весны до осени по хозяйству, а зимою, какъ говорили сосѣди, все читалъ. Во всякомъ случаѣ, зимою на его имя прибывали книги изъ Петербурга, и изъ Варшавы, и изъ за-
границы.

VIII.

Когда Петя снова украдкой взглянулъ на Завишу, то встрѣтилъ уже несомнѣнную улыбку.

— *il ne faut jamais rien outrer*, — добродушно, чуть чуть насмѣшливо и совершенно спокойно сказалъ Завиша.

— Что то значны? (Что вы хотите сказать), спросилъ по польски захваченный врасплохъ Петя, растерявшійся до того, что у него перемѣшались всѣ языки. Онъ густо покраснѣлъ.

— На вашемъ мѣстѣ я нашелъ бы болѣе цѣлесообразнымъ придти на ярмарку не въ этомъ костюмѣ, а хотя бы даже въ гимназическомъ мундирѣ, — засмѣялся Завиша.

— Какъ вы меня узнали? — Наивно спросилъ Петя,

Завиша опять улыбнулся, взглянулъ на ботфорты Пети, подвязанные ремешками и отвѣтилъ украинской поговоркой:

— Видно пана по *холявѣ*. *W samej rzeczy*. (въ самомъ дѣлѣ)! Вы думаете васъ такъ трудно узнать? Простите за откровенность. Мы съ вами оба въ нѣ-которомъ родѣ. актеры любители, пробовавшіе или пробующіе свои силы въ одной и той же трагедіи, которой названіе — вамъ извѣстно какое. Вы только что приступаете къ своей роли, а я уже игралъ, провалился, разгримировался и сошелъ со сцены. Быть можетъ, вы позволите мнѣ высказать не совѣтъ, а дружеское соображеніе.

— Пожалуйста, — отвѣтилъ Петя.

— Вы знаете, конечно, украинскія сказки-небылицы, или нисенитныци? Разказчикъ, наприкладъ,

говорить, что пахаль воломъ печь и „наоравъ три горшка кваши“. Отъ этого уродились вербы, зацвѣли раки и поспѣли вьюны. „Як поліз я тих вьюнив трусити, — продолжаетъ рассказчикъ: — трушу та трушу та натрусыв папушу тютюну“. А случились всѣ эти чудеса, — прибавляетъ рассказчикъ, — тогда „як був я ще маленьким, а дід уже парубковав, батька же не було на світі ще“.

Двадцать лѣтъ назадъ пытался я, а теперь повидимому, хотите вы претворить политическую и социальную „нисенитницу“ въ реальность. Если допустить даже, что раки дѣйствительно могутъ вырасти на вербѣ, то и тогда остается одинъ фактъ. Забылъ я я двадцать лѣтъ назадъ и забываете теперь вы, что *батько еще не народился*.

— И этотъ „батько“, по вашему, кто же? — съ нѣкоторымъ задоромъ спросилъ Петя.

— Навыкъ народа жить культурной, свободной жизнью. Наше движеніе двадцать лѣтъ назадъ не было только шляхетскимъ, какъ учили, вѣроятно, насъ. Шляхетскій проектъ *скупа чиншей*, или выкупа крестьянской земли, выработанный на съѣздѣ земледѣльческаго Общества въ Варшавѣ въ февралѣ 1861 года, показываетъ, что польскіе помѣщики готовы были тогда на большія жертвы, чѣмъ русскіе дворяне, заставлявшіе въ губернскихъ комитетахъ по устройству крестьянъ. Указъ объ „Окупѣ панщины“ изданъ по инициативѣ маркиза Вѣлепольскаго, владѣльца крупнаго маіората. И все-таки крестьяне говорили, что паны хотятъ помѣщать очиншеванію, или иначе, тому проѣкту, который сами же помѣщики выработали. И когда русское правительство натравило на насъ крестьянъ, они принялись избивать колями не только революціонеровъ бѣлой дирекціи, какъ говорили тогда, т. е. сторонниковъ Вѣлепольскаго, но и молодежь, мечтавшую объ освобожденіи пролетаріата во всей Европѣ. Я самъ былъ тогда студентомъ варшавскаго маримонтскаго агрономическаго института. Вмѣстѣ со многими товарищами, отправляясь въ походъ, мы пѣли не столько *Боже цюсъ Польскень*, сколько:

Que demand un républicain?
L'égalité du genre humain.
Plus de riches debout,
De pauvres à genou;
Aux fainéants la guerre.

Когда нашъ отрядъ былъ разбитъ, насъ сонныхъ окружили крестьяне. Многихъ они прикончили дубинами, а остальнымъ скрутили руки и доставили по начальству. Тоже самое случится и съ Вами, прежде еще чѣмъ начнется трагедія съ неизвѣстнымъ концомъ, которой название *Революція*. Если же вашимъ товарищамъ удастся поднять тяжелый занавѣсъ и начать представленіе, то еще прежде чѣмъ кончится первый актъ, вы явитесь для родины новой Евдокіей.

— Кѣмъ? — переспросилъ Петя.

— Римской императрицей, женой узурпатора Максима, призавшей въ Римъ въ 450 году Гензериха съ его вандалами изъ Карфагена.

— Что-жъ? Варвары обновили одряхлѣвшій римскій міръ и влили въ него свѣжую кровь, — сказалъ Петя. — Повторится только пьеса, которая разъ уже шла на мировой сценѣ.

— Никогда варвары ничего не обновили и не могли обновить. Древняя цивилизація, будто бы обанкротившаяся, возродилась, когда черезъ восемь вѣковъ, дикари, разрушившіе ее, приучились къ гражданской жизни. Новые варвары, которыхъ вы призовете, не принесутъ даже свѣжую кровь. То будутъ заморыши большихъ городовъ, съ венами, налитыми ядомъ. Даже здѣсь, въ деревнѣ, ко мнѣ обращаются постоянно за дорогимъ корнемъ и за *маржулой*. Значительная часть населенія здѣсь хорошо знаетъ *пранці*.

— Новыя идеи возрождаютъ старый міръ, — сен-тенціозно, съ категоричностью мальчика, которому невступно восемнадцать, сказалъ Петя.

— Да?.. Кстати. Знаете вы, что вандалы были христіане съ 400 года? Вожди дали имъ формулу обря-

дового христіанства, чтобы такимъ образомъ приобрьсть надъ ними вліяніе. То же самое повторится, когда будущій Гензерихъ приведетъ новыхъ варваровъ. Имъ дадутъ лишенную содержанія формулу, во имя которой повторятся и ограбленіе Рима, и избіеніе Альбигойцевъ и Варѳоломеева ночь.

— Не можетъ быть того! воскликнулъ Петя. — Народъ добръ и благороденъ по природѣ своей.

— Ну, въ этомъ отношеніи я съ вами не согласенъ. Добраго народа не можетъ быть, такъ какъ доброта — результатъ сознательной гражданственности, долгой культуры и накопленнаго опыта. Воробы, куры, собаки и кошки въ деревняхъ имѣютъ, я думаю, свое особое мнѣніе о добротѣ подрастающаго поколѣнія. Беременные женщины, которыхъ мужья бьютъ кулаками, стегаютъ возжами, даютъ выволочку за косы или пинаютъ въ животъ, тоже, вѣроятно, пребываютъ при особомъ мнѣніи на счетъ народной доброты. Крестьянскія лошади поддержать, я думаю, мнѣніе женщинъ. Въ прошломъ году въ Широкой Греблѣ крестьяне поймали конокрада. Они долго истязали его, выкручивая ему «вязы», затѣмъ закопали живого. Когда вы попадете въ Сибирь, а это произойдетъ несомнѣнно, то убѣдитесь сами, какой выдумкой является легенда, пущенная въ вашей литературѣ, о добротѣ чалдоновъ, проявляющейся, будто бы, въ особенностяхъ, въ отношеніи къ бродягамъ. Я очень высоко цѣню энергію, смѣлость, настойчивость и независимость сибирскихъ крестьянъ; но доброта, конечно, не въ числѣ ихъ добродѣтелей. Пусть, на примѣръ, бродяга попробуетъ украсть что нибудь въ деревнѣ. Его выслѣдятъ и убьютъ въ тайгѣ. Въ Канскомъ округѣ Енисейской губерніи есть такое село Тасѣвка, гдѣ я жилъ поселенцемъ. Разъ крестьяне тамъ выслѣдили бродягу, путившаго краснаго пѣтуха въ деревнѣ. Бродяга сидѣлъ у костра и собирался кипятить душицу, которую арестанты пьютъ иногда вмѣсто чая. Крестьяне связали бродягу, раскалили до бѣла его котелокъ и

надѣли ему на голову. Затѣмъ бродягу повѣсили на
лиственницѣ.

Такъ какъ доброта результатъ долгой дѣйстви-
тельной культуры, то темныя массы вообще жесто-
ки, а еще больше во время возстаній. Большіе и ма-
ленькіе Гензерихи, гоняясь за властью, возводятъ
тогда жестокость въ философскую систему.

— То что дѣлаемъ мы — подвигъ, который бу-
дутъ пѣть поэты до вѣка, — говорятъ они.

И поэты поютъ! Въ поэмѣ Шевченко, напримѣръ,
со вкусомъ говорится, какъ гайдамаки вырѣзали въ
Лисянкѣ все населеніе, до грудныхъ младенцевъ вклю-
чительно. Замѣтте, вырѣзали стариковъ, женщинъ
и дѣтей, неоказавшихъ никакого сопротивленія.
И вотъ наступилъ вечеръ. Кругомъ пылаютъ дома.
Площадь завалена трупами и залита кровью. Всѣхъ
убитыхъ до десяти тысячъ. При свѣтѣ пожара, устав-
шіе отъ рѣзни гайдамаки ставятъ на базарѣ столы
и садятся ужинать. Желѣзнякъ поднимаетъ стаканъ
водки и, обращаясь къ зарѣзаннымъ, произносить
тостъ:

За проклаті ваши трупи,

За душі проклаті.

Ще раз выпью. Пийте, діти!

Выпьем, Гонте брате.

Банкетъ заканчивается танцами. Всѣ пирующие
съ атаманами впереди «Навприсядки пішли по ба-
зару». «Земля гнеться!» Восторженно восклицаетъ
поэтъ, видящій въ банкетѣ и въ пляскахъ среди лужъ
крови удалой размахъ народныхъ силъ.

— Что же надо дѣлать, по вашему? съ сдержан-
нымъ раздраженіемъ спросилъ Петя. — Держать тѣхъ,
кого вы называете варварами, въ состояніи и поло-
женіи быдла, чтобы они не стали звѣрьми?

— Отнюдь я этого не думаю, — спокойно отвѣ-
тилъ Завиша. Надо лишь помнить, что *только* въ
нисенитницѣ парубокъ собираетъ уже раковъ на
вербѣ, когда его батько не народился еще на свѣтѣ.
Въ жизни страны тоже сперва долженъ «быть батько»,

надобны такія условія, которыя бы могли воспитать гражданскія чувства и доброту въ массахъ. Если этихъ условій не даютъ добромъ, ихъ приходится брать другимъ образомъ.

Разные виды обезьянъ развиваются при различныхъ условіяхъ. Гексли говоритъ, что между лемурами и гориллой большая разница, чѣмъ между антропоидами и человѣкомъ. *Дѣйствительно* интеллигентный человѣкъ и крестьянинъ, пребывающій теперь еще въ ХХ вѣкѣ, развиваются при разныхъ условіяхъ. Въ силу этого, между дѣйствительно интеллигентнымъ человѣкомъ и крестьяниномъ большая разница, чѣмъ между крестьяниномъ и его воломъ. Замѣьте. Я — демократъ и признаю только за демократіей право на существованіе. Надо создать благопріятныя условія, при которыхъ массы могутъ развивать гражданскія чувства и накоплять доброту, которой у ней, къ несчастью, теперь нѣтъ. Когда создадутся благопріятныя условія для развитія, то для полного перерожденія массъ потребуется только одно поколѣніе свободной жизни. Вы видите, гораздо меньше времени, чѣмъ понадобилось на послѣдовательное превращеніе лемура въ шимпанзе.

Въ дверяхъ показался губастый парубокъ лѣтъ двадцати, съ безцвѣтными глазами и такимъ выраженіемъ на жирномъ, веснушчатомъ лицѣ, что каждый невольно припоминалъ поговорку: «дурню розум не заважить».

— Что скажешь, Мацько? спросилъ Завиша.

— Брычка! — лаконически выперъ парень, развѣсивъ толстыя губы.

— Сварили шину?

— Эге!

— Запрягъ?

— А вже ж.

— Добре, хлопче, зараз поїдемо... Хотите? — подвезу, — обратился Завиша къ Петѣ: — намъ по дорогѣ.

Юноша поблагодарилъ. Онъ усталъ, и ему очень хотѣлось принять приглашенія, но было совѣстно.

— Естемъ пану модно обвіонзаны! (Я очень обязанъ вамъ), — улыбнулся Завиша, угадавъ, что Петя стѣсняется. — Благодаря вамъ, мнѣ удалось сегодня поговорить не о сѣнокосѣ и не о постройкѣ новаго сажу. Такая возможность не часто выпадаетъ у насъ въ уѣздѣ.

IX.

Вечерѣло. Тѣни отъ людей въ бричкѣ и отъ лошадей протянулись черезъ всю дорогу, причемъ головы скользили даже дальше, по запыленнымъ кустамъ блѣднозеленаго молочая и пепельной полыни, достигая до наливавшейся ржи, въ которой билъ перепелъ, какъ бы приглашая пріятеля: „Пить-пойдемъ! Пить-пойдемъ!“ Какъ и утромъ, тянулись по дорогѣ, но только ужъ въ другомъ направленіи, возы и шагали пѣшеходы, мѣрно размахивая батошками и палочками. Визжалъ „підсвинокъ“ уже на другомъ возу, бубонили пьяные, но вообще было не такъ шумно, какъ утромъ. Всѣ устали за день. Притомъ, передъ наступленіемъ ночи и природа, и люди, и всякая живая тварь склонны думать больше, чѣмъ когда до заката еще далеко.

Думали, хотя не по одному, и существа, тѣни которыхъ скользили по краю длинной дороги, обросшей ѣдкимъ молочаемъ и горькой полынью. Лошади фыркали, желая выразить свое рѣшительное неодобреніе непонятному и препротивному обычаю Мацька пригонять ихъ съ лѣсной полянки, гдѣ сладкой травы-ѣшь-не-хочу, впрягать потомъ въ бричку и катить туда, гдѣ подъ ногами были только навозъ да покрытое цвѣлью вонючее болото. Конечно, въ такомъ случаѣ берутъ всегда полную кормушку овса. Это хорошо; но овесъ исчезаетъ какимъ то образомъ, раньше чѣмъ оба коня: Каштанъ и Чапля добираются до дна торбъ. Все это скверно. Хуже еще чѣмъ оводы.

Мацько сосредоточенно сдвинулъ бѣлесыя брови, поджалъ толстыя губы и напряженно думалъ о картезѣ съ большимъ козырькомъ и съ блестящимъ ре-

мешкомъ. Мацько видѣлъ сегодня въ лавкѣ такую именно шапку. За нее просили три злота. И теперь кучеръ высчитывалъ, сколько еще маленькихъ операцій съ овсомъ надо продѣлать, чтобы собрать такой капиталъ.

— Одни актеры поднимаются на сцену, а другіе спускаются съ нея, — думалъ Завиша. Передъ выходомъ всѣ очень самонадѣяны и всѣ, тѣмъ не менѣе играютъ одинаково скверно. Всѣмъ такъ радостно передъ началомъ представленія и такъ грустно потомъ, когда приходится разгримироваться, чтобы изъ героя трагедіи превратиться въ обывателя Казтана Завишу, которому надо строить новый сажъ для свиней.

Если удаляющіеся со сцены искренни, они сознаются, что не знали роли. И, тѣмъ не менѣе, всѣ почему то говорятъ о своемъ опытѣ, когда встрѣчаютъ дебютантовъ. Какой опытъ у уходящихъ со сцены? Что они знаютъ? Извѣстно ли хоть содержаніе трагедіи? Хорошо, когда можно вѣрить въ нее. Это окрыляетъ, но такая вѣра лишь достояніе юности. Она можетъ сказать разгримировавшимся скептикамъ, прогнаннымъ со сцены, такъ:

— Старики! Вы не знаете устремленій юности. Вы измѣряете жаръ ея сердца горечью вашей желчи. — Чьи это слова? Ахъ, да, Шекспира. Зачѣмъ же говорить о накопленномъ опытѣ тамъ, гдѣ все призрачно?

И у Завиши сверкнулъ парадоксъ: «Извѣстно только великое неизвѣстное, ждущее насъ всѣхъ. Только одна смерть реальна».

Петя пробовалъ сперва думать о своемъ первомъ выступленіи и о словахъ Завиши, но скоро мысль растаяла, какъ облачко въ зарецвѣтныхъ лучахъ. Блаженное чувство покоя разлилось по здоровому, молодому тѣлу, не знавшему еще страданій и, быть можетъ, такъ же томившемуся по нимъ, какъ изнывали по очистительной купели александрійскіе юно-

ши много вѣковъ назадъ. Петя взглянулъ на западъ, залитый пламенемъ и подумалъ:

Завтра тоже будетъ чудесный день!

Близились ночь, но юность всегда видитъ впереди только лучезарный восходъ....

II.

Отъ келій душныхъ въ міръ тревогъ.

I.

«Тридцать пять лѣтъ безконечный срокъ, когда они впереди и только одно мгновеніе, когда остались позади, — думалъ Петръ Андреевичъ Божко въ мартовскую полночь въ своемъ коттеджѣ на окраинѣ Лондона, вспоминая встрѣчу съ Завишей. — Когда смотришь впереди, время кажется гигантской раненой анакондой, едва волочащей тяжелое брюхо и безконечный хвостъ черезъ камни. Когда же думаешь о пройденномъ пути, то вспоминается сравненіе съ тѣнью летающей птицы, которое вотъ уже тысячи лѣтъ, какъ повторяютъ на всѣхъ языкахъ геніи и бездарности. Одно мгновеніе, — и нѣтъ больше ни птицы, ни тѣни ея».

Примѣчательныя событія въ жизни Божко за тридцать пять лѣтъ, конечно, не потребовали бы тридцати пяти листовъ для описанія ихъ.

Какъ предсказывалъ Завиша, Божко не миновалъ Сибири. Черезъ пять лѣтъ онъ возвратился на родину, затѣмъ очутился въ Лондонѣ, гдѣ ужъ много лѣтъ выполнялъ работу, которую въ рѣдкіе моменты, когда бывалъ доволенъ собою, находилъ не бесполезною для Россіи. Онъ писалъ книги.

За послѣднія двадцать лѣтъ, изъ своего кабинета, Божко насаждалъ оптимизмъ и. дѣйствительно, смотря на свѣтъ Божій изъ за своего рабочаго стола, искренно вѣрилъ, что въ мірѣ, въ концѣ концовъ,

все складывается не такъ ужъ плохо. Это не исключало повторныхъ приступовъ пессимизма и подавленного настроенія. Тогда Божко неизмѣнно видѣлъ образъ, принимавшій съ годами все большую отчетливость.

Человѣчество — орда, тронувшаяся въ дорогу неизвѣстно когда, идущая невѣдомо зачѣмъ. Путь впереди заволоченъ густымъ туманомъ, въ которомъ ордынщики видятъ все, что хотятъ. Иные населяютъ туманъ страшными призраками, иные видятъ въ желтой мглѣ прекрасные пейзажи; но и то и другое — только плодъ воображенія. Позади, на пройденномъ пути, нѣтъ тумана. И, оглянувшись, орда видитъ лишь голыя печальныя скалы. Кто приказалъ ордѣ тронуться въ путь — неизвѣстно, но она обязана итти впередъ, въ туманъ, зная только одно: гдѣ-то тамъ, впереди, въ непроницаемой желтой мглѣ находится *она*, невѣдомая, страшная и неминуемая. И пытаюсь временно забыть про *нее*, одни ордынщики непремѣнно добиваются, чтобы про нихъ узналъ тотъ, кто идетъ плечомъ къ плечу; другіе — вожделяютъ, упиваются виномъ, собираютъ цвѣтныя камешки или силой отбираютъ ихъ у другихъ. Но добиваются ли они извѣстности, вожделяютъ или ненавидятъ, ордынщики неизбѣжно обязаны итти впередъ, къ ней. И есть въ ордѣ такіе, которые увѣряютъ, будто могутъ заглянуть за туманъ и сказать, что тамъ находится. Но ихъ слова невразумительны и еще темнѣе тумана.

Никто не знаетъ, гдѣ была головная колонна орды. Никто не знаетъ, когда пройдутъ послѣднія кибитки. Извѣстно только, что миллионы миллиовъ прошли уже. Время отъ времени въ туманѣ слышны вздохи и вырываются восклицанія: «Горе ордѣ, горе!» Этотъ вздохъ зародился въ незапамятныя времена у передовой колонны орды.

И съ тѣхъ поръ онъ повторяется на разныхъ языкахъ. На придорожныхъ скалахъ видны таинственныя надписи, сдѣланныя на языкахъ, на которыхъ теперь не говорятъ уже. И когда кто нибудь изъ ордынщи-

ковъ, горя безцѣльнымъ любопытствомъ, добирается до смысла писменъ, онъ узнаетъ тотъ же вздохъ: «Горе ордѣ, горе!»

Для усугубленія горестнаго положенія ордынщиковъ, ихъ безпрестанно обманываютъ. Имъ говорятъ, что за этимъ туманомъ есть нѣкто безгранично добрый, бесконечно могущественный, который любитъ всѣхъ, какъ дѣтей своихъ. И, говоря о благоволеніи, обманщики творятъ зло и великія обиды. Другіе твердятъ что любовь озаряетъ этотъ желтый туманъ и населяетъ его волшебными призраками. Они бормочутъ: «радость моя, жизнь моя, солнце мое, счастье мое»! Но послѣ вожелѣнія ненавидятъ другъ друга. Орда сдѣлала все, чтобы быть еще болѣе несчастной. Иные ордынщики заставили другихъ сдѣлать кибитки и уместить коврами. Послѣ этого, мастеровъ впрягли въ кибитки, а безцѣльники улеглись на ковры.

Образъ, мелькнувшій впервые во время нервной боязни неизмѣнно представлялся Петру Андреевичу въ часы подавленнаго настроенія; но уныніе проходило, и снова рождалась вѣра. Тогда Божко посылалъ въ Россію очередную работу, проникнутую бодростью.

II.

Тридцать пять лѣтъ назадъ, въ *Плевнѣ*, Завиша подвергалъ сомнѣнію существованіе трагедіи, въ которой онъ уже отыгралъ свою роль, а Петя лишь собирался пробовать силы. Теперь, когда Божко уже разгримировался, какъ Завиша, когда его встрѣтилъ Петръ Андреевичъ, трагедію дѣйствительно поставили, причемъ не только полностью, безъ всякихъ урѣзокъ, но даже съ дикими вставками неумѣлыхъ драматурговъ. Занавѣсъ взвился, когда весь міръ былъ охваченъ пожаромъ и когда падали государства, какъ рюхи. Тридцать пять лѣтъ назадъ Завиша предположительно допускалъ пришествіе Гензериха. Теперь каждый нумеръ газетъ на всѣхъ языкахъ говорилъ о томъ, что ивановцы дѣлаютъ съ захваченной ими Россіей.

На столѣ у Божко лежало письмо, изображавшее въ самыхъ мрачныхъ краскахъ положеніе Россіи и приглашавшее Петра Андреевича на совѣщаніе-панихиду. Рядомъ съ этимъ русскимъ письмомъ лежало другое, англійское, состоявшее изъ однихъ восторженнымъ восклицаній по поводу выступленія ивановцевъ. Это письмо звало Божко на митингъ, чтобы привѣтствовать ивановцевъ, какъ обновителей міра.

Когда Петръ Андреевичъ думалъ объ этихъ письмахъ, онъ представлялъ себѣ впрочемъ не взятіе Рима Гензерихомъ и его суровыми, мужественными воинами, а другой эпизодъ, тоже относящійся къ началу пятого вѣка. Изъ отдаленныхъ горныхъ монастырей и изъ келій Ливійской пустыни въ Александрію явились пылающіе ненавистью фанатики анахореты и кеновиты, умъ которыхъ, оторванный совершенно отъ живої дѣйствительности, ушелъ въ метафизическія формулы. Къ пустынножителямъ присоединились полчища рабовъ, солдатъ, бѣжавшихъ съ поля сраженія и преступниковъ, которыхъ было такъ много въ нарядной, великолѣпной, грѣшной и ученой Александріи. Во главѣ воинства сталъ хитрый, ловкій и безчестный въ выборѣ средствъ епископъ Кириллъ. Онъ направилъ свою рать противъ александрійской культуры и противъ науки, представленной прекрасной и добродѣтельной Гипатіей. Пустынножители и слѣдовавшая за ними толпа выволокли дѣвушку изъ академіи, гдѣ Гипатія читала многочисленнымъ слушателямъ лекцію на извѣстную тему: «Что такое мое я? Гдѣ оно пребываетъ? Что оно знаетъ». Анахореты сорвали съ Гипатіи хитонъ и гиматіонъ и поволокли ее въ церковь, гдѣ монахъ Петръ Начетчикъ убилъ дѣвушку ударомъ дубины. Толпа растерзала дивное тѣло, а пустынножители отодрали мышцы отъ скелета раковинами, изъ которыхъ пили воду.

Однородныя явленія — думалъ Божко — повторяются при наличности одинаковыхъ условій. И черезъ пятнадцать вѣковъ Кириллъ снова явился съ своими анахоретами, вышедшими изъ келій, гдѣ

вдали отъ дѣйствительной жизни придумали для нее отвлеченную формулу. И снова за пустынножителями валить несмѣтная рать. Въ чемъ же причина череднаго появленія въ разныхъ странахъ однихъ и тѣхъ же историческихъ героев?

Думая надъ этимъ вопросомъ, Петръ Андреевичъ отдернулъ занавѣсъ у громаднаго окна, потушивъ предварительно электрическую лампу.

Была ясная звѣздная ночь, что не часто въ Лондонѣ. Божко узнавалъ созвѣздія, которыя изучалъ когда то изъ оконъ тюремной больницы въ Харьковѣ и на дальнемъ сѣверо-востокѣ. Рецидивъ религіозности, пережитый въ первый годъ одиночнаго заключенія, прошелъ въ Сибири, но на нѣкоторое время осталось тяготѣніе къ мистицизму и къ усматриванію сокровеннаго смысла въ картѣ неба. Въ особенности такъ было въ первую зиму пребыванія въ Средне-Колымскѣ. Нервы Божко не выдержали тогда долгой, темной ночи, оторванности отъ всего міра и протяжнаго воя нѣсколькихъ сотенъ ѣздовыхъ собакъ, не умѣющихъ еще выражать свое отчаянье лаемъ.

И во время остраго помѣшательства, продолжавшагося покуда солнце перестало закатываться, а воздухъ наполнился клекотомъ, курлыканьемъ, свистомъ и криканьемъ безчисленныхъ стай перелетной птицы, — все нагоняло на Божко мистическій страхъ.

Петръ Андреевичъ улыбнулся, вспомнивъ то время. Вотъ Андромеда, казавшаяся тогда больному юношѣ вѣчнымъ символомъ предопредѣленія, положеннаго человѣческой мысли: она всегда будетъ скована. Персей никогда не достигнетъ до нея, чтобы освободить ее. Усилія Персея тщетны, ибо Андромеда, — такъ казалось тогда Божко, — сама сковала себя. И какъ только одна цѣпь ослабѣетъ, Андромеда сплѣшитъ замѣнить ее новой, болѣе крѣпкой.

Больного юношу въ особенности тогда пугала звѣзда Алголь въ группѣ Персея, періодически замирающая каждые три дня. Божко какъ разъ вычиталъ у Араго про нее. Больной разыскивалъ звѣзду и

наблюдалъ, какъ постепенно замираетъ яркій свѣтъ ея, какъ почти совершенно исчезаетъ на нѣсколько минутъ, а затѣмъ снова появляется. Божко зналъ, что Ньюволь и Кэмпбелъ точно объяснили причины замиранія. Юношѣ было извѣстно, что тамъ два солнца, вращающіяся одно вокругъ другого, раздѣленные разстояніемъ, кажушимся ничтожнымъ въ сравненіи съ ихъ діаметромъ и періодически закрывающія одно другое. Но Петру Андреевичу во время болѣзни объясненіе казалось слишкомъ простымъ. Въ чередномъ замираніи Алголя Божко усматривалъ вѣчный символъ временнаго исчезновенія Правды и народненія ея. Какъ ясно вспоминалъ Божко въ эту звѣздную ночь свой бредъ!

III.

По безоблачному небу пробѣгали широкія, яркія полосы свѣта. Онѣ струились со всѣхъ сторонъ горизонта, постоянно пересѣкались и составляли серебристые узлы то тамъ, гдѣ сіялъ Сириусъ, то подъ Тремя королями, то еще выше подъ золотой Капеллой.

И вдругъ совсѣмъ близко раздался пушечный выстрѣлъ, другой, третій. Выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ, какъ Три короля тамъ вверху, въ океанѣ вѣчности.

За первыми тремя ударами послышались три другихъ, нѣсколько глуше, затѣмъ еще три послабѣе. Тройные выстрѣлы, чуть слышные, донеслись совсѣмъ издалика.

Божко поспѣшно задернулъ занавѣсъ. Внизу пронзительно залаяла собачка.

— Папа! Налетъ. — Раздался тотчасъ же по англійски встревоженный дѣтскій голосъ.

— Да, слышу, — по англійски же отвѣтилъ Божко. — Спускайся въ столовую, Флори. Я тамъ сейчасъ зажгу огонь. Спѣшить нечего: — мы слышали только сигнальныя ракеты. Аэропланы прилетятъ минутъ черезъ пятнадцать, не раньше.

— А развѣ мамы еще нѣтъ дома? — спросила Флори.

— Мама въ театрѣ. Тамъ есть куда спрятаться. Спускайся.

Минуты черезъ три Божко былъ уже внизу, въ столовой, гдѣ зажегъ газовый каминъ, затѣмъ вкатилъ изъ другой комнаты глубокое кресло для маленькой дочери. Еще черезъ минуту вошла дѣвочка лѣтъ десяти, съ распущенными мѣдными волосами. Она накинула шубку поверхъ ружамас и натянула только одинъ чулокъ. За дѣвочкой, подбирая коротенькія лапки, бѣжалъ мохнатый, коричневый шпицъ съ задраннымъ, будто густо напудреннымъ, пушистымъ хвостомъ. Шпицъ недоумѣвалъ, почему всѣ поднялись въ такое время, когда онъ привыкъ спать. Собакѣ передалось нервное возбужденіе дѣвочки.

Онъ вертѣлся, высунувъ тоненькій языкъ. За разрѣшеніемъ волновавшаго его вопроса шпицъ ткнулся было къ грѣвшемуся у камина черному котенку, съ бѣлыми лапками и розовымъ носомъ. Собака и кошка съ первыхъ дней появленія [на свѣтъ, спали въ одной корзинѣ и были дружны. Во всякомъ случаѣ, они терпѣли другъ друга, покуда не приходилось дѣлать чего нибудь. Шпицъ вообще свысока относился къ котенку, но игралъ съ нимъ.

Вмѣсто отвѣта, котенокъ зажмурилъ глаза и мяукнулъ.

— Мнѣ какое дѣло? Отстань?—понялъ шпицъ. Онъ поднялъ переднюю лапку и залаялъ. «Скажите ли вы мнѣ наконецъ, что у васъ тутъ творится? — слышалось въ этомъ лаѣ.

Флори принесла съ собою ярко раскрашенный номеръ юмористическаго журнала *Пакъ*, увлеченіе которымъ всѣ дѣти въ Англіи переживаютъ, какъ корь. Въ каждомъ номерѣ обязательно находятся двѣ вещи: каррикатуры, изображающія все новыя похождения бродяги Дэннзля да разсказъ изъ школьной жизни.

— Есть ли интересное въ *Пакѣ*? — спросилъ Божко. Ему хотѣлось, чтобы тревожное состояніе у дѣ-

вочки прошло и замѣнилось обычнымъ настроеніемъ.

Говорятъ, собираются привести въ Лондонъ китовину и замѣнить ею говядину. «Такъ какъ китъ съѣлъ прежде Іону, то пусть Іона теперь съѣстъ кита», — пишетъ *Пахъ* и даетъ ужасно смѣшное меню полярнаго завтрака. Слушай, — начала читать дѣвочка. «Супъ полярный медвѣдь, à la полуночное солнце. Китовое *filet au gratin* съ бѣлымъ соусомъ. Вареный левіаѳанъ. Пингвинъ en *casserole*. Жареный тюлень съ моржевými бакенбардами. Нарвалій окорокъ au Шэкльтонъ. Ледяной пуддингъ». Правда ли, что китовина вкуснѣе говядины, какъ говорится здѣсь?

Божко усмѣхнулся. Онъ вспомнилъ пиръ чукчей надъ трупомъ молодого кита, выброшеннаго волнами на прибрежныя шиферныя скалы.

— Я всегда зналъ, когда ко мнѣ шелъ въ гости чукча, если вѣтеръ дулъ отъ него, — сказалъ Петръ Андреевичъ. Наступило молчаніе. Дѣвочка опустила номеръ *Паха*. Отецъ и дочь начали прислушиваться. Издали донеслись дробные, глухіе звуки, какъ будто тамъ били въ барабанъ.

— Надо узнать въ какомъ направленіи выстрѣлы, — сказалъ Божко. Онъ вышелъ въ переднюю и пріотворилъ наружную дверь. У сосѣдей всюду сквозь спущенныя занавѣсы мерцалъ свѣтъ въ верхнихъ этажахъ коттѣджей. Повидимому, вездѣ поднимали дѣтей со сна, поспѣшно одѣвали ихъ и заспанными сводили или сносили въ столовую, кухню или въ угольный погребъ.

Удары гудѣли отчетливѣе. Полосы бѣлаго свѣта пробѣгали по темному, звѣздному небу, сплетались и составляли сверкающіе узлы. То прожекторы обшаривали высь. Время отъ времени надъ горизонтомъ золотой полоской сверкала шрапнель и взлетала по дугѣ высоко вверхъ, какъ огненная стрекоза.

— Стрѣляютъ на востокъ, — сообщилъ Божко дочери.

Скоро, однако, барабанный бой раздался на запа-

дѣ, затѣмъ затрещалъ на востокѣ, потомъ зарокоталъ со всѣхъ сторонъ. И къ этому гулу прибавился новый рокоть, похожій на гудѣніе огромныхъ разъяренныхъ шершней.

— Аэропланы спѣшать навстрѣчу непріятелю, — сказала Божко, прислушиваясь къ шуму.

— Совсѣмъ какъ въ сказкѣ, — начала Флори. — Мы живемъ въ городѣ, куда по ночамъ прилетаютъ нечистые. Днемъ всѣ горожане спокойны, пьютъ, ѣдятъ и веселятся. Когда же наступаетъ ночь, жители обводятъ городъ волшебной чертой и ждутъ. Прилетаютъ нечистые, но никакъ не могутъ перебраться черезъ волшебный кругъ. Они пробуютъ съ сѣвера, потомъ тычутъ носы съ запада, покружатся, покружатся и ткнутся съ юга. А жители сидятъ въ чертѣ и прислушиваются, какъ воютъ за нею нечистые.

Флори замолчала, потому что забарабанило ближе. Потомъ еще ближе. По черепицамъ крыши запрыгаль какъ будто крупный градъ.

— Обломки шрапнели падаютъ, — отрубилъ Божко, замѣтивъ пыливый взглядъ дѣвочки. — Отъ нихъ всякая крыша защититъ.

Оглушительный грохотъ перервалъ объясненіе. Невѣдомая сила толкнула коттѣджъ, такъ что онъ весь задрожалъ. Стекла на западной сторонѣ задребезжали, какъ хрустальныя подвѣски старинныхъ люстръ.

— Бомба упала! — сказалъ Божко.

IV.

Онъ вспомнилъ, какъ сравнивалъ когда то подольскихъ крестьянъ съ кривичами. Теперь для людей, создавшихъ неизмѣримо болѣе высокую матеріальную культуру; чѣмъ крестьяне Вапнярки, Широкой Гребли и Медвѣдівки надо придумать другое сравненіе. Время это — мелкая зыбь, набѣгающая на берега безграничнаго океана, — думалъ Божко. Едва замѣтныя волны шлифуютъ въ продолженіи десятковъ вѣковъ гальку, лежащую на берегу. Галька эта — народы. Но какъ

мало замѣтна шлифовка! Чисто обточенныхъ камешковъ почти нѣтъ. Преобладаютъ грубые куски кремня и кварца съ острыми углами. И когда набѣгаетъ волна покрупнѣе, она выворачиваетъ всѣ острые, не обточенные еще камни. Люди еще только поверхностно тронуты культурой. При событіи, нарушающемъ хоть сколько нибудь укладъ обычной общественной жизни, выступаетъ неолитическій человѣкъ, надѣленный такою же слѣпою жестокостью, какъ современникъ саблезубаго тигра, но имѣющій въ миллионъ разъ болѣе совершенныя орудія, чѣмъ предокъ, для претворенія своей кровожадности въ дѣйствіе. Пещерный человѣкъ хоть видѣлъ врага. Ярость воина была понятна. Теперь на легучихъ коняхъ кружатся надъ Лондономъ на высотѣ десяти тысячъ футовъ вершники. Они разрушаютъ дома и убиваютъ беззащитныхъ людей, которыхъ не видятъ даже. Какъ же вершники могутъ разъярить себя на убійство?

И возникъ вопросъ, который Петръ Андреевичъ часто задавалъ себѣ въ послѣдніе три года: «Чѣмъ объяснить перемѣнное выступленіе пещерныхъ людей?» Въ отвѣтъ явилась теорія, покуда смутная, которую Божко все старался уложить въ отчетливый образъ.

Снова раздались одинъ за другимъ два взрыва. Опять дрогнулъ коттеджъ, и опять задребезжали стекла, но уже въ окнахъ, выходившихъ на востокъ. „И быша гласи и громы и блистанія и трусь“, — вспомнилось Петру Андреевичу.

— Ты боишься? — спросилъ онъ дѣвочку.

— Нѣтъ, непріятно только.

— Не помню, рассказывалъ ли я тебѣ про самый сильный страхъ, какой испыталъ когда-либо? — началъ Божко, чтобы отвлечь вниманіе дѣвочки отъ выстрѣловъ.

— Нѣтъ, расскажи. Глаза у дѣвочки сверкнули.

Божко началъ рассказывать эпизодъ изъ своего пребыванія въ полярномъ поселеніи, у устья великой рѣки на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Нижне-Колымскъ совершенно опустѣлъ. Во всемъ поселеніи

не осталось никого, такъ какъ шла сельдь, и всѣ жители отправились на неводьбу. Всюду въ городѣ виднѣлись лишь окна, заставленные вмѣсто ставенъ столешницами, да запертыя на замокъ двери. Товарищи Петра Андреевича поѣхали по плавникъ, чтобы запастись топливомъ на зиму. Такъ какъ кому-нибудь необходимо было остаться домовничать и ладить избу на зиму, то выбрали Божко. Кромѣ него не было живой души въ крѣпости, какъ называютъ Нижне-Колымскъ. Даже единственныя домашнія животныя низовиковъ — собаки пребывали на заимкахъ. Стоялъ уже сентябрь, и ночи пошли раннія и темныя. При свѣтѣ жирника Божко читалъ странный рассказъ Мопассана *Arraigion*, чѣмъ еще сильнѣе разстроилъ себѣ нервы и безъ того издерганные полнымъ одиночествомъ. Въ особенности становилось жутко, когда рыбій жиръ въ плоскѣ начиналъ трещать. Свѣтильня тогда вспыхивала, и по неровнымъ, законченнымъ, бревенчатымъ стѣнамъ пробѣгали трепетныя, черныя тѣни. Тогда казалось, что въ избу влетѣлъ чудовищный нетопырь и бьетъ мохнатыми крыльями, стараясь вырваться. Наконецъ Божко легъ спать и потушилъ жирникъ. Какъ только стало темно, въ избѣ загудѣло. Божко вздрогнулъ и зажегъ плоску. Непонятные звуки прекратились немедленно. Съ четверть часа прогорѣла плоска. Видя, что все тихо, Божко задулъ огонь. Только что Петръ Андреевичъ свернулся подъ заячьимъ одѣяломъ, какъ снова зарокотало. Кто то ходилъ, громко стуча ногами. Божко засвѣтилъ огонь, и снова въ избѣ наступила тишина; только шипѣла и трещала свѣтильня. Съ полчаса прогорѣлъ жирникъ, покуда Божко успокоился. Такъ какъ все было тихо, онъ снова загасилъ свѣтильню. Петръ Андреевичъ началъ уже было засыпать, когда снова загудѣло въ избѣ. Что-то тяжелое ходило подъ кроватью, громко стуча копытами. Дрожащей рукой Божко зажегъ жирникъ.

Сердце билось усиленно. Пугала непонятность всего происходящаго. Божко казалось, что опять начинаются слуховыя галлюцинаціи, какъ въ первую зиму пребы-

ванія въ ссылкѣ. Непонятный шумъ прекратился; но полярный Робинзонъ не потушилъ жирника. Чтобы успокоиться, Петръ Андреевичъ сунулъ руку подъ подушку и досталъ заряженный револьверъ. Прошло минутъ двадцать, и вотъ „нѣчто“ опять завозилось. Теперь уже не подлежало сомнѣнію, что какое то большое, тяжелое животное забралось подъ кровать и стучить тамъ копытами. Божко всталъ, взялъ въ одну руку жирникъ, а въ другую револьверъ.

— И что же это было? — спросила дѣвочка, застывшая отъ вниманія.

— Мыши. Подъ кроватью лежала громадная сума изъ сыромятной кожи. Въ такихъ суммахъ везуть на вьючныхъ коняхъ муку изъ Якутска въ Средне-Колымскъ. Такъ какъ лошадямъ приходится переходить безчисленныя болотныя рѣчки и бродить все время въ бадаранахъ, то вода просачивается въ суму. Отъ этого къ стѣнкамъ ея прикипаютъ комья муки, твердые какъ камень. Въ голодное время мы толкли эти комья и пекли изъ нихъ лепешки. Ну, въ суму, лежавшую подъ кроватью, забрались очень смѣшныя полярныя, куцья мыши. И такъ какъ сыромятная кожа сумы высохла, то гудѣла, какъ громадный барабанъ даже отъ царапанья мышей. Какъ только я увидѣлъ суму, то сообразилъ въ чемъ дѣло. Я швырнулъ въ нее сапогомъ. И тотчасъ же нѣсколько мышей высочили изъ нея.

— Такъ это были только мыши? разочаровано спросила дѣвочка, приготовившаяся услышать по крайней мѣрѣ про медвѣдя.

Разсказъ произвелъ именно то впечатлѣніе, на которое рассчитывалъ Божко. Нервное, возбужденное состояніе у дѣвочки замѣнилось обыкновеннымъ.

Доносились еще выстрѣлы, но теперь они уже звучали глухо. Еще нѣсколько минутъ и, они замерли. Вдругорядъ Петръ Андреевичъ пріотворилъ наружную дверь. Въ полутьмѣ онъ увидѣлъ сосѣдей, вышедшихъ изъ коттеджей и стоявшихъ у калитокъ палисадниковъ: мужчины были въ халатахъ, и съ си-

гарами или трубками въ зубахъ, а женщины накинули что попало.

— Какъ вы думаете, кончилось уже? — доносилось изъ темноты.

— Кажется что да, — отвѣтилъ кто то.

Черезъ нѣсколько минутъ раздались ликующіе звуки сигнальныхъ рожковъ. То мальчики подростки возвѣщали обывателямъ, что вершники на летучихъ коняхъ прогнаны. Мальчики, явившіеся на заранѣ условленный сборный пунктъ, какъ только начался налетъ, исполняли обязанность третьихъ пѣтуховъ въ сказкѣ.

— Ну, Флори, пора спать, — сказалъ Божко. — Нечистые улетѣли, и ужъ до слѣдующей ночи все спокойно.

III.

На массарандубѣ.

I.

Ровно въ три на другой день Петръ Андреевичъ явился по приглашенію на обсужденіе вопроса, что теперь предпринять, когда власть захвачена ивановцами.

Въ передней, на столѣ навалены были пальто, шляпы и зонтики. Растерявшійся ливрейный лакей англичанинъ уже не спрашивалъ фамиліи у прибывающихъ, а только указывалъ на массивную, громадную дверь изъ краснаго дерева, которая вела въ залу, гдѣ должно было произойти засѣданіе. Тамъ уже находилось человѣкъ двадцать. Повидимому, многіе не знали другъ друга даже въ лицо. Они стояли у стѣнъ, ожидая знакомыхъ, чтобы заговорить и выйти изъ неловкаго положенія.

— Знаете, Петръ Андреевичъ, все это мнѣ ужасно напомнило одинъ эпизодъ изъ путешествія по Тапахосъ, — замѣтилъ вполголоса бурый отъ загара, скуластый мужчина лѣтъ тридцати пяти, высокій, кражистый, повидимому, очень здоровый. Онъ былъ хорошо одѣтъ, даже на англійскій взглядъ. Но англичанинъ непремѣнно сказалъ бы, что «джентльмэнъ мало расходуетъ на цирульника»: желтоватую бороду онъ не только носилъ, но и не подстригалъ даже. Русые волосы его, конечно, знали гребень, но врядъ ли головную щетку. Во всякомъ случаѣ одинъ

вихорь рѣшительно заявлялъ свои права на самоопредѣленіе.

Русскій этотъ былъ Егоръ Лукичъ Гарь, волею судьбы профессоръ не русскаго, а бразильскаго высшаго учебнаго заведенія. Гарь окончилъ естественный факультетъ въ Москвѣ, а черезъ два мѣсяца былъ арестованъ. Съ паспортомъ Егора Лукича совершили операцію, не предупредивъ Гара, такъ какъ рѣшили, что „когда дѣло идетъ о неминуемомъ торжествѣ интернаціонала, то можно и не считаться съ словомъ, даннымъ буржую“. И въ результатѣ Егора Лукича продержали годъ въ тюрьмѣ, а затѣмъ отправили въ административную ссылку въ Тункинскій край, гдѣ Гарь заинтересовался видоизмѣненіями, произведенными въ горныхъ породахъ химическими процессами, то есть дѣйствіями кислорода и углекислоты, содержащихся въ воздухѣ. Собственно говоря, Гарь былъ зоологъ, а не геологъ, но онъ умѣлъ погружаться во всякую работу. Егоръ Лукичъ изслѣдовалъ тогда Хайринскій, Бурунь-Бугутуйскій, Хойтинскій и Хонхолдойскій гольцы. Получилась монографія съ оригинальными выводами, хорошо извѣстная специалистамъ не только въ Россіи, но и за границей, премированная нѣсколькими академіями и учеными обществами. Гарь не захотѣлъ сидѣть въ Тункинской долинѣ пять лѣтъ. Департаментъ полиціи рѣшилъ, что ровно этотъ срокъ достаточенъ, чтобы стерилизовать Гара отъ революціонной заразы. Егоръ Лукичъ бѣжалъ въ Китай. Оттуда попалъ въ Австралію, потомъ перебрался на Гавайскіе острова, затѣмъ въ С.-Франциско, потомъ въ Новый Орлеанъ, а затѣмъ, черезъ два года послѣ отъѣзда изъ Тунки, — очутился въ „столицѣ резины“ въ Пара, въ устьяхъ Амазонки. Изъ зоолога и геолога Гарь сталъ химикомъ и черезъ годъ былъ даже профессоромъ горнаго института въ Оуро Прето. Впрочемъ, въ Бразиліи теперь громадный спросъ на толковыхъ людей, знающихъ хоть что нибудь, кромѣ того какъ скупать резину у *серингейросъ*, т. е. у индѣйцевъ „доющихъ“ деревья и какъ снабжать деньгами подъ громадные проценты патронесъ-серингейросъ,

или подрядчиковъ. Какъ очень способному человеку, имѣющему уже имя въ ученѣмъ мѣрѣ, Гару не трудно было пойти въ гору. Въ послѣдніе годы Бразилія стала нѣсколько болѣе извѣстна, чѣмъ когда ее посѣтили въ 1848 году Бэйтсъ и Уоллэсъ, но и теперь весь громадный штатъ Матто Гроссо, а въ особенности же пространство между двумя притоками Амазонки: Аронганъ и Тапахось — представляетъ такой же темный мѣръ, какъ внутренняя Африка до Стэнли. Гаръ участвовалъ въ знаменитой экспедиціи, прокладывавшей телеграфъ отъ города Куяба до Санто-Антоніо на ріо Мадейрѣ. Исслѣдователямъ пришлось тогда прорубать себѣ дорогу черезъ лѣса и заросли, гдѣ никогда не видали еще бѣлыхъ людей. Отчетъ объ этомъ путешествіи, а въ особенности о плаваніи по Альто Тапахось, доставили Гару крупное имя въ Англіи, гдѣ высоко цѣнятъ землепроходцевъ, намѣчающихъ новые пути, по которымъ потомъ пойдетъ торговля. Этой экспедиціей, а также новой, еще болѣе смѣлой, намѣченной бразильскимъ правительствомъ для изслѣдованія рѣкъ, могущихъ служить путями сообщенія между долиной Амазонки и руслами Параны и Парагвая, объяснялось присутствіе Гара въ Лондонѣ. Божко и Гаръ знали заочно другъ друга по работамъ и близко сошлись, когда познакомились.

— Мнѣ все припоминается теперь одинъ эпизодъ изъ плаванья по Тапахось, — продолжалъ Егоръ Лукичъ. — То было въ концѣ іюня, когда вода въ рѣкѣ поднимается на двадцать пять футовъ. Прибыла она стремительно, и рѣка сразу разлилась верстъ на пятнадцать. Мы миновали островокъ, который вчера еще составлялъ часть берега. На островкѣ лежала вырванная съ корнями громадная массарандуба. На деревѣ и на землѣ почти рядомъ жались самыя разнообразныя животныя, въ обычное время избѣгающія другъ друга. Тутъ была бурая, пятнистая „онса“, какъ называютъ тамъ ягуара, полосатый хищный разбойникъ кугуаръ, или пума, два волка, бразильская собака, пять или шесть опоссумовъ со всѣмъ семействомъ на спинѣ, нѣсколько губастыхъ пекари, два рода анти-

лопъ да пять агути. Высоко на вѣтвяхъ массарандубы скулили рыжія обезьяны, изъ такъ называемыхъ паукообразныхъ. Всѣ эти животныя вообще „въ неговореніи“, а въ особенности, антилопы съ онсой, или агути съ волками. Захваченные общей бѣдой, они жались другъ къ другу, такъ какъ всѣхъ окружила вода, въ которой всѣхъ ждали воняющіе мускусомъ жакарэ да анаконды.

Петръ Андреевичъ покосился и нашель, что въ сравненіи Гара есть нѣкоторая доля истины. „Массарандуба“ представляла собою громадный залъ съ стоящимъ во всю длину массивнымъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ столомъ изъ краснаго дерева. Вокругъ стола были кожанныя кресла, тоже тяжелыя и тоже изъ краснаго дерева. Два молодыхъ человѣка въ модныхъ вязанныхъ галстукахъ раскладывали передъ каждымъ мѣстомъ бумагу, конверты и карандаши. Залъ, столъ, кресла, бронзовые подзеркальники съ ножками въ видѣ лапъ какого то невѣдомаго звѣря и громадный мраморный каминъ выглядывали такъ же прочно и долговѣчно, какъ несокрушимый стволъ бразильскаго дерева. На стѣнахъ въ золоченыхъ солидныхъ рамахъ висѣли громадные портреты масляными красками нарядныхъ дамъ, одѣтыхъ по модѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Эти дамы много десятилѣтій привыкли глядѣть на спокойныхъ полныхъ сознанія своего значенія людей, рѣшавшихъ въ этой комнатѣ судьбы государствъ не только одной Европы. Теперь дамы видѣли пеструю публику, растерявшуюся, недоумѣвавшую, какъ онсы и кугуары, очутившіеся рядомъ съ пекари и агути.

II.

— Здравствуйте, Петръ Андреевичъ! — подошелъ одинъ изъ присутствующихъ. И, глядя на его выпученные, растерянные глаза, Божко подумаль, что во время водополя не только пума можетъ очутиться рядомъ съ агути, но иногда пума можетъ неожиданно превратиться въ агути. Полтора года назадъ Бож-

ко понадобилось поѣхать на континентъ. Для этого потребовалось не только достать свой паспортъ, лежавшій безъ употребленія восемнадцать лѣтъ, но принести его къ господину съ выпученными глазами. Какъ принадлежавшій къ другому міру, Божко никогда не бывалъ въ канцеляріи у господина съ выпученными глазами. Керстичъ, какъ звали этого господина, зналъ хорошо по имени Петра Андреевича и очень долго объяснялъ ему, хотя Божко не оспаривалъ, что надо заплатить за паспортъ за всѣ восемнадцать лѣтъ. И все время Керстичъ, закинувъ голову, и дѣлая гримасы, чтобы удержать въ глазу стеклышко, повторялъ: «Я, какъ умный человѣкъ, говорю тоже съ умнымъ человѣкомъ».

— Скажите, пожалуйста, Петръ Андреевичъ, что же наконецъ будетъ? — растерянно спросилъ Керстичъ, который такъ недавно еще былъ увѣренъ въ своемъ умѣ и въ своемъ значеніи. — Вчера прислали ко мнѣ сказать, что ивановцы назначили моимъ начальникомъ какого то Вурмгольца, портновскаго ученика изъ Уайтчепеля. Мнѣ сказали, что, если я признаю новаго начальника, то вся моя канцелярія можетъ продолжать занятія, какъ раньше. Я отвѣтилъ, что если правительство Аксенова прикажетъ мнѣ признать Вурмгольца, я сдѣлаю это немедленно, а до тѣхъ поръ не могу. Правильно я сдѣлалъ?

Божко не имѣлъ никакого отношенія ни къ правительству Аксенова ни къ ивановцамъ, захватившимъ власть. Керстичъ, конечно, зналъ это; но такова ужъ была степень растерянности.

— Эту залу я увидѣлъ впервые въ 1859 году, когда посломъ былъ графъ Филиппъ Ивановичъ Бруиновъ, — началъ щеголеватый старикъ съ молодцевато закрученными сѣдыми усами и странными, звѣринными ушами приросшими острымъ кондомъ не вверхъ, а внизъ. Онъ довольно бодро, охорашиваясь, подошелъ къ Божко, волоча только немного ноги. — Я тогда недавно оставилъ кавалергардскій полкъ и собирался поступить въ Тюбингенскій университетъ. Удалось мнѣ это только въ 1860 году.

И старикъ продолжалъ называть еще страшныя цифры. Затѣмъ остановился внезапно, помолчалъ, пожевалъ губами и спросилъ другимъ тономъ, тревожнымъ, почти плачущимъ:

— Скажите, Бога ради, что же теперь будетъ съ Россіей?

— А все проклятая Англія виновата! захлебываясь отъ злости объяснялъ рядомъ какому-то генералу, увѣшанному орденами, старикъ въ темныхъ очкахъ, съ странно-яркими губами. — Это она поддерживаетъ ивановцевъ, чтобы тѣ погубили Россію. Еще раньше у себя она какого то Айзекса сдѣлала лордомъ-судьею. Какъ? По какому праву. Она назначила тогда жида, чтобы посмѣяться надъ Россіей. Теперь Англія поддерживаетъ жида Кронштейна. Чтобы онъ, жидъ, сталъ президентомъ! Никогда! Я, Иванъ Шевыревъ, русскій интеллигентъ, не позволю этого. Слышите-ли? Не по-о-о-зволю! А почему англичане тычутъ намъ Кронштейна? Потому что они влюблены въ себя и считаютъ себя выше всѣхъ. Вотъ вамъ фактъ. Двадцать лѣтъ назадъ, когда я былъ еще холостъ и жилъ въ boarding house, подають разъ за столомъ баранину. Я протягиваю руку къ горчицѣ. На лицѣ хозяйки (экая вѣдьма такая!) изображается испугъ.

— Сэръ, это баранина! Обратилась она ко мнѣ.

— Ну, такъ что-же?

— Мы англичане, никогда не ѣдимъ баранину съ горчицей.

— А мы, сударыня, въ Россіи всегда ѣдимъ баранину съ горчицею.

Лицо и тонъ старика изобразили весь тотъ ядъ, которымъ онъ напоилъ свой отвѣтъ хозяйкѣ Boarding House двадцать лѣтъ назадъ.

— И она, англійская коза, осмѣлилась учить вѣжливости меня-я, Ивана Ивановича Шевырева, русскаго интеллигента!

— Не трудно было предвидѣть, что Шевыревъ станетъ ораторствовать, напирая на то, что онъ русскій интеллигентъ, — шопотомъ объяснилъ Божко, замѣтивъ вопросительный взглядъ Гара. Странно, что онъ

еще ни разу не сказалъ: «Я былъ идеалистомъ и остался имъ!» Гдѣ Шевыревъ, тамъ сѣрое полотно тянется въ окно. Я не могъ бы только предсказать, какую окраску будутъ носить рѣчи Шевырева: черную, ярко-красную или блѣдно-розовую. Все это зависитъ не только отъ времени, но и отъ того, были ли удачны или неудачны разнообразныя и сложныя финансовыя операціи Шевырева. До 1905 года онъ былъ монархистомъ, въ 1905 году кричалъ: «Пусть-ка Николай попробуетъ не сдержать слова? Пусть. *Мы* его бомбой!» Шевыревъ не собирался рисковать жизнью. Онъ вообще никогда не рисковалъ, кромѣ какъ въ финансовыхъ операціяхъ. Говоря *мы*, Шевыревъ подразумевалъ, что кто то другой повторитъ подвигъ библейскаго Аода. Затѣмъ черезъ годъ Шевыревъ сталъ поклонникомъ сильной власти. Въ 1914 и 1915 годахъ Шевыревъ былъ бурно-пламеннымъ сторонникомъ захвата и требовалъ, чтобы «намъ дали *всю* Турцію». Въ серединѣ 1917 года Шевыревъ говорилъ: «мы, республиканцы». Теперь, когда ивановцы захватили власть и опасности подвергаются капиталы, помещенные въ разныхъ предпріятіяхъ, Иванъ Ивановичъ, очевидно, взываетъ къ новому Муравьеву-Вѣшателю, разсчитывая, конечно, что усмиритель рискнетъ *собственной* жизнью. Онъ же, Шевыревъ, подождетъ въ Лондонѣ.

— Я уже за нѣсколько мѣсяцевъ предвидѣлъ до мелочей все, что случилось потомъ въ Петроградѣ,— увѣренно говорилъ плотный, пожилой мужчина. На пухломъ лицѣ его съ черной бородавкой у носа застыло выраженіе: «конечно, я умнѣе всѣхъ; но по великой добротѣ готовъ поучать васъ». — Я видѣлъ изъ окна моего кабинета въ Зимнемъ дворцѣ, какъ развертываются событія, предсказанныя мною.

Я не только зналъ, что городъ будетъ захваченъ, но предугадалъ даже, какъ это случится. Еще наканунѣ я изложилъ министрамъ мой планъ. Послушайся они меня тогда, положеніе было бы спасено. Я говорилъ, конечно, побуждаемый лишь чувствомъ лояльности къ моимъ коллегамъ. Что говорить. Разумѣется,

ивановцы надѣлали много ошибокъ; но не слѣдуетъ также обвинять ихъ зря. Не надо забывать все-таки, что для Западной Европы они послужатъ ферментомъ. Возьмемъ хоть такой фактъ. На пословъ за границей привыкли смотрѣть, какъ на іерофантовъ, вершающихъ, что-то таинственное въ глубинѣ храмовъ далеко отъ взоровъ простыхъ смертныхъ. Что же сдѣлали ивановцы? Они назначаютъ посломъ въ Мерсію какого-то Баскакова, котораго настоящее имя даже неизвѣстно.

Наносится пощечина всѣмъ традиціямъ Западной Европы. Это я вамъ говорю.

Пожилой господинъ говорилъ, будто леденецъ обсасывалъ, оттопыривъ толстыя губы, повидимому, наслаждаясь собственной рѣчью. Лицо его выражало: „какой я умный!“

— Кто этотъ „я—всезнайка?“ шепотомъ спросилъ Гаръ.

— Бывшій эмигрантъ Машевскій, отвѣтилъ Божко. Я познакомился съ нимъ лѣтъ восемнадцать назадъ. Тогда Машевскій проповѣдывалъ тотъ упрощенный россійскій марксизмъ, который признавалъ даже голодъ желательнымъ явленіемъ, такъ какъ онъ превращаетъ крестьянъ изъ мелкихъ буржуа въ революціонный пролетаріатъ. Въ то время Машевскій на основаніи одной книжки все собирался написать большой трудъ: „Прошлое, настоящее и будущее Тибета“. Основной мыслью должно было быть, что страна Далайламы неминуемо идетъ къ развитію фабричнаго производства и къ превращенію консерваторовъ монаховъ въ революціонный пролетаріатъ. Потомъ Машевскій сталъ сторонникомъ радикальныхъ переворотовъ при помощи динамита, а затѣмъ большимъ дѣльцомъ. Какъ только началась революція, Машевскій помчался въ Россію, чтобы получить тамъ постъ. Министромъ онъ не сталъ, но среди министровъ потолкался и даже очень сильно. Во всякомъ случаѣ, въ англійскую газету, въ которую корреспондировалъ, онъ часто сообщалъ про себя и про то, какъ онъ до глубокой ночи погруженъ въ государственныя дѣла,

въ своемъ кабинетѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Машевскій всегда на сторонѣ партіи, которая имѣетъ больше шансовъ на успѣхъ.

Гарь засмѣялся.

— Что такое Егоръ Лукичъ? — спросилъ Божко.

— Мнѣ вспомнился старинный анекдотъ. Актеръ Офренъ, обучавшій первыхъ русскихъ актеровъ при Екатеринѣ Второй, слушалъ разъ Желѣзнякова, декламировавшаго монологъ Магомета.

— *Bien! tres bien!* восклицалъ онъ. *Comme un ange. Comme un dieu! presque comme moi.*

Когда вашъ Машевскій сидѣлъ въ Зимнемъ дворцѣ и слушалъ рѣчи Аксерова, онъ, я увѣренъ, повторялъ про себя слова Офрена.

Не менѣе любопытенъ, чѣмъ Машевскій былъ собесѣдникъ его, приземистый, крайне небрежно одѣтый, со вздернутымъ носомъ съ широкими ноздрями. Этотъ собесѣдникъ теребилъ все жидкую желтую бородку, росшую кустиками.

— Гнилорыбовъ! — шепнулъ Божко Гарю. И такъ какъ это имя ничего не говорило естественнику, то Божко объяснилъ, что Гнилорыбовъ экономистъ, магистратъ плохонькаго провинціального университета, командированный заграницу еще до войны и застрявшій за рубежомъ. — Гнилорыбовъ работаетъ надъ вопросомъ о кооперативныхъ скотобойняхъ. Онъ мало интересуется войной и цѣлый день чертитъ кривыя да составляетъ таблицы. Гнилорыбовъ объѣхалъ всѣ города Европы, но, кажется видѣлъ тамъ только скотобойни. Во всякомъ случаѣ только о нихъ умѣетъ разсказать. Онъ боится двухъ вещей: какъ бы у него кто не попросилъ взаймы и какъ бы не украли его мыслей. Говорятъ, онъ нашелъ будто бы правильную зависимость во всѣхъ странахъ между степенью культуры въ нихъ и убиваніемъ того или другого скота. Насмѣшники увѣряютъ даже, что онъ собирается назвать это соотношеніе закономъ Гнилорыбова. Сплетня конечно, но ни о чемъ, кромѣ какъ о скотобойняхъ съ Гнилорыбовымъ говорить невозможно. Замѣтьте: онъ никогда при этомъ не договариваетъ.

Машевскій принялся длинно рассказывать магистранту про то, какъ при Александрѣ III сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, въ той самой камерѣ, гдѣ содержался когда то протопопъ Авакумъ.

Гарь съ изумленіемъ взглянулъ на Божко, который только плечами пожалъ.

Авторъ закона Гнилорыбова, между тѣмъ, только краемъ уха слушалъ изумительное историческое открытіе. Онъ внимательно разсматривалъ большую картину, изображавшую римскій форумъ.

— Знаете, — началъ Гнилорыбовъ: — здѣсь, на этомъ форумѣ, за триста лѣтъ до Рождества Христова, убивальскоть нѣкій Мацеллусъ, поэтому бойни вообще при Титѣ Ливіи назывались *мацеллумъ*. Имя мясника сохранилось въ итальянскомъ словѣ *macellare*, въ англійскомъ *massacre*, въ нѣмецкомъ — *metzgen* или *metzeln* и въ испанскомъ *matar*.

— Культура страны измѣняется степенью развитія скотобойни, — съ ядомъ замѣтилъ Машевскій, недовольный тѣмъ, что его перервали.

Гнилорыбовъ сосредоточенно нахмурилъ бѣлыя брови и, вытянувъ губы, пощипалъ бородку.

— Какъ вамъ сказать? — задумчиво началъ онъ. Отчасти можетъ быть это вѣрно.

Затѣмъ лицо съ вздернутымъ носомъ приняло выраженіе снисходительности, пренебреженія и нѣкоторой растерянности. Именно такое выраженіе было бы на лицѣ губернскаго архиваріуса, посѣдѣвшаго на службѣ, если бы его вдругъ заставили играть въ бабки съ семилѣтними мальчишками.

III.

Вошелъ новый посѣтитель: очень высокій генералъ съ серьезнымъ, умнымъ лицомъ. Звали его Аксель Густавовичъ Фробеніусъ. То былъ ученый артиллеристъ, командированный въ Англію. Онъ находился въ дѣйствующей арміи въ началѣ войны, отличился въ Галиціи и отступалъ потомъ отъ Дунайца. При-

чины прорыва и подробности отступленія поколебали лояльность Фробеніуса. унаслѣдованную отъ отца, дѣда и прадѣда, заслуженныхъ генераловъ. И поэтому, когда царская власть пала, Фробеніусъ созвалъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ офицеровъ, находившихся въ Англіи въ командировкѣ, поздравилъ съ обновленіемъ Россіи и предложилъ имъ служить съ удвоеннымъ усердіемъ родинѣ. Фробеніусъ зналъ и раньше, что старый правительственный организмъ сгнилъ; но генерала удерживали на службѣ двѣ причины: долгъ передъ родиной и наслѣдственная лояльность династіи. Послѣ Дунайца, долгъ передъ родиной взялъ верхъ надъ лояльностью. Когда императоръ подписалъ отреченіе отъ престола. Фробеніусъ былъ глубоко убѣжденъ, что теперь Россія спасена, такъ какъ старый, изношенный механизмъ замѣненъ новымъ. Какъ военный, онъ полагалъ, что спасеніе Россіи означаетъ, прежде всего, возрожденіе арміи. Захватъ власти ивановцами поразилъ Фробеніуса. Онъ, какъ и послѣ отреченія царя, созвалъ сослуживцевъ, на этотъ разъ, не для того, чтобы поздравить ихъ съ переворотомъ. Генераль заявилъ, что такъ какъ ивановцы губятъ Россію, то не только нельзя признать ихъ, но надо всѣми силами бороться съ ними.

— Ну, господа, всѣ приглашенные теперь въ сборѣ, началъ очень нервный, высохшій, какъ мумія. предсѣдатель, сверкая глубоко сидящими крошечными, насмѣшливыми глазками. Теперь можно открыть засѣданіе.

То былъ Всеволодъ Васильевичъ Телепень-Окуневскій, посолъ при королѣ Мерсіи, тотъ самый, вмѣсто котораго назначили «какого-то Баскакова», таинственнаго обладателя ряда фальшивыхъ именъ. Теперь и Телепень-Окуневскій, и Баскаковъ очутились въ Лондонѣ. Какъ дипломатъ, Телепень-Окуневскій еще ничѣмъ не выдвинулся, хотя служилъ уже не мало лѣтъ. Говорили, что, собственно, ему слѣдовало бы пойти по другой дорогѣ. Телепень-Окуневскій прекрасно пѣлъ, любилъ и зналъ сцену, имѣлъ отличное литературное образованіе и въ совершенствѣ владѣлъ семью языками.

Нѣтъ полковника Сангайло, — сказалъ молодой секретарь въ модномъ вязанномъ галстукѣ, приподнявшись съ кресла. Могу прибавить, что полковникъ не придетъ, такъ какъ призналъ ивановцевъ. Въ награду Баскаковъ назначилъ его своимъ военнымъ attaché и разрѣшилъ носить эполеты, хотя ивановцы упразднили въ Россіи наплечные знаки.

Всѣ переглянулись. Полковникъ Михаилъ Вячеславовичъ Сангайло годъ назадъ былъ извѣстенъ, какъ крайне правый, носившій даже въ Англіи, рядомъ съ орденами, значекъ монархической организаціи. Послѣ революціи, онъ заявилъ, что «разнымъ Аксеновымъ и Петренко служить не намѣренъ». На службѣ онъ однако остался, но составилъ въ Лондонѣ «тайное общество» для возстановленія трона. Во главѣ организаціи стала Никифорова, та самая, которая въ молодости, лѣтъ пятьдесятъ пять назадъ, имѣла въ Англіи какую-то особую секретную политическую миссію. И вотъ теперь непримиримый монархистъ и заговорщикъ противъ правительства Аксенова призналъ Баскакова и даже принялъ отъ «посла», законспирированнаго четырьмя фальшивыми паспортами, эполеты.

— Да! Повидимому тѣсто, изъ котораго выпечень былъ Швабринъ, не все израсходовано во время пугачевского бунта, — протянулъ Телепень Окуневскій. Приступимъ, однако, господа.

Онъ сказалъ, что Россія гибнетъ, такъ какъ партія захватчиковъ и измѣнниковъ насильно присвоила себѣ власть. Всѣ русскіе граждане, которымъ родина дорога, должны поэтому теперь не только выступить съ порицаніемъ, но они обязаны также всемѣрно бороться съ ивановцами.

— Слово принадлежитъ комиссару Михаилу Давидовичу Гаевскому, закончилъ Телепень-Окуневскій.

IV.

Поднялся мужчина лѣтъ тридцати, съ тщательно выбритымъ круглымъ, пухлымъ, очень добродушнымъ

и очень наивнымъ лицомъ. Гаевскій былъ докторъ эмигрантъ, хорошо устроившійся въ Лондонѣ и имѣвшій громадную практику. Передъ тѣмъ, какъ ивановцы захватили власть, Гаевскій поѣхалъ въ Россію, повидался съ министрами, которыхъ хорошо зналъ въ эмигрантскихъ кругахъ и попросилъ чтобы его послали комиссаромъ въ Лигурію, Бернисію и Аквитанію. Ни у кого не возникъ даже вопросъ: зачѣмъ собственно понадобился комиссаръ въ тѣхъ странахъ. Никто также не спрашивалъ у Гаевского, что онъ намѣревается дѣлать въ Лигуріи, Бернисіи и Аквитаніи. Михаилъ Давидовичъ былъ хорошій человекъ, и министры его знали. Правда, онъ учился только медицинѣ и теперь никакихъ другихъ книгъ, кромѣ какъ объ отложеніи уратовъ въ суставахъ, не читалъ. Но другіе и этому не учились и, кромѣ брошюръ великаго Сидорова, ничего не читали. Когда Гаевскій, по пути въ Аквитанію, прибылъ въ Лондонъ, получилось извѣстіе о государственномъ переворотѣ ивановцевъ. Такимъ образомъ, Михаилъ Давидовичъ очутился комиссаромъ *in partibus*.

Гаевскій былъ очень плохой ораторъ. Рѣчь его состояла, главнымъ образомъ, изъ слова «который». И на это постоянно повторяемое слово Гаевскій почему-то особенно напиралъ. Въ концѣ концовъ можно было понять, что тріединный комиссаръ предлагаетъ выступить съ рѣзкимъ протестомъ противъ ивановцевъ, да кромѣ того выбрать еще комитетъ спасенія Россіи.

Гаръ взглянулъ на сидящихъ за столомъ. Керстичъ, выпучивъ глаза, одобрительно кивалъ выстриженной головой. Для большинства офицеровъ, дѣйствительно напоминавшихъ сравненіе Гара съ агутти, онсами и оппасумами во время наводненія, Гаевскій былъ «революціонеръ», то есть человекъ, который теперь, во время шторма, знаетъ куда держать путь. Офицеры поэтому внимательно слушали, стараясь найти затаенный смыслъ въ столь часто повторяемомъ съ сильнымъ нажимомъ словѣ «который».

За Гаевскимъ попросилъ слово молодой еще че-

ловѣкъ съ черными, тщательно зачесанными назадъ волосами и съ постоянной улыбкой на пухлыхъ губахъ, открывавшей почернѣвшіе нехорошіе зубы. Сильно выпуклые каріе глаза, однако, никогда не улыбались. Взглянувъ на нихъ, у каждого мелькала мысль: «Ну, ты то не скоро распояшешься!»! Таковъ былъ приватъ-доцентъ Константинъ Петровичъ Михальчи, историкъ по специальности, котораго поставили во главѣ громаднaго учрежденія, работавшаго на оборону, когда понадобились честные люди.

— Всѣ революціи развиваются на основаніи одной и той же логики, — началъ Михальчи. Обуславливается это, вѣроятно, тѣмъ, что природа человеческая въ основѣ своей всюду одна и та же, что не исключаетъ, конечно, возможности національной *couleur locale*. Однѣ и тѣ же черты можно усмотрѣть какъ въ якобинскомъ движеніи, такъ и въ партіи ивановцевъ. Третій и четвертый томы «*Origines de la France Contemporaine*» содержатъ прямо поразительныя данныя. Тѣнь, напримѣръ, говоритъ намъ, что въ партіи, захватившей власть 31-го мая 1793 года, значительную роль играли патологическіе элементы, люди, выбившіеся изъ жизненной колеи, завистливые, подчиненные, слоняющіеся безъ дѣла рабочіе, бѣглые солдаты и прочій людъ, слѣдовавшій за нѣсколькими фанатиками и доктринерами. Во главѣ ихъ стояли люди, какъ Друе, восклицавшіе: «*Soyons brigands*!»! Якобинцы тоже думали замѣнить правительство революціонными комитетами въ каждой общинѣ. Тѣнь говоритъ, что эти комитеты стали почти всюду орудіемъ беззастѣнчиваго хищенія. Свобода и жизнь гражданъ подвергались величайшей опасности. И могло ли быть иначе, если въ большинствѣ этихъ комитетовъ дѣйствовали такіе герои, какъ *le roi des voleurs* Талльенъ, или какъ Ингранъ? Этотъ разъяснялъ членамъ комитета, что они могутъ все получить, всѣхъ арестовать и всѣхъ гильотинировать. И надо широко пользоваться своими правами, чтобы контръ-революціонеры дрожали и чтобы изъ развалинъ стараго строя возникъ новый порядокъ.

Пятаго фримера второго года республики вышелъ нумеръ журнала «Le Vieux Cordelier», въ которомъ Камилль Демулэнъ говорилъ съ негодованіемъ о томъ, что захватившіе власть готовы усмотрѣть контръ-революцію рѣшительно во всемъ. Если перемѣнить имена, то можно думать, что «Vieux Cordelier» вышелъ не 15 декабря 1793 года, а гораздо позже и не въ Парижѣ, а въ Петроградѣ.

Если всѣ революціи подчинены одной логикѣ, то естественно заключить, что случившееся разъ — повторится снова. И если якобинцы имѣли свой конецъ девятого термидора, то придетъ гибель и на ивановцевъ.

Сравненіе, повидимому, никому не понравилось. За громаднымъ массивнымъ столомъ было тихо. Телепень-Окуневскій старательно рисовалъ домики на бумагѣ, лежавшей передъ нимъ, вкладывая много размаха въ струи дыма, валившія изъ трубъ. Многіе, нахмуривъ лобъ, глядѣли на красный коверъ, застилавшій всю комнату. Только Керстичъ, выпучивъ свѣтлые глаза, одобрительно кивалъ головой.

— Какая тутъ французская революція? — быстро началъ сыпать маленькій, очень подвижный адмиралъ съ нѣсколькими орденскими ленточками на груди. — Я плохо знаю исторію, но всетаки помню одно. Во Франціи въ 1793 году были, конечно, эксцессы. Тамъ разрушали, но одновременно шла также громадная созидательная работа. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ несомнѣнно дѣйствовали убійцы и грабители, какъ указалъ Константинъ Петровичъ; но изъ этихъ совѣтовъ вышли также великіе патріоты. Безъ сапогъ, безъ теплаго платья и безъ запасовъ они двинулись противъ всей Европы и побѣдили ее. У насъ же есть только озорники, становящіеся то жестокими убійцами, насильниками и мучителями, то трусливыми зайцами, въ зависимости отъ того дѣйствуютъ ли они противъ слабыхъ или сильныхъ. Къ сожалѣнію, я не вижу въ пришествіи ивановцевъ той общей всѣмъ революціямъ логики, о которой говоритъ Константинъ Петровичъ. Мнѣ представляется не новое ин-

сценированіе французской революціи, а глубоко національный російскій бунтъ, стихійный, слѣпой, безконечно жестокой, ничего не создающій, а только разрушающій. Въ семнадцатомъ вѣкѣ Россію потрясла разиновщина, въ восемнадцатомъ — пугачевщина, а теперь — ивановщина. Ивановцы крикнули всей Россіи: «Сарынь на кичку!» Разиновцы продавали добычу въ Персіи. Ивановцы тоже сбываютъ ее иноземцамъ, но только живущимъ не на востокѣ, а на западѣ. Разиновщина и пугачевщина пробѣжали черезъ всю Россію, какъ степной пожаръ. Пламя полыхнуло тогда до самаго неба, но стремительно упало, какъ только явилась сила.

— Степанъ Спиридоновичъ! Кто же явится тогда новымъ Михельсономъ? — спросилъ пухлый полковникъ. Ужъ не дальневосточные ли островитяне?

— Я безусловно противъ призыва иноземныхъ усмирителей, — тихо началъ послѣ нѣкотораго молчанія адмиралъ. Если мнѣ начнутъ доказывать, что для спасенія Россіи необходимо призвать «Чингизъ-хана съ телеграфомъ», я скажу: «Въ такомъ случаѣ надо или идти въ рабство къ ивановцамъ, или искать новую родину. Боюсь, что многимъ изъ насъ придется сдѣлать именно послѣднее. Я имѣю въ виду не околачиваніе пороговъ въ Англіи или во Франціи, а созданіе русскихъ центровъ въ дикихъ мѣстахъ. Мы найдемъ тамъ свободу, трудъ и независимость. Тамъ же мы спасемъ нашу вѣру въ русскій народъ. Мы принесемъ нашей родинѣ эту вѣру и новыя знанія, когда чума, поразившая теперь Россію, пройдетъ.

V.

— Быть можетъ намъ скажетъ нѣсколько словъ Петръ Андреевичъ Божко — предложилъ председатель.

— Безспорно, происходящее теперь въ Россіи, мало напоминаетъ захватъ власти якобинцами, — началъ Божко, сдерживая волненіе, всегда овладѣвавшее имъ, когда приходилось говорить всенародно. —

Дѣйствительно, тогда рядомъ съ разрушеніемъ наблюдались большія творческія силы. Въ сомнѣнія также, что среди якобинцевъ были титаны, тогда какъ ивановцы бездарны. Передъ нами не повтореніе 1793 года, а слѣдствіе новаго пришествія кеновитовъ и анахоретовъ. Они вторглись въ міръ тревогъ съ своими отвлеченными формулами, представляющими метафизическую паутину, вытканную въ кеновіяхъ и въ пещерахъ Ливійской пустыни. Нѣкоторые эмигранты, возвратившіеся съ запада и ссыльные, прибывшіе съ востока, сыграли въ исторіи русской революціи такую же разрушительную роль, какъ пустынножители въ исторіи гибели Римской имперіи и ея африканскихъ колоній. Причины въ обоихъ случаяхъ были однѣ и тѣ же. Въ Лондонѣ, Парижѣ и въ Женевѣ многіе русскіе эмигранты вели такое же обособленное существованіе, какъ средневѣковые монахи въ обители, находившейся въ громадномъ городѣ. Большинство эмигрантовъ, какъ и схимники, не знало окружающей жизни, но тѣмъ не менѣе страстно ненавидѣло ее. Эмигрантъ съ улицы Муфтаръ питалъ къ Франціи отвращеніе, какъ ливійскій анахоретъ къ далекой Александріи. Эмигранту все было ненавистно; то, что, у иностранцевъ порядокъ въ домѣ, что они работаютъ много, что на лѣстницѣ надо вытирать ноги, что за границей ѣдятъ во время. А пуще всего эмигранты ненавидѣли иностранцевъ, среди которыхъ жили, за то, что тѣ даже не слыхали про всеобъемлющія формулы великаго кеновита Сидорова или про экономическія предсказанія знаменитаго анахорета Иванова. Эти предвѣщанія прозорливцевъ почитались въ эмигрантскихъ слояхъ такою же вѣчною истиною, какъ апокрифическія Прото-евангеліе, Посланіе Павла къ Теклѣ или Книга Рождества Маріи въ разныхъ кеновіяхъ третьяго или четвертаго вѣковъ.

— Человѣкъ долженъ быть или сидоровцемъ, или ивановцемъ.

Такъ рѣшили въ Каружѣ и на улицѣ Муфтаръ. И вдругъ эмигранты узнаютъ, что рядомъ живутъ люди,

представляющіе собою ни сидоровцевъ, ни ивановцевъ. Это непостижимое явленіе пустынножитель опредѣлялъ такъ: буржуйность. Такимъ же образомъ далекій предшественникъ его обзывалъ погаными язычниками всѣхъ, пребывающихъ равнодушными къ Книгѣ Рождества Маріи.

Эмигрантъ очень плохо зналъ, чѣмъ живетъ окружающій міръ, такъ какъ всѣ свѣдѣнія о немъ приобрѣталъ изъ невѣдомой анархической или социалистической газеты, становившейся для обитателя Каружа неизблемымъ авторитетомъ, какъ посланіе епископа для анахорета четвертаго вѣка. Общія взгляды на міровыя событія черпались изъ докладовъ и брошюръ анахоретовъ, приобрѣвшихъ въ кружкахъ вѣсь отцовъ церкви. Эти властители умовъ запальчиво спорили другъ съ другомъ по поводу метафизическихъ тонкостей, какъ средневѣковые богословы, рѣшавшіе *utrum angelus deligat se ipsum dilectione naturali vel electiva*?

Въ 1907 году я встрѣтилъ въ Парижѣ товарища по ссылкѣ, съ которымъ разстался въ Средне-Колымскѣ въ 1892 году. Въ міровой столицѣ онъ велъ такую же жизнь, какъ за полярнымъ кругомъ.

— Знаешь, — признался товарищъ: — тѣ немногія французскія слова, которыя помнилъ въ Средне-Колымскѣ, я въ Парижѣ забылъ за ненужностью.

И то была правда. Товарищъ не имѣлъ представленія объ умственной жизни Франціи, но считалъ ее, тѣмъ не менѣе, выродившейся страной и признавалъ въ ней только одного праведника: депутата при имени котораго французы только дрожжали плечамъ. Мой колымскій пріятель, прожившій въ Парижѣ семь лѣтъ, не подозрѣвалъ даже существованія Бергсона и никогда не заглянулъ въ Сорбону. Въ то же время онъ былъ всегда занятъ: то бѣжалъ на рефератъ Сидорова, то устраивалъ печатанье этого никому не надобнаго, бездарнаго, полного полемической желчи доклада. Затѣмъ надо было спѣшить на состязаніе двухъ пустынножителей, грызшихся уже пять лѣтъ изъ за четырехъ словъ въ партійной программѣ. Теперь

мой пріятель ивановець и состоитъ товарищемъ министра.

Въ началѣ пятаго вѣка, на плечахъ побѣдителей, въ Римъ и въ Александрію явились полчища пустынножителей, не знавшихъ внѣшняго міра, но тѣмъ не менѣе ненавидѣвшихъ его. Подобное повторилось и у насъ послѣ революціи. Пустынножители пришли съ формулами, выработанными вдали отъ жизни.

У Свифта путешественникъ объясняетъ добродѣтельному гуимну, почему люди воюють и убиваютъ другъ друга.

— Чаше всего, — говоритъ Гулливеръ, — корнемъ является расхожденіе во взглядахъ. Такъ, напримѣръ, причиной великихъ войнъ было то, представляетъ ли собою мясо-хлѣбъ, а хлѣбъ-мясо? Является ли сокъ нѣкоей ягоды кровью или виномъ? Надо ли считать насвистываніе порокомъ или добродѣтелью? Слѣдуетъ ли цѣловать палку или бросить ее въ огонь?

Изображая такимъ образомъ причины кровавыхъ войнъ за догматы, Свифтъ не впалъ въ шаржъ. И трагедія челоуѣчества заключается именно въ томъ, что оно убиваетъ и даетъ себя убивать чаще всего, когда дѣло идетъ о метафизической паутинѣ. Въ концѣ четвертаго вѣка Донатъ и Нециліонъ поспорили между собою изъ-за одной подробности въ рукоположеніи. И на почвѣ личнаго спора созданъ важный расколъ донатистовъ, къ которымъ присоединились изуверы циркумцелліоны, убивавшіе и грабившіе во имя борьбы съ неправдой. И началась многолѣтняя, безконечно жестокая гражданская война. Донатисты распались на секты рогатистовъ, урбанистовъ и клавдіанъ, истреблявшихъ другъ друга. Во главѣ каждой изъ сектъ стоялъ апакоретъ, явившійся изъ пустыни со своей формулой и не признававшій ничего, кромѣ ея. Голодная темная, изстрадавшаяся намучившаяся въ рабствѣ толпа присоединилась къ рогатистамъ и урбанистамъ, вкладывая въ метафизическія формулы свое упрощенное и практическое содержаніе. Въ то же время грабители, воры, разбойники и убійцы узнали впервые, что можно найти

идеологию для преступленія. если назвать себя циркумцелліонами.

Старый строй у насъ создалъ сонмище кеновитовъ и анахоретовъ изъ людей, которыхъ онъ погналъ на западъ и на востокъ. Они хлынули потомъ колышнемъ, главнымъ образомъ, изъ Швейцаріи черезъ Германію.

Въ циркумцелліонахъ не было недостатка въ уголовныхъ тюрьмахъ и въ притонахъ. Доброта — результатъ опыта, накопленнаго вѣками сознательной общественной жизни. Этотъ опытъ явится когда-нибудь и у насъ : но, къ несчастью, я предвижу долгіе годы варварскаго состоянія. Старая Россія погибла, но факторы, которые создадутъ новую Россію, еще не выяснились.

VI.

Божко кончилъ. Присутствующіе молчали. Большинство ихъ, принадлежавшіе до революціи къ такимъ кругамъ, гдѣ къ митингамъ относились съ глубочайшимъ презрѣніемъ, — совершенно не привыкло къ дебатамъ. Оно почему то думало, что лѣвые или красные найдутъ вѣрное средство противъ захватчиковъ.

— Господа, — началъ другой адмиралъ, нервный, съ быстрыми глазами, какъ у кобчика, сидящаго въ неволѣ. — Намъ здѣсь предлагали, между прочимъ, выработать резолюцію. Довольно у насъ было ихъ. Правительство Аксенова и Петренко пало, такъ какъ думало, что для управленія страной и для веденія войны достаточны резолюціи. Надобны *дѣйствія*. Я имѣю опредѣленный планъ, кажущійся мнѣ вполне осуществимымъ. Намъ слѣдуетъ выбрать комитетъ, который, между прочимъ, разсмотритъ мой проектъ.

Слова адмирала чрезвычайно обрадовали всѣхъ. Комитетъ изъ пяти человекъ былъ выбранъ записками. И когда слѣдствія выборовъ стали извѣстны, на лицахъ большинства появилось выраженіе: «Ну, теперь, когда есть комитетъ, все будетъ хорошо. От-

лично ужъ то, что кто-нибудь другой за насъ будетъ думать.

— Я внесъ бы одно предложеніе, — началъ Телепенъ-Окуневскій. Намъ необходимо пригласить въ комитетъ профессора Трепетова. Его имя пользуется широкой извѣстностью въ Россіи и въ Англіи. Изъ присутствующихъ ближе всѣхъ знакомъ съ Трепетовымъ Петръ Андреевичъ. Я предложилъ бы просить его, чтобы онъ переговорилъ съ профессоромъ. Придется поѣхать въ Оксбриджъ, гдѣ живетъ Трепетовъ.

Божко согласился. Засѣданіе закрылось.

Петръ Андреевичъ вышелъ вмѣстѣ съ Гаромъ.

— Поклонники насилія ссылаются на естественный подборъ, непонятый ими и на то, что сила и право одно и то же, — началъ Гаръ. Безсиліе насильниковъ обнаруживается при первой же катастрофѣ. — Они совершенно теряютъ тогда голову, проявляютъ беспомощность и ждутъ все, что случай дастъ имъ снова все прежнее право на произволь. Знаете, Петръ Андреевичъ, изъ сидѣвшихъ сегодня на «массарандубѣ», повидимому, только два-три человѣка вполне отчетливо сознаютъ, что когда вода опять войдетъ въ межень, берегъ уже никогда не будетъ такой, какъ раньше. Бѣда, что у насъ ужасно мало людей умѣющихъ работать и любящихъ работу. Я думаю о вашемъ сравненіи, Петръ Андреевичъ. Въ пятомъ вѣкѣ анахореты и кеновиты убили своими формулами науку, оставленную Греціей и Римомъ. Еще черезъ десять вѣковъ монахи задушили науку, завѣщанную Кордовскимъ калифатомъ. Теперь, ставъ у власти, пустынножители и помогающіе имъ циркумцелліоны, истребятъ то немного, что было у насъ. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ заклинали социальныя болѣзни при помощи Pater noster и Ave Maria. Каликстъ III, говорятъ, заклиналъ даже Галееву комету. Боюсь, что тотъ же методъ будетъ примѣняться довольно долго и у насъ. Только, вмѣсто Ave Maria, пустынножители станутъ бормотать другія формулы, напримѣръ: «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь». Вмѣсто: «сгинь сатана» — будутъ выкликать: «Смерть

буржую». Адмиралъ, не тотъ, который предложилъ выбрать комитетъ, а другой, бросилъ, въ сущности, хорошую мысль. Надо устроить въ дикихъ мѣстахъ колоніи свободныхъ, смѣлыхъ и сильныхъ русскихъ. Тамъ они научились бы работать, покуда родина призоветъ ихъ. Я охотно самъ повелъ бы въ обѣтованную землю такую партію сильныхъ людей, желающихъ спасти свою вѣру. Во время путешествія я видѣлъ чудесный край на рѣо Мадейрѣ, близъ Санъ-Габріэля. Земля тамъ молить: «Возьми меня». Болѣе роскошныхъ мѣстъ я никогда не видалъ даже на Цейлонѣ. Впрочемъ, мы какъ нибудь поговоримъ еще объ этомъ. Васъ тоже позвали къ лорду Лестрэнджу на докладъ Фарингдона объ ивановцахъ? Не такъ ли?

— Какъ же.

— Значить, увидимся вечеромъ. Надо влѣзть въ фракъ. Ничего не подѣлаешь. Лордъ хотя и анархистъ, но за этикетъ стоитъ твердо. До свиданія.

VI.

Похвальное слово кеновитамъ.

I.

Лордъ Лэстрэнджъ могъ бы назвать цѣлый рядъ предковъ, отличившихся какъ воины, государственные дѣятели и моряки. Одинъ лордъ Лэстрэнджъ, на примѣръ, сражался при Бленгеймѣ въ войскахъ герцога Мальбро, того самаго, про котораго во Франціи сложена знаменитая пѣсенка „*Malbrough s'en va-t'en guerre*“. Другой Лэстрэнджъ командовалъ фрегатомъ въ морскомъ сраженіи при Гибралтарѣ въ 1782 году и былъ убитъ ядромъ. Въ началѣ XVII вѣка одинъ Лэстрэнджъ былъ первымъ министромъ. Комментаторы Свифта утверждаютъ, что именно къ этому лорду относится слѣдующая характеристика, сдѣланная великимъ сатирикомъ: „Первый министръ это человѣкъ, не знающій совершенно радости и горя, любви и ненависти, жалости и гнѣва. У него одна страсть: жажда богатства, власти и титуловъ. Слова перваго министра выражаютъ все, кромѣ того что онъ думаетъ. Если онъ говоритъ правду, то только съ намѣреніемъ, чтобы ее приняли за ложь. Если онъ скажетъ ложь, то желаетъ, чтобы ее приняли за правду. Тѣ, о которыхъ первый министръ за глаза отзывается очень худо, знаютъ что ихъ судьба обезпечена. Кого же онъ хвалить,—погибъ“.

Лордъ Лэстрэнджъ хорошо зналъ дѣянія своихъ предковъ, но охотнѣе всего вспоминалъ четвертаго

графа Лэстрэнджа, избоченнаго при королевѣ Аннѣ въ заговорѣ противъ короны. Его арестовали и предали суду пэровъ, которые въ полномъ-составѣ Верхней Палаты признали обвиненіе правильнымъ. Лэстрэнджа присудили къ смертной казни. Изъ уваженія къ высокому происхожденію осужденнаго, его доставили къ подножью Тайборнской висѣлицы не въ телѣгѣ, а въ каретѣ, запряженной шестерикомъ и повѣсили не на пеньковой веревкѣ, какъ хутороднаго разбойника съ большой дороги, а на шелковой.

Лордъ Лэстрэнджъ называлъ себя бунтаремъ.

— У насъ въ Англіи нѣтъ свободы, — любилъ говорить онъ. — Мы прогнали насквозь пуританскимъ мѣщанствомъ, поэтому I am a rebel (я бунтарь).

Надо сказать, что въ слово свобода лордъ Лэстрэнджъ вкладывалъ свое пониманіе. Близко знавшіе лорда утверждали, что онъ находилъ нѣкоторую свободу въ Неаполѣ, большую степень ея въ вассальныхъ государствахъ Индіи, высшую же свободу въ Египтѣ, въ то время, когда тамъ не утвердились еще англичане, да въ Морокко до пришествія французовъ. Лѣтъ двадцать назадъ, когда лордъ Лэстрэнджъ возвратился въ Англію послѣ продолжительнаго пребыванія въ гостяхъ у раджи Рэйджпура, — у знатнаго путешественника едва не вышелъ конфликтъ съ полиціей на почвѣ бунтарства противъ нѣкоторыхъ установленныхъ понятій. Лорду Лэстрэнджу грозило, правда, не сожженіе, какъ требовалъ Мойсей въ подобныхъ случаяхъ и не шелковая веревка. Все таки впереди маячило зазорное судебное дѣло съ очень непріятнымъ концомъ. До этого впрочемъ не дошло. Лордъ Лэстрэнджъ въ то время въ особенности негодовалъ противъ того, кто, какъ казалось графу, не хотѣлъ, чтобы дѣло замяли. Къ суровому цензору лордъ Лэстрэнджъ мысленно обращался съ словами Ювенала (графъ вынесъ изъ Итонской школы и Кэмбриджскаго университета великолѣпное знаніе латинскаго языка и литературы):

«Fronti nulla fides. Quis enim non vicus abundat
Tristibus obscenis? Castigas turpia, quum sis
Inter Socraticos notissima fossa cinaedos»^{*)}).

Лѣтъ десять назадъ возникли было упорные слухи о возможности громкаго процесса. Лорду Лэстрэнджу посовѣтовали уѣхать изъ Англіи. Онъ пробылъ въ разныхъ странахъ около шести лѣтъ и возвратился въ Лондонъ передъ самой войной съ любопытными коллекціями, собранными во время путешествій. Еще привезъ онъ умозаключеніе, что самая свободная страна--Россія. Въ домѣ Лорда Лэстрэнджа имѣется музей, устроенный съ большой любовью и съ громадными денежными затратами. Вещи, собранныя, въ немъ, выясняютъ понятіе графа о свободѣ. Тутъ напримѣръ, великолѣпный саркофагъ, выпуклая изваянія котораго показываютъ, что римляне времемъ имперіи сочетали съ смертью самые смѣлые виды любви. Римскіе поэты часто упоминаютъ про любопытную форму кубковъ, изъ которыхъ пили во время пировъ: «Vitreo bibit ille Priapo». Лордъ Лэстрэнджъ имѣлъ два такихъ кубка въ сохранищѣ своемъ. На одной изъ стѣнъ музея висѣла громадная очень вольная картина, выполненная знаменитымъ художникомъ, знатокомъ римской жизни. Тѣмъ самымъ, подъ кистью котораго въ особенности оживалъ мраморъ. И когда лордъ Лэстрэнджъ показываетъ своимъ молодымъ пріятельницамъ музей, то объясняетъ имъ, что картина внушена однимъ мѣстомъ въ шестой сатирѣ Ювенала. «Коль скоро сладострастный Батиллій начнетъ пляску Леды, Тукція горитъ, какъ въ огнѣ, Аппула томно вздыхаетъ, точно лежитъ въ объятіяхъ возлюбленнаго, а невинная еще Тимелла, застывъ отъ вниманія, старается перенять». Молодыя пріятельницы лорда Лэстрэнджа смѣются короткимъ смѣшкомъ, а собиратель музея доволенъ. Въ концѣ

^{*)} Какъ лобъ человѣка можетъ быть обманчивъ! Здѣсь можно встрѣтить только циниковъ съ суровыми лицами. Смѣешь ли ты возставать противъ непристойности? Ты, представляющій собою самую гнусную клоаку въ шайкѣ преданныхъ грѣху Сократа!»

концовъ, въ семьдесятъ два года нѣсколько ужъ трудно иначе проявить свою любовь къ свободѣ. Въ библиотечныхъ шкафахъ подъ замкомъ хранятся такія «свободныя» произведенія XVIII вѣка, какъ «Le Paysan et la Paysanne pervertis» Ретифъ-де ла Бретонна съ рисунками Бинэ или гравюры Арестэна, которыя лордъ Лэстрэнджъ не показываетъ даже своимъ пріятельницамъ. И къ лорду Лэстрэнджу, какъ къ покровителю полной свободы и къ бунтарю обратился за помѣщеніемъ мистеръ Фарингдонъ, когда задумалъ высказать свой новый взглядъ на ивановцевъ, вывезенный изъ Россіи. Гости были приглашены отчасти графомъ, отчасти лекторомъ.

II.

Занятная публика, — сказалъ про себя Егоръ Лукичъ Гаръ, когда осмотрѣлся. Дѣйствительно, у лорда Лэстрэнджа было занятно. Въ большой мраморной залѣ стояло вавилонское смѣшеніе языковъ: говорили по англійски, по французски, по русски и даже по испански. Въ особенности любопытны были женщины, всѣ молодыя, большею частью красивыя. Всѣ въ открытыхъ платьяхъ. Гаръ замѣтилъ много накрашенныхъ дамъ, сверкавшихъ брилліантами. И, не смотря на подведенные глаза и на рѣзкія манеры нѣкоторыхъ дамъ, Гаръ видѣлъ, что это не наемная гвардія Астарты. Дѣйствительно, то были, большею частью, дамы изъ хорошаго общества, затѣмъ знаменитыя танцовщицы и актрисы или пѣвицы да піанистки, дѣлавшія еще карьеру, но начавшія уже выдвигаться. Въ толпѣ этихъ женщинъ съ развязными манерами, Гаръ усмотрѣлъ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, сдержанныхъ и скромныхъ, повидимому, иностранокъ.

— Лидія Васильевна, познакомить ли васъ съ очень интереснымъ человекомъ? — спросилъ Божко молодую дѣвушку, съ которой пришелъ.

— «Съ очень интереснымъ?» — переспросила она. — Пожалуйста.

Умные глаза ея внимательно обращены были на публику и, повидимому, замѣчали каждую подробность.

— Егоръ Лукичъ, — подозвалъ Божко. — Вотъ знакомьтесь. Это — Егоръ Лукичъ Гаръ, русскій бразилецъ, а это Лидія Васильевна Грабовская, она же «Михаилъ Рокотовъ» — изъ Русской Эпохи.

Гаръ замѣтилъ въющіеся пепельные волосы новой знакомой.

— Голова окружена, какъ лунными лучами! — подумалъ онъ.

— Гаръ да еще Егоръ Лукичъ, — начала Грабовская. — Странное сочетаніе нѣмецкой фамиліи съ русскимъ именемъ... и съ русскимъ лицомъ, — прибавила она.

— Голосъ нѣженъ какъ звукъ жемчужины падающей въ хрустальный бокаль — подумалъ Гаръ. — Что это я сегодня настроенъ, какъ провинціальный фельетонистъ, пишушій восточную сказку. — Онъ улыбнулся. Ему стало очень весело и хорошо.

— Не могу даже сказать про себя, какъ гоголевскій Кругель: «Какой я нѣмецъ? Мой дѣдъ былъ нѣмецъ, да и тотъ по-нѣмецки не говорилъ, — началъ Егоръ Лукичъ. — Фамилія моя, хотя звучитъ по нѣмецки, чисто русская, кушеческая. Она вполнѣ подстать лицу. Съ нимъ мнѣ и паспорта не надо, — засмѣялся Гаръ. Недѣли двѣ назадъ былъ я въ Парижѣ. Захожу завтракать къ Вателю. Подходить лакей похожій на посланника и предлагаетъ карточку Я выбираю, а онъ говоритъ мнѣ: «Nous avons du rastaigai. По лицу моему лакей сразу опредѣлилъ, прежде чѣмъ я успѣлъ произнести даже слово, что именно мнѣ надо предложить растегай. Еще болѣе любопытный случай былъ со мною въ Барселонѣ, куда я попалъ послѣ возвращенія изъ Бразиліи. Часу въ двѣнадцатомъ ночи захожу въ кафэ Novedades, устроенное по типу парижскихъ ночныхъ ресторановъ на Монмартрѣ. Было очень шумно. Музыканты въ красныхъ курткахъ усердно пилили что-то. Передъ музыкантами на подмосткахъ молодой мулатъ во фракѣ

вывертывать ногами, обутыми въ лакированные башмаки. Онъ пѣлъ что то шумное по-испански, моталъ курчавой головой и размахивалъ руками, подавая сигналъ всѣмъ посѣтителямъ, что надо подхватывать припѣвъ. Дѣйствительно, мужчины и женщины подхватывали со свистомъ и притоптываніемъ и со стучаніемъ стакановъ. И вотъ пѣсня кончена. Мулатъ взглянулъ на меня, улыбнулся, раскланялся, затѣмъ далъ знакъ музыкантамъ и они заиграли «Распашенку». И не только заиграли. Представьте: мулатъ началъ пѣть по-русски «Эхъ распашеночка, нехорошая моя».

Всѣ засмѣялись.

— Видѣли вы уже, Лидія Васильевна, новаго посла котораго ивановцы назначили въ Мерсію? — спросить Божко.

— Нѣтъ. А развѣ онъ здѣсь?

— Какъ же. И посланница его тутъ.

Божко указать на коротенькаго, огненно рыжаго гладко выбритаго, сильно округлившагося въ таліи челоуѣчка, съ широкимъ тазомъ, стоявшаго въ наполеоновской позѣ, скрестивъ руки, у одной изъ колоннъ. Пришелъ онъ не во фракъ, а въ пиджакъ. Посольство зналъ, что на него смотрять всѣ и старался придать своему упитанному, лоснящемуся лицу выраженіе, приличествующее государственному мужу и избраннику ивановцевъ. Время отъ времени онъ дѣлалъ странную пожимку губами и носомъ, будто дразнить кого-то. То онъ старался поправить пенснэ, постоянно сползавшее съ жирнаго носа.

— Откуда онъ взялся? Кто этотъ посоль? — спросить Гаръ.

— Глубокая тайна. Посоль тщательно прячетъ свое настоящее имя. Уже здѣсь, въ Лондонѣ, онъ разъ пять назывался иначе.

— Какой же у него государственный и вообще дѣловой опытъ?

— Опытъ? Посоль, говорятъ, въ Россіи отлично и не безъ успѣха кричалъ: «руки вверхъ»! Въ Лондонѣ онъ служилъ коммивояжеромъ у одного инженера.

Разстались они съ трескомъ: хозяинъ узналъ, что его представитель, называвшійся тогда Джемсономъ, тайно получаетъ мзду отъ враждебной фирмы. Послѣ этого произошло какъ въ сказкѣ: сѣрый волкъ ударился о землю и обернулся селезнемъ. Джемсонъ превратился въ Купферштейна. Когда же ивановцы назначили его своимъ посломъ въ Мерсію, онъ сталъ именоваться такъ: Иларіонъ Иларіоновичъ Баскаковъ.

— Ваше превосходительство! Your Excellency! раздался сладкій, заискивающій голосъ неподалеку отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Божко со своими знакомыми. Къ широко улыбающейся, высокой, худощавой англичанкѣ щепетко, мелкими шажками, подкатилась маленькая, пожилая, растрепанная дама съ книгой въ рукахъ.

— Your Excellency! Поздравляю васъ съ важнымъ назначеніемъ, которое получилъ вашъ достойный супругъ. Онъ теперь, вѣроятно, занятъ государственными думами, поэтому не рѣшаюсь подойти къ нему. Но прошу передать ему мою книгу: «Ольга Премудрая, или первая русская суффражистка». Изъ этой книги видно, что княгиня Ольга была также первая «ивановичка».

Высокая англичанка улыбалась, показывая четыре верхнихъ вставныхъ зуба. Они были такъ плохо вставлены, что сползали немного. Вслѣдствіе этого, зубы казались невѣроятно длинными.

— Вы, ваше превосходительство, вѣроятно, будете помогать теперь послу, когда онъ прибудетъ въ Мерсію?

— Его превосходительство не нуждается въ совѣтахъ такой молодой и неопытной женщины, какъ я, — еще шире улыбнулась англичанка, показавъ даже крючки, которыми прицѣплены были вставные четыре зуба.

Съ тѣхъ поръ, какъ ивановцы назначили Баскакова посломъ, репортеры уличныхъ газетъ часто забѣгали къ супругамъ. Англичанкѣ съ вставными зубами, которую сосѣди стали называть Your Excellency, очень понравилась извѣстность. Какъ только появля-

лись репортеры съ камерой, супруги усаживались и принимали картинную позу. Посоль, нахмуривъ рыжія брови, погружался въ чтеніе растрепаннаго телефоннаго указателя и изображалъ на жирномъ, упитанномъ лицѣ думу дипломата, занятаго рѣшеніемъ запутаннаго государственнаго вопроса. Посланица брала на руки маленькаго сына, вперяла взоръ въ дипломата и принимала восторженно мечтательное выраженіе вѣрной супруги, которой дозволено присутствовать при творествѣ великаго челоуѣка. Снимки эти появлялись потомъ въ вечернихъ уличныхъ газетахъ.

III.

Задвигались стулья. Всѣ усѣлись. Къ роялю подошла высокая, красивая женщина съ короткими черными кудрями, что составляло послѣднюю лондонскую моду «боббингъ». Дама жеманно присѣла, какъ актриса, изображающая маркизу восемнадцатаго вѣка, поставила ровнѣе стулъ, мечтательно улыбнулась, усѣлась, томно подняла глаза къ потолку, склонила потомъ голову нѣсколько на бокъ и взяла аккордъ. Играла она очень хорошо вещь Мусоргскаго «Портретная галлерей», совершенно неизвѣстную за границей. Вещь эта должна изображать композитора, вздремнувшаго въ картинной галлерей. Онъ видитъ во снѣ, какъ изъ рамъ выходятъ люди, то чопорные, то развязные, то суровые, то подгулявшіе. Божко, хорошо знавшій эту вещь Мусоргскаго, задумался. Онъ тоже видѣлъ передъ собою ожившіе портреты. Онъ видѣлъ монаховъ и анахоретовъ молодыхъ и старыхъ, пылающихъ вѣрой и утратившихъ ее. Всѣ они бѣгутъ, машутъ руками, проклиная внѣшній міръ и выкликаютъ заклинанія заученныя въ темныхъ кельяхъ и въ пещерахъ. А за вопящими монахами мчится темная, забитая, измученная страданіями и изнуренная голодомъ толпа. Такую именно рать анахореты и циркумцелліоны повели когда то противъ трудолюбиваго, веселаго, красиваго и культурнаго Тимгада, развалины котораго Божко видѣлъ въ Алжиріи, по пути въ Са-

хару, недалеко отъ Батны. Такое воинство монахи, посланные Иннокентіемъ III, бросили противъ альбигойцевъ.

Кто не повторяеть за нами: Credo in Deum, Patrem Omnipotentem, а говорить: Jupiter Optimus Maximus, — тотъ язычникъ, котораго безотлагательно должно истребить! восклицали въ четвертомъ вѣкѣ пустынножители.

— Тяготѣющій къ дуализму еретикъ, котораго неукоснительно надо убить! возвѣщали въ тринадцатомъ вѣкѣ монахи Арнольдъ, Сито и Мило водившіе толпу противъ альбигойцевъ.

— Кто сомнѣвается въ безотносительной правильности нашихъ заклинаній тотъ буржуй, котораго необходимо прикончить, — говорятъ пустынножители ивановцы.

И Божко задавать себѣ вопросъ.

— Неужели слѣдствіемъ того восторженного подъема, полного самоотреченія, которое я пережилъ на Ивана Купала въ 1882 году, когда шелъ въ Браилово; неужели плодомъ душевнаго подъема тысячи другихъ юношей и дѣвушекъ, — должно было быть только пришествіе анахоретовъ и циркумцелліоновъ? Конечно нѣтъ! Почему же въ такомъ случаѣ одно и то же явленіе повторяется съ математическою правильностью?

Піанистка кончила. Раздалось рукоплесканіе. Она опять тряхнула короткими кудрями, мечтательно взглянула на потолокъ, загадочно улыбнулась, затѣмъ встала и снсва жеманно присѣла.

Рѣшительно выступила высокая, толстая, сердитая пѣвица, напудренные плечи и рыхлая грудь которой никакъ не хотѣли признать границъ, намѣченныхъ для нихъ корсажемъ. Платье было такъ низко вырѣзано, что когда барыня поднимала руку, подъ мышками показывался черный кустарникъ, густой, какъ «маки», которымъ поросли горы Корсики. Густыя, необыкновенно широкія брови, выпученные глаза, толстыя, крупныя, ярко накрашенные губы и широкія бедра придавали барынѣ восточный видъ. Про

такихъ именно красавицъ говорятъ пѣсни арабовъ: «Талія ея — семь пядей въ обхватъ; бедра шевелятся какъ волны. Тазъ ея похожъ на жирный курдюкъ сирийской овцы. Слава тому, кто создалъ такіе бока!»

Выборъ пѣсни обусловливался, вѣроятно, наружностью дамы. Она груднымъ, удивительно красивымъ голосомъ запѣла по французски «Киргизскую пѣсню», кончавшуюся послѣ каждого куплета такимъ припѣвомъ:

«Femme prends garde
Surveille ta demeure,
Ferme bien, tous les soirs, en tout cas
La porte de la Kibitka». *)

Слова пѣсни были крайне свирѣпы и, поэтому, ужасно понравились публикѣ. Барыня пѣла.

«Женщина! Горе тебѣ, если я застаю въ кибиткѣ въ одной постели съ тобою мужчину. Будетъ ли то князь или бекъ, вы не будете имѣть времени, чтобы пасть на коней и ускакать въ степь. Вы оба почувствуете мои отравленные стрѣлы, причиняющія медленную смерть. Я прикажу медленно отрѣзать вамъ вѣлки, языкъ, уши, одинъ за другимъ пальцы на рукахъ и ногахъ, потомъ руки, потомъ ноги, кусокъ за кускомъ, а тебѣ еще отрѣжутъ груди. И вы будете глядѣть другъ на друга безъ носовъ, безъ ушей, безъ рукъ и безъ ногъ. Потомъ я умоюсь вашей кровью, какъ самымъ лучшимъ кумысомъ. Я заставлю моихъ рабовъ продѣлать то же самое, чтобы они навсегда запомнили, какъ караю я невѣрную невольницу. Затѣмъ моими руками я зажгу костеръ, взвалю на огонь тебя, а сверху мужчину, которого нашель въ твоей постели. Вы долго² будете горѣть передъ лицомъ моихъ женъ и всего улуса».

Пѣвица, сверкая черными выпуклыми глазами, хмуря

*) «Женщина, берегись! Охраняй свое жилье. Во всякомъ случаѣ запирай хорошо каждый вечеръ двери кибитки».

густыя шириною въ палець брови, потрясая почти мужскими кулаками, выкрикала:

«Je me laverai dans votre sang
Comme en le plus délicieux des Koumiss» *).

Калмыцкая пѣсня очень понравилась всѣмъ. Накрашенные дамы, увѣшанныя брилліантами, обмахиваясь вѣерами, восклицали:

— Не правда ли, ужасно мило!

— Какая жгучая страсть!

— Какъ мало похожъ этотъ кипящій гейзеръ страсти на тепленькую водичку въ чайной ложечкѣ, которую мужчины въ нашемъ обанкротившемся мірѣ называютъ глубокой любовью!

— Да, намъ надобенъ иванизмъ.

— Иванизмъ принесть съ собою въ міръ здоровое тѣло и кипучую страсть.

— Мило! Ужасно мило!

Лидія Васильевна взглянула на посла. Онъ все еще стоялъ въ наполеоновской позѣ у колонны, не забывая, вѣроятно, ни на минуту, что на него смотрятъ. Посоль качалъ головой. И Лидіи Васильевнѣ казалось, что на жирномъ лоснящемся лицѣ его написано:

— Мы вамъ все дадимъ!

Пришли запоздавшіе гости: очень нарядная дѣвушка съ пухлыми алыми губами и мужчина. Дѣвушка щурила красивые глаза и поправляла кожу голубого песка, постоянно сползающую съ открытыхъ, покатыхъ плечъ. Дѣвушка разсмѣялась какому то замѣчанію спутника и показала не только ровные, прекрасные зубы, но и вишневая десны. Гарь обратилъ вниманіе на спутника. То былъ мужчина лѣтъ сорока съ густыми, сѣдѣющими усами и длинными, небрежно зачесанными волосами. Лицо у него было умное, порядкомъ измятое, съ рѣзкими складками отъ

*) Я умоюсь вашей кровью, какъ самымъ лучшимъ ку-мысомъ.

крыльевъ носа и съ мѣшечками подъ выразительными глазами.

— Кто это? — спросилъ Гаръ у Божко.

— Беллетристъ Альморъ Роджерсъ, авторъ *Пробужденія, Выхода Уэда, Облаковъ и Потаенныхъ Источниковъ*. Писатель онъ несомнѣнно талантливый и образованный, но текучій какой-то. Онъ все ищетъ необыкновенныхъ сюжетовъ. Сперва онъ отправился въ область мистицизма, хотя самъ положителенъ, какъ полицейскій сыщикъ. Затѣмъ онъ заинтересовался средневѣковыми процессами, кончавшимися осужденіями животныхъ на казнь за колдовство. Такихъ судебныхъ дѣлъ было много въ XIV и XV вѣкахъ. Къ отвѣту привлекали не только лошадей, коровъ, свиней, козъ и собакъ. Въ Лозаннѣ въ 1225 году судили за волхованіе двухъ угрей, въ Бернѣ въ 1451 году — крысъ, а въ Базелѣ около того же времени пѣтуха. Альморъ Роджерсъ разыскать старинную теорію монаха Бужана о томъ, что освобожденные души животныхъ вселяются въ діаволовъ и написать мрачный средневѣковой романъ. Теперь беллетристъ взялся за щекотливыя темы, которыя въ Англіи приходится закутывать въ газъ. Таковъ именно послѣдній романъ «Потаенные Источники». Общественныя читальни постановили не выдавать это произведеніе, что удесетерило его продажу.

— Какой же предметъ выбралъ Альморъ Роджерсъ? — спросилъ Гаръ. Божко покосился на Лидію Васильевну.

— Гм... Вы, Егоръ Лукичъ, еще не забыли латынь?

— Нѣтъ кажется, а что?

— Ну, въ такомъ случаѣ, я передамъ содержаніе *Потаенныхъ Источниковъ* стихомъ Ювенала:

«Traditur esse viro clarus genere atque opibus vir».

— А дама кто? — спросила Лидія Васильевна.

— Русская, Клавдія Дмитріевна Лешко. Она недавно еще въ Лондонѣ. Кажется, пріѣхала изъ Парижа, потому что здѣсь ставятъ въ одномъ изъ театровъ ея «musical comedy» или что то въ этомъ родѣ.

IV.

Раздались аплодисменты, привѣтствовавшіе появленіе докладчика мистера Фарингтона, маленькаго головастаго человѣчка, выбритаго не совсѣмъ чисто, такъ что изъ носа торчатъ клочекъ волосъ. Фарингдонъ былъ третьестепенный публицистъ, обладавшій первостепеннымъ честолюбіемъ. На литературномъ поприщѣ онъ работалъ уже лѣтъ пятнадцать, но все никакъ не могъ придумать такое, что сразу ошарашило бы равнодушное къ нему общество; что заставило бы всѣхъ повторять имя Фарингдона. Пусть это дѣлается съ ужасомъ и проклятіями; но всѣ должны знать про него. До войны Фарингдонъ брался защищать всѣ тѣ вопросы, которые другими встрѣчались насмѣшками: кубистскіе картины Эдуарда Уодсуорта, Уинхэма Льюиса и Кетберга Гамильтона, «Манифесты» Маринети или стихи въ родѣ слѣдующихъ: «Зеленый мышьякъ, намазанный на яично-бѣлое полотно. Раздавленная клубника. Идите сюда. Пусть наслаждается нашъ взглядъ». Но защита такого искусства не породила въ печати страстно желанной бури. Фарингдонъ хотѣлъ совершить литературное безчинство, громкое, ошеломляющее, по поводу котораго во всѣхъ домахъ цѣлую недѣлю вопили бы: «Какой ужасъ!» Или хотя бы: «какая гадость». И для созданія подобнаго скандала Фарингдонъ написалъ новое жизнеописаніе Карлейля, чтимаго англичанами, какъ народный пророкъ.

Авторъ «Прошлаго и настоящаго» былъ человѣкъ желчный, рѣзко отзывавшійся о многихъ. Фарингдонъ, передавъ ему свою душу, изобразилъ его низкимъ завистникомъ и зlostнымъ клеветникомъ. И тутъ сочинитель опростоволосился. Сославшись, будто бы, на показанія государственнаго дѣателя, знавшаго Карлайля, Фарингдонъ вложилъ въ уста извѣстнаго писателя рѣзкую выходку противъ Дарвина. «Я зналъ его хорошо, — сказали, будто бы, Карлайль. — Мнѣ его представили за долго до того, какъ онъ сталъ знаменитостью... Я помню, какъ онъ возвратился изъ

плаванья на Бигль. Я встрѣтилъ Дарвина тогда въ великосвѣтской гостиной. Всѣ дамы жужжали вокругъ него, какъ пчелы надъ кускомъ сахара. И когда онъ впитать въ себя гораздо больше лести, чѣмъ могъ переварить, я подозвалъ Дарвина.

— Идите сюда, Чарльзъ, крикнулъ я. — Объясните-ка мнѣ вашъ прославленный законъ, про который всѣ кричать теперь. Дарвинъ сталъ излагать мнѣ сущность дарвинизма. Онъ говорилъ, а толпа, раскрывъ рты, слушала проицателя.

— Вотъ это, Дарвинъ, у васъ выходитъ складно. *Люди* произошли отъ обезьянь, — утверждаете вы. Что-жъ? Можетъ быть и такъ, — сказалъ я, взглянувъ на внимательныхъ слушателей. Но объясните мнѣ, что помѣшаетъ нынѣшнему поколѣнію превратиться въ обезьянь?»

Такъ, по утверженію Фарингдона, сказалъ Карлайль.

Немедленно же послѣдовать отвѣтъ отъ внука Дарвина, доказавшаго неопровержимо, что Фарингдонъ не только несомнѣнно выдумать весь эпизодъ, но выдать еще себѣ самому свидѣтельство въ невѣжествѣ. Изъ плаванья на *Бигль* Дарвинъ возвратился въ 1837 году. Къ этому времени относится единственная встрѣча съ Карлейлемъ. Но Дарвинъ не могъ излагать тогда свое ученіе, такъ какъ Происхожденіе видовъ появилось только въ 1859 году, а Происхожденіе человѣка — въ 1871 году. Кромѣ того, Дарвинъ былъ, какъ всѣмъ извѣстно, человѣкъ рѣдкой скромности и ужъ ни въ коемъ случаѣ не салонный витія.

Фарингдонъ рассчитывать, что скандалъ произведетъ не утвержденіе про Дарвина, а другое мѣсто, гдѣ авторъ объяснялъ желчность Карлейля тою же причиною, которою психіатры истолковываютъ раздражительность Свифта и пристрастіе его къ неопрытнымъ выраженіямъ.

«Карлейль прожилъ съ своей женой двадцать лѣтъ; но бракъ на самомъ дѣлѣ никогда не былъ заклю-

чень, — писать Фарингдонъ въ своей книгѣ. Карлейль не быть физическимъ мужемъ своей жены.

Фарингдонъ никого не ошарашилъ своимъ открытіемъ. Новая біографія Карлейля сѣла на мель, и авторъ совсѣмъ ожесточился. И тогда именно произошла революція въ Россіи. Затѣмъ стали выдвигаться ивановцы. И Фарингдонъ наконецъ нашель «his line». Онъ поѣхалъ въ Петроградъ, познакомился со всѣми вождями и черезъ мѣсяць возвратился въ Лондонъ апостоломъ «иванизма».

Началась лекція. Фарингдонъ описалъ сперва свое свиданіе съ вождемъ ивановцевъ Кронштейномъ. «Онъ имѣетъ поразительную голову, очень широкій лобъ, живые глаза, тонко очерченный носъ, выразительный ротъ и эспаньолку, придающую ему воинственный видъ, — сообщать докладчикъ. — Предо мной несомнѣнно былъ человѣкъ чрезвычайно рѣшительный, умѣющій стремиться къ намѣченной цѣли».

Объ ивановцахъ говорятъ плохо въ Англіи, но это мнѣніе основано только на пристрастныхъ отзывахъ печати буржуевъ. Правительство, составленное ивановцами, дѣйствительно, неутомимо, рѣшительно, смѣло и не считается нисколько съ крикливыми пересудами высшихъ сословій, совершенно не способныхъ управлять Россіей. Они могутъ только клеветать на ивановцевъ да устраивать саботажи.

Докладчикъ вывезъ изъ Петрограда все нехитрое именословіе людей, восхваляемыхъ ими. Ивановцы, конечно, разогнали учредительное собраніе, — продолжалъ Фарингдонъ, — но они слѣдовали примѣру высоко чтимаго ими за рѣшительность Кромвеля. Ивановцы благородные мечтатели, стремящіеся при помощи штыковъ побороть «контръ-революцію» буржуевъ и загнать косную толпу въ земной рай. Кронштейнъ готовъ пожертвовать Россіей, чтобы спасти Европу и пожертвовать Европой, чтобы спасти весь міръ. Для него спасеніе міра и социальная революція — одно и тоже.

И Фарингдонъ дѣлалъ выводъ, что Англія обязана признать ивановцевъ. Она должна помочь деньгами

и нравственной поддержкой мечтателямъ, гонящимъ къ своему прообразу косную толпу пулеметами.

Затѣмъ Фарингдонъ говоритъ ужъ исключительно про себя: про то, какъ его хорошо принялъ Кронштейнъ; какъ главный публицистъ ивановецъ Лайдакъ, «маленькій, весь начиненный умомъ», сказать, что въ Англіи теперь есть только одинъ блестящій писатель,—Фарингдонъ. Докладчикъ повѣдалъ, какъ онъ помогать ивановцамъ паковать секретныя государственныя грамоты, причемъ заглядывать то въ одну, то въ другую. Закончилъ онъ рассказомъ про то, какъ его ивановцы послали на югъ за пулеметами, вѣроятно за тѣми самыми, которыми гнали толпу по пути черезъ тотъ свѣтъ въ земной рай.

V.

Лидія Васильевна взглянула на посла. Онъ все еще стоялъ, скрестивъ руки, прижавшись широкимъ тазомъ къ колоннѣ. Посоль иногда качалъ рыжей головою, и Грабовская думала, что теперь онъ, какъ Тарасъ Бульба, вѣроятно, шепчетъ, слушая докладъ Фарингдона: «добре сынку».

Пѣвецъ ивановецъ кончилъ. Поднялся тотъ, который, по англійскимъ обычаямъ, дастъ заключеніе о докладѣ. То былъ мужчина съ большимъ острымъ носомъ и втянутыми щеками. Внутренній огонь ненависти отражался въ маленькихъ, колющихъ глазахъ Майльса, какъ звали мужчину.

— Старый міръ пылаетъ, охваченный пожаромъ со всехъ сторонъ, — началъ Майльсъ. На колокольномъ исторіи раздается звонъ на погребеніе. То пробилъ смертельный часъ Англіи. Буржуазія, обанкротившаяся нравственно, должна уступить мѣсто новой несмѣтной рати, во главѣ которой идутъ ивановцы.

Витія сжалъ свой веснущатый кулакъ, раскрылъ на сколько могъ маленькіе глаза, выдвинулъ нижнюю челюсть и сталъ шипѣть источномъ голосомъ, напирая съ силой на нѣкоторыя буквы:

— Пусть господствующіе классы содр-р-р-агаются

передъ коммунистической р - р - р - революціей. Пр-р-р-олетаріи ничего не могутъ въ ней потерять, кромѣ своихъ цѣпей. Приобрѣтутъ же они цѣлый міръ. Скорѣе же по слѣдамъ ивановцевъ!

— Какая прелестъ это обращеніе къ нарядной, праздной, богатой, публикѣ! — засмѣялся Гарь.

— Событія повторяются, — отвѣтилъ Божко. — Анахореты тоже обращались къ сильнымъ міра.

— Только повторяйте за нами: «Credo in Spiritum Sanctum!» говорили пустынножителі. — Признайте, что другой истины нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ наша должна существовать до вѣка. Помогите намъ истребить всѣхъ инакомыслящихъ, а затѣмъ мы позволимъ вамъ дѣлать, что угодно.

— Мистеръ Божко! Океаны времени лежатъ между нашей послѣдней встрѣчей и сегодняшнимъ днемъ! — воскликнула восторженная черноволосая англичанка въ очкахъ. Съ ней былъ пожилой джентльмэнъ хмурый и сильно недовольный чѣмъ то. — Какой удивительный докладъ! Это откровеніе! Я вполнѣ, конечно, согласна съ Фарингдономъ! Парламентъ отжилъ свое время. Англія ждетъ болѣе совершенную организацію, придуманную ивановцами.

— Никакихъ такихъ совершенныхъ организацій я не видѣлъ! — угрюмо буркнулъ пожилой джентльмэнъ. — По прежнему въ Россіи канцеляріи, называющіяся только иначе. Вмѣсто прежнихъ чиновниковъ, тамъ сидятъ рабочіе, которые не работаютъ, крестьяне, которые не пахутъ и солдаты, которые не воюютъ. Я по собственному опыту убѣдился, что въ ивановскихъ канцеляріяхъ взятки берутся еще болѣе откровенно, чѣмъ въ царскихъ. — Восторженная англичанка отмахнулась отъ угрюмаго джентльмена, какъ отъ липнувшей мухи и продолжала:

— Все то, что сказать Фарингдонъ, окрыляетъ. Воображаю, какъ вы ликуете теперь!

— Я ликую? — переспросилъ Божко. — По какой причинѣ, миссъ Нордкотъ?

— Осуществилось то, къ чему вы стремились столько лѣтъ.

— Гм...! Вы, миссъ Нордкотъ, хорошо помните *Барнаби Раджъ*?

— А что развѣ? — удивилась восторженная англичанка.

— Если помните еще содержаніе романа, я вамъ задамъ одинъ вопросъ. Представьте себѣ, что гордоновскій мятежъ происходитъ не въ XVIII вѣкѣ, а теперь. Къ нему присоединились не только Тапертитъ, Хью и Денисъ, но также всѣ помощники Фэйгина изъ Оливера Твиста. Мятежъ кончился не пораженьемъ, а побѣдой Гордона. Вся власть достается повстанцамъ. Фейгинъ назначенъ министромъ финансовъ. Билль Сайксъ становится министромъ внутреннихъ дѣлъ, палачъ Денисъ — министромъ юстиціи, Ловкій Штукаръ — первымъ лордомъ адмиралтейства, а Тапертитъ — военнымъ министромъ. Ликовали ли бы вы тогда?

— Лидія Васильевна, — говорилъ въ то же время Гаръ: — вы позволите повидать васъ еще разъ?

— Пожалуйста. Буду рада. Когда хотите?

— Завтра! — хотѣлъ сказать Егоръ Лукичъ, но выговорить: — на слѣдующей недѣлѣ, въ среду.

— Отлично. Приѣзжайте къ четыремъ часамъ. Вотъ мой адресъ.

— Буду ждать съ нетерпѣніемъ встрѣчи съ вами! — подумалъ Гаръ. Вслухъ же онъ сказалъ спокойно.

— Спасибо. До свиданія, Лидія Васильевна.

V.

Arbiter elegantiarum.

I.

Есть люди, все содержаніе которыхъ, будь оно даже очень богато, можно сжать въ одно слово. Къ разряду такихъ людей, относился беллетристъ Альморъ Роджерсъ, а слово, опредѣлившее его, было *женщины*. О нихъ онъ думалъ постоянно, даже тогда, когда писалъ *Потаенные Источники*; тотъ романъ для опредѣленія котораго Петру Андреевичу потребовался стихъ латинскаго поэта.

Когда то Альморъ Роджерсъ мечталъ о томныхъ, распаленныхъ страстью восточныхъ женщинахъ, черные глаза которыхъ постоянно увлажнены туманомъ желанія. Онъ думалъ о гуріяхъ, одалискахъ и алмеяхъ; о красавицахъ, про которыхъ арабскіе поэты говорили, что онѣ бѣлы «какъ миндаль безъ кожурѣ и какъ уклеика въ бассейнѣ», что щеки ихъ «гладки какъ атласъ и напоминають розовый садъ», что грудь ихъ «—опрокинутыя чаши слоновой кости съ двумя гранатными цвѣтками наверху», а станъ подобенъ «камышинѣ, выросшей изъ амфоры».

Беллетристъ тогда любилъ повторять стихъ поэта Ади-бенъ-Зеида: «Алмазы и яхонты, парча и шелковые ткани мало волнують прекрасныхъ дѣвушекъ, ибо глаза ихъ алмазы, губы - яхонты, а тѣло - шелкъ».

Побывавъ нѣсколько разъ на сѣверномъ берегу Африки и въ Малой Азіи, Альморъ Роджерсъ сильно

разочаровался въ восточныхъ женщинахъ, во всякомъ случаѣ, въ тѣхъ, съ которыми онъ завязывать знакомство черезъ проницательныхъ, продувныхъ проводниковъ-левантійцевъ. Нѣмое вожделѣющее животное, *Bête à plaisir* не говорило ничего уму и тонко развитому художественному вкусу беллетриста. Въ особенности не говорило, когда ему минуло сорокъ лѣтъ. Въ послѣдніе два года онъ поэтому мечталъ постоянно о невинныхъ, но страстныхъ дѣвушкахъ, красивыхъ, умныхъ, надѣленныхъ яркой самобытностью и сильно чувствующихъ самыя тонкія художественныя эмоціи. Эти дѣвушки отдаются безъ оглядки, когда полюбятъ. Онѣ не должны требовать ничего отъ мужчины и берутъ на себя всѣ послѣдствія. Онѣ даютъ мужчинѣ счастье, обновляютъ его, доставляютъ ему возможность на закатѣ испытать ликующую радость лучезарнаго восхода. На свою же долю дѣвушки оставляютъ осень съ ея слякотью и страданіями. Таковъ былъ прообразъ Альмора Роджерса. Но гдѣ искать его? Не въ Англіи, конечно, гдѣ дѣвушки тщательно прячутъ нѣжныя письма, чтобы составить изъ нихъ *corpus delicti* для процесса и нарушеніи обѣщанія жениться. Не во Франціи также, гдѣ съ порядочной дѣвушкой иностранцу невозможно даже и познакомиться. И, конечно, не въ Испаніи. Альморъ Роджерсъ давно уже рѣшилъ, что освященное обычаемъ представленіе объ испанкѣ, пламенной, какъ полученное іюльское солнце и опьяняющей, какъ душистыя, сладкія, съ примѣсью острой горечи амонтильдо, мансанилья или монтилья,—одинъ обманъ. Небывальщину эту пустили въ обращеніе сочинители модныхъ романсовъ, никогда не издавшіе Испанію и не знающіе ея литературу. Альморъ Роджерсъ хорошо помнилъ сжатое опредѣленіе, которое далъ ему знаменитый испанскій беллетристъ.

— Мои землячки? *Son muchachas sin color, sin sabor, sin olor.* (Это дѣвушки безъ цвѣта, безъ вкуса и безъ запаха).

Дѣвушки, о которыхъ мечталъ Альморъ Роджерсъ,

по его представленію, могли быть только въ Россіи, въ единственной свободной странѣ, какъ утверждали лордъ Лэстрэнджъ. Развѣ это не подтверждали русскіе романы, которые въ послѣдній годъ усиленно читалъ Альморъ Роджерсъ во французскомъ и англійскомъ переводахъ? Образованный, побывавшій всюду беллетристъ знать, но забыть слова Магомета: «Поэты пробуютъ всѣ пути, какъ бѣсноватые. Они берутъ въ проводники свое вдохновеніе и демоновъ. Поэты потомъ рассказываютъ про встрѣчи, которыхъ никогда не было и про приключенія, существовавшія только въ воображеніи». Альмору Роджерсу не приходило въ голову, что слова эти могутъ относиться и къ нѣкоторымъ новымъ русскимъ беллетристамъ, герои которыхъ чуть ли не повседневно побѣждаютъ дѣвушекъ.

Альморъ Роджерсъ былъ очень доволенъ, когда познакомился съ Клавдіей Дмитріевной Лешко. Она ему сильно нравилась своимъ сочетаніемъ ума съ красотой, утонченной женственностью съ широкимъ образованіемъ. Лешко училась и въ Женевѣ и въ Парижѣ.

Она много читала, пожалуй, больше, чѣмъ онъ, Альморъ Роджерсъ, такъ какъ литературу почти всѣхъ европейскихъ странъ знала въ подлинникахъ. Беллетристъ любилъ ея черные волосы. Опытный глазъ говорилъ ему, что они должно быть мягки на ощупь и шелковисты, а не жестки и не щетинисты, какъ черная грива восточныхъ женщинъ. Лешко носила особую прическу: отъ висковъ къ нѣжнымъ щекамъ Клавдія Дмитріевна начесывала махры, похожіе на бакенбарды русскихъ генераловъ начала XIX вѣка. Альморъ Роджерсъ находилъ это ужасно милымъ. Онъ любилъ также ея красивые, умные, чуть чуть насмѣшливые глаза, но въ особенности нравился ему ея ротъ съ нижней губой, замѣтно болѣе пухлой и крупной, чѣмъ верхняя. Глядя на этотъ свѣжій, алый ротъ, Альморъ Роджерсъ рѣшилъ, что губы выражаютъ обѣ природы, которыя, какъ предполагалъ романистъ, таятся въ Лешко. Верхняя,

красиво очерченная сильная губа говорить о характерѣ «Гипатіи», тогда какъ нижняя, пухлая, о натурѣ «вакханки». Вторая натура, повидимому, еще спитъ. И Альморъ Роджерсъ тѣшилъ себя надеждой, что именно онъ разбудить спящую, научить ее крику эвоэ! и тому смѣху, отъ котораго темнѣетъ въ глазахъ. Клавдія Дмитріевна держалась просто и свободно съ беллетристомъ, чего именно самые умные иностранцы не могутъ понять въ русской женщинѣ. И такъ какъ Лешко приглашала Роджерса къ себѣ, бесѣдовала съ нимъ и не отказалась отъ обѣда въ ресторанѣ, то беллетристъ рѣшилъ, что онъ нравится дѣвушкѣ, какъ мужчина. То, что онъ поразилъ ее воображеніе, какъ писатель, Альморъ Роджерсъ признавать аксіомой.

II.

О волосахъ Лешко, о начесанныхъ махрахъ на нѣжныхъ щекахъ, о глазахъ ея и объ алыхъ губахъ беллетристъ думалъ, когда сидѣлъ рядомъ съ нею въ полутемной ложѣ въ театрѣ во время репетиціи *Видѣнія Маркиза*. То была коротенькая пьеса на двадцать минутъ, т. е. ровно настолько времени, сколько удѣляетъ Music Hall между номеромъ съ акробатами и номеромъ съ учеными тюленями. Пьеска представляла собою нѣчто въ родѣ «балетовъ съ пѣньемъ», которые усиленно писались всѣми великими и маленькими французскими поэтами XVII и XVIII вѣковъ. Текстъ Клавдія Дмитріевна написала по французски, а музыку взяла у старинныхъ композиторовъ, главнымъ образомъ, у Гравали и Камбера. *Видѣнія Маркиза* происходило въ Трианонѣ года за два до революціи. Старый строй, при которомъ высшему классу жилось такъ привольно, повидимому, держался довольно прочно, хотя въ сущности, весь уже разложился. Консерваторъ, ненавидѣвшій великій переворотъ и пытавшійся развѣнчать его, не даромъ сказать: «Ce n'était pas une révolution, mais une dissolution».*) Заснувшій въ Трианонѣ маркизь видитъ сперва

*) То была не революція, а разложеніе.

пастораль, то есть великосвѣтскихъ дамъ и господъ, играющихъ въ пастушекъ и въ пастушковъ. Нарядный пастушекъ, обращаясь къ бѣлымъ барашкамъ съ голубыми ленточками на шейхъ, жалобно поетъ: «Паситесь, овечки. Зеленая мурава и журчащій ручеекъ доставятъ вамъ радость. Но если вы, невинныя крошки, желаете сохранить спокойствіе, берегитесь любви».

Затѣмъ слышится хоръ пастуховъ и пастушекъ на старинную музыку XVII вѣка Гранваля: «Да здравствуетъ весна! Она радуетъ сердца! Слава маю, мѣсяцу влюбленныхъ! Всюду въ кустахъ и на коврѣ изъ нѣжныхъ папоротниковъ видны влюбленные. И если пастушка восклицаетъ гдѣ нибудь въ орѣшникѣ «ахъ», то не потому что испугалась волка.

Манерный, жеманный стиль пасторалей быть очень хорошо выдержанъ. Въ этихъ балетахъ, съ пѣніемъ въ заключительной сценѣ появлялись всегда пастухи и пастушки, пейзаже и пейзажки, нимфы и зефиры, составлявшіе большой хоръ. Клавдія Дмитріевна придумала другой конецъ. Внезапно жеманная, слащавая музыка обрывается. Въ оркестрѣ раздаются грозные удары, нарастающіе все больше и больше. Отдѣльные грома сливаются въ сплошной гулъ. Пастушки и пейзаже разбѣгаются въ ужасъ. Заснувшій маркизъ видитъ, какъ, въ Трианонъ врывается шумная пестрая толпа, опьяненная побѣдой. Трианонъ сданъ въ аренду продавцу лимонада и превращенъ въ увеселительный садъ для народа. Гдѣ передъ грозой сладко ворковали пастушки и пастухи, нимфы и зефиры, — тамъ санкюлоты и буржуа, торговки и женщины среднихъ классовъ, комиссары правительства и генералы, парижане и провинціалы въ своихъ характерныхъ костюмахъ, взявшись за руки, пляшутъ Фарандоль. Ведущій хороводъ запѣваетъ слова новой пѣсни:

Объщать Monsieur Veto *)
Вѣрнымъ быть отечеству.
Но онъ об-ма-нулъ.
Нѣтъ по-ща-ды ни-ко-му.

*) Людовикъ XVI.

И всѣ остальные подхватываютъ припѣвъ, приглашающій всѣхъ плясать карманьолу подъ пушечный гулъ, вмѣсто музыки.

Этотъ фарандоль свидѣтельствовалъ о томъ, что французы отдѣльныхъ провинцій почувствовали, что у нихъ есть общая родина, которую надо отстоять отъ внѣшняго врага и устроить.

Альморъ Роджерсъ, плохо знавшій исторію французской революціи, усомнился было въ томъ, можно ли вывести въ Тріанонѣ толпу, состоящую не изъ однихъ санкюлотовъ въ красныхъ колпакахъ.

— Я точно слѣдую исторіи, — сказала Клавдія Дмитриевна. — Тріанонъ во время революціи отданъ былъ въ аренду нѣкоему Ланглуа, ип «limonadier», который устраивалъ тамъ народныя гулянья съ фейерверками. Фарандоль *Карманьола* плясали впервые въ Тріанонѣ, причемъ, дѣйствительно, въ общемъ хороводѣ принимали участіе, вмѣстѣ съ санкюлотами и рыбными торговками, буржуа, комиссары и революціонные генералы. Что касается участія въ фарандолѣ лицъ въ костюмахъ разныхъ провинцій, то я хотѣла отмѣнить историческій фактъ, въ особенности важный теперь, когда всѣ видятъ въ безконечномъ развѣтвленіи націонализма чуть ли не наступленіе золотого вѣка. Въ 1789 году половина всего населенія Франціи не только не говорила на томъ языкѣ, который принято называть французскимъ, но и не понимала этой рѣчи. По окраинамъ страны господствовали самостоятельные языки: на сѣверѣ бретонскій и фламандскій, на востокѣ — нѣмецкій, на югѣ провансальскій, испанскій и баскскій. Далѣе по всей поверхности Франціи распространены были многочисленные patois, до тридцати, если не ошибаюсь, иногда совершенно не похожіе на французскій языкъ, несмотря на тѣсную родственную связь въ филологическомъ отношеніи.

Слѣдуй французская революція тому положенію, которое выдвигается теперь какъ откровеніе, мы имѣли бы нынѣ тридцать или тридцать пять замкнутыхъ національностей. Французская революція создала, между тѣмъ, *одинъ* великій языкъ, языкъ Флобера,

Мюссэ и Виктора Гюго. Въ созданіи литературы на немъ принимали участіе провансалець Додэ, гасконецъ Ростанъ, бретонецъ Ренанъ, нормандецъ Гюи де Мопассанъ и др. Вотъ почему въ общемъ фарандолѣ участвуютъ у меня жители разныхъ областей.

Альморъ Роджерсъ съ восхищеніемъ любовался Лешко и совершенно искренно сказалъ, что *Видѣніе Маркиза* ему очень понравилось. Клавдія Дмитріевна была польщена.

— Вы заняты теперь? — спросила она.

— Нѣтъ, а что?

— Пойдемте ко мнѣ чай пить.

Беллетристъ съ радостью согласился.

III.

Въ уютной домашней обстановкѣ Клавдія Дмитріевна еще сильнѣе понравилась Альмору Роджерсу и еще больше волновала его. Ему казалось, что приглашеніе на чай послѣ совмѣстнаго пребыванія въ полутемной ложѣ несомнѣнно ужъ свидѣтельствуешь, что счастливыя вѣроятности на пробужденіе «вакханки» увеличиваются.

— Вашъ романъ *Облака* переведенъ на русскій языкъ и, повидимому, очень заинтересовать публику, начала Клавдія Дмитріевна, подавая гостю чашку чая. Альморъ Роджерсъ досталъ изъ жилетнаго кармана флакончикъ, отвинтилъ оловянную крышечку, высыпалъ на ладонь крошечную лепешечку сахара и бросилъ ее въ чай.

Онъ любилъ похвалу, какъ могутъ любить ее только беллетристы и актеры. То, что сообщила ему Лешко, было очень пріятно, но подобно всѣмъ беллетристамъ и актерамъ, онъ захотѣлъ пококетничать.

— Одинъ изъ героев Аріосто, — началъ Альморъ Роджерсъ, — отправляется на луну и посѣщаетъ тамъ долину fra due montagne stretto, гдѣ хранятся всѣ вещи потерянные на землѣ: красота женщинъ, слезы и вздохи влюбленныхъ, да пустые пузыри, представившіе собою нѣкогда Персидскую и Ассирійскую

имперіи. Самую большую однако кучу отбросовъ въ этой долинь представляють собою славь, уничтоженныя временемъ :

Molta fame è là sù ; che come tarlo,

Il tempo à lungo andar quà giù divoga.

Къ этой кучѣ несомнѣнно прибавится и моя слава на другой же день, когда умру.

Клавдія Дмитріевна хорошо знала, что мужчины любятъ кокетничать еще больше, чѣмъ женщины. Женщины кокетничаютъ красотою, а мужчины извѣстностью, если думаютъ, что она у нихъ есть. Клавдія Дмитріевна знала эту черту, сильно не любила ее и поэтому перемѣнила предметъ разговора.

— Вы скоро собираетесь въ новое путешествіе ?

— Куда же ѣхать, когда весь міръ охваченъ пожаромъ ? — развелъ руками Альморъ Роджерсъ.

— Да вамъ трудно вообще выбрать мѣсто : вы извѣздили весь свѣтъ. Читая ваши очерки *Въ пути*, мнѣ все казалось, что вы испытываете порывъ къ творчеству, какъ только берегъ Англіи остается за кормой корабля.

— Ну не скажу, чтобы такой порывъ у меня былъ, когда лежу въ каютѣ во время сильной качки. Буря, конечно, очень красива, если наблюдать ее съ берега.

Беллетристъ остановился, затѣмъ глаза его засверкали, такъ какъ въ воображеніи блеснулъ яркій образъ.

— Нѣкто неземной задумалъ изобразить словами тайну мірозданія, — продолжалъ романистъ, растягивая слова. — И когда рукопись достигла такихъ размѣровъ, что хранилищемъ ея не могла бы служить даже Мамонтова пещера, Нѣкто неземной убѣдился, что всѣ слова блѣдны. Тогда онъ разорвалъ рукопись, а клочки бросилъ въ море.

— Пусть оно своими волнами и неумолчнымъ плескомъ повѣдуетъ тайну мірозданія, — сказали Нѣкто неземной. — И теперь, когда волны, набѣгающія во время бури на прибрежныя скалы, взаправду повѣряютъ землѣ извѣчную тайну, клочки разорванной рукописи плывутъ на гребняхъ валовъ. Про все это хорошо думать, когда стоишь во время бури на бе-

регу. Совсѣмъ другое, когда валяешься тогда въ каютѣ въ приступахъ морской болѣзни. Графинъ скачетъ въ лункѣ, какъ рѣзвый дельфинъ. Онъ звенить все время, будто подпѣваетъ волнамъ, ударяющимъ въ бортъ парохода. Хорошо графину: онъ не знаетъ, что такое морская болѣзнь! Чемоданъ выхалъ на середину каюты и кажется желтой скалой, на которой, какъ пингвины или какъ лодки, выброшенные бурей, стоятъ сапоги. Какъ они забрались туда? Каждый гвоздь въ каютѣ издаетъ свой стонъ; каждая доска — свой трескъ, а каждый размахъ корабля — имѣетъ свой откликъ на нервахъ.

— Хорошо было бы удержать все это въ памяти, — подумалъ Альморъ Роджерсъ. —

Будь это удобно, онъ сдѣлалъ бы отмѣтку въ записной книжкѣ.

— Хорошо, конечно, подѣзжать на пароходъ къ странѣ, которую не знаешь еще, — продолжалъ Альморъ Роджерсъ. — Помню городъ розовыхъ стѣнъ, какъ я называлъ Аяціо. Пароходъ прибылъ на зарѣ. Свѣтъ маяка пробѣгалъ по розовой стѣнѣ. И казалось, что это рой духовъ улетаетъ въ горы послѣ ночнаго сборища.

Когда пароходъ подошелъ ближе, то въ таинственной розовой стѣнѣ я усмотрѣлъ желѣзныя рѣшетки. То была Корсиканская центральная каторжная тюрьма. Разсвѣло. За долиной, гдѣ лежитъ городъ, находится цѣпь горъ, тянущаяся, кажется, до безконечности. А черезъ эту цѣпь, какъ дѣти черезъ заборъ, глядятъ въ долину отдѣльные пики. Вотъ надъ горами показалось слабое сіяніе, затѣмъ надъ всей цѣпью горъ сверкнула огненная полоса. Сперва она была розовая, потомъ малиновая, потомъ стала золотой. Полоса все ширилась. Казалось, что тамъ, за цѣпью горъ, лежитъ вулканъ, кратеръ котораго наполненъ растопленнымъ золотомъ. Лава поднималась въ кратерѣ, наполнила его до краевъ, затѣмъ хлынула въ долину, когда надъ гребнемъ горъ показалось солнце. Потокъ свѣта наполнилъ долину, вытѣснивъ синія ночныя тѣни. Черный лѣсъ сталъ зеленымъ. Бухта заалѣлась... Хорошо

было подплывать къ берегу. Но когда стало совсѣмъ свѣтло, выяснилось также, что мы не въ царствѣ таинственныхъ существъ. На берегу стояли черно-волосые, приземистые люди въ котелкахъ и въ бѣлыхъ пиджакахъ. Эти люди отчаянно размахивали руками и переругивались съ помощникомъ капитана изъ за какихъ то ящиковъ.

Клавдія Дмитріевна слушала въ задумчивости.

— Гдѣ вы были передъ самой войной? — спросила молодая дѣвушка.

— Въ Галисіи. Тамъ населеніе составляетъ такое гармоническое цѣлое съ природой! Крестьянинъ подъ Артеихо, у котораго я жилъ, увѣрялъ меня, что бѣлена и мандрагора поють ночью, а желѣзнякъ мѣняетъ свой цвѣтъ въ зависимости отъ того, приближается ли къ нему счастливый или несчастный* человѣкъ. Еще болѣе таинственныя свойства имѣють *flog del agua* и *flog de aige*, хотя крестьянинъ никакъ не могъ мнѣ объяснить, что это за цвѣты. Рыбакъ, отправляющійся на ловлю, бросаетъ тамъ въ море кусокъ маисовой лепешки, чтобы умиловить воду. Старуха по сосѣдству сообщила мнѣ, что наиболѣе вѣрный талисманъ, который можетъ приворожить самую суровую красавицу, готовится такъ. Надо повѣсить сорочку на кустъ терновника, подъ которымъ водятся гадюки. Жалко, что я тогда не запасся талисманомъ, — прибавилъ беллетристъ, загадочно взглянувъ на Клавдію Дмитріевну.

Вмѣстѣ съ хозяиномъ мы отправились на поклоненіе Санъ-Андресъ де Теихидо. Этотъ монастырь надо посѣтить хоть разъ въ жизни, — говорятъ галисійскіе крестьяне. Паломники идутъ ночью, одѣтые въ саваны. По дорогѣ, Боже сохрани, убить ящерицу, змѣю или ласку. Это идутъ на богомолье души тѣхъ, которые при жизни не успѣли помолиться въ монастырѣ Санъ-Андресъ де Теихидо.

Альморъ Роджерсъ, какъ опытный беллетристъ, умѣлъ выбирать характерные мазки для каждой страны.

IV

— Вы очень любите востокъ, не такъ ли? Во всякомъ случаѣ, такъ можно заключить по вашему роману *У высохшаго Уэда*, — сказала Клавдія Дмитріевна.

— Востокъ? Но я наблюдать его на крайнемъ западѣ. Я хочу сказать: въ Марокко. Кольриджъ писать когда то, что самымъ характернымъ признакомъ востока являются семьдесятъ двѣ вони, *seventy two stenches*, изъ которыхъ каждая совершенно особая. Марокко, хотя лежитъ на крайнемъ западѣ, представляетъ собою идеальный востокъ, потому, что неотъемлемо принадлежащихъ ему воней тамъ вдвое больше, чѣмъ опредѣлилъ Кольриджъ. Я былъ въ Марокко нѣсколько разъ, притомъ задолго до прибытія туда французовъ. Я жилъ въ Ларачѣ, когда однажды вечеромъ получилось извѣстіе, что на другой день должны вступить въ городъ *Аиссава*, т. е. одно изъ самыхъ главныхъ религіозныхъ братствъ въ Марокко, основанное святымъ Сиди Магометомъ бенъ-Аисса. Обряды сектантовъ, производящіеся все-народно, состоятъ изъ священныхъ плясокъ и прыжковъ, сопровождаемыхъ воємъ. И по мѣрѣ того, какъ сектанты пляшутъ, они приходятъ въ такую ярость, что грызутъ дерево и желѣзо, жгутъ тѣло каленымъ желѣзомъ и углями, наносятъ себѣ удары ножами, глотаютъ грязь и камни, разрываютъ живыхъ барановъ и пожираютъ сырое, дымящееся мясо. Затѣмъ Аиссавиты падаютъ безъ чувствъ на землю. Если бы человечество искало счастья съ тѣмъ же пыломъ, съ какимъ оно ищетъ иногда страданіе, - - на землѣ давно уже установился бы рай. Только «Бѣсноватые» Рубенса, «Оживающій мертвецъ» Гои да разсказы Поэ о гальванизируемомъ трупѣ могутъ дать нѣкоторое представленіе о священныхъ пляскахъ. Слышатся стоны, визги, вой, рыданія. Длинные чубы сектантовъ разметались и похожи на черныхъ змѣй. Одни сектанты бѣгутъ по кругу, другіе качаются какъ пьяные. Иные стоятъ неподвижно, какъ въ столбнякѣ, и только руки у нихъ быстро вертятся, какъ крылья

мельницы. Падающихъ подхватываютъ, подъ руки, отводятъ въ сторону и укладываютъ на землю, прямо въ навозъ и въ жижу. Старикъ съ длинной бородой взвизгиваетъ и, наклонивъ голову, бѣжитъ къ стѣнѣ, чтобы разможить черепъ. Старика хватаютъ во время. Тутъ бедуины, берберы, негры. Тутъ ожившія муміи, джины, гули, карлы, гиганты, сатиры, канибалы. Тутъ лица святыхъ, хищныхъ птицъ, индійскихъ идоловъ, фурий, фавновъ, діаволовъ. Вотъ двѣ старухи, кажущіяся скелетами, выползшими изъ могилы. Пасмы сѣдыхъ, сбившихся волосъ падаютъ на красные, воспаленные глаза. На тонкихъ, синихъ губахъ клубится пѣна. Вѣдмы пронзительно воютъ, какъ бы проклиная весь дольний міръ.

Въ красивыхъ карихъ глазахъ Клавдіи Дмитріевны и на аломъ ртѣ выразилось отвращеніе.

— Я теперь понимаю, почему вашъ романъ *У выскошаго Уэда* производитъ такое сильное впечатлѣніе. Расскажите, пожалуйста, о чемъ нибудь менѣе страшномъ.

— Опять про страну «семидесяти двухъ воней?»

— Да.

— Хотите, чтобы я вамъ описалъ невольничій рынокъ?

— Пожалуйста.

— Я впервые былъ въ Фецѣ двадцать лѣтъ назадъ, когда невольники представляли собою еще главный предметъ торговли Марокко съ Суданомъ. Марокко, а, въ частности, Фецъ служили тогда великимъ рынкомъ для продажи людей. Въ Коранѣ говорится такъ.

«Что касается твоихъ рабовъ, то корми ихъ тѣмъ же, что ты ѣшь самъ; одѣвай ихъ въ платье изъ той же ткани, которую носишь ты. И если рабы совершаютъ проступокъ, который ты не можешь простить, продай ихъ, ибо они слуги Аллаха, и ихъ нельзя поэтому пытать». Я вамъ изображу невольничій рынокъ, какимъ видѣлъ его двадцать лѣтъ назадъ въ Фецѣ. При открытіи торга аукціонеръ или «дилалъ», возглашаетъ:

— Внемлите, торговцы и вы, покупатели! О, вла-

дѣльцы богатствъ! Граждане и жители пустыни! Вы здѣсь присутствующіе, назначайте цѣну. Пусть не стыдится тотъ, кто открываетъ торгъ! Оцѣните товаръ и говорите! Аллахъ всемогущъ и всевѣдущъ! Откройте торгъ.

Дилалы затѣмъ выстраиваютъ свои товары, опрашиваютъ у невольниковъ платье, поручаютъ взрослымъ рабамъ заботу о дѣтяхъ, раздѣляютъ мужчинъ и женщинъ по возрасту и по стоимости. Покупатели сидятъ кольцомъ на рынкѣ, а рабы ходятъ мимо ихъ. Впереди выступаютъ дилалы, выкликая цѣны и надбавки. Аукціонеры останавливаются передъ покупателями, предлагая имъ внимательно осмотрѣть товаръ и убѣдиться въ добротности его. Въ вереницѣ невольниковъ есть мужчины и женщины до того старые, что только ужъ ковыляютъ. Тутъ есть люди средняго возраста, у которыхъ впереди еще много лѣтъ рабства. Есть юноши, полные силъ, пригодные для полевыхъ работъ и молодые дѣвушки, стройныя и красивыя, пригодныя для гарема даже паши. Есть также дѣти всѣхъ возрастовъ, отъ грудныхъ младенцевъ, которыхъ продаютъ вмѣстѣ съ матерями, до дѣвочекъ и мальчиковъ, стоящихъ на порогѣ зрѣлости.

Всѣ одѣты въ платья яркихъ цвѣтовъ, чтобы соблазнить покупателей и заставить ихъ шире раскрыть кошельки.

Стоявшій рядомъ со мною красивый арабъ въ синемъ шелковомъ бурнусѣ сказалъ что-то, улыбаясь.

— Торгъ будетъ чудесный, — перевелъ мой проводникъ.

Большинство невольниковъ не проявляетъ волненія. Они идутъ по кругу съ спокойствіемъ слѣпыхъ лошадей, вертящихъ колесо водочерпальной машины. Только очень немногія женщины вздрагиваютъ, когда покупатель съ злымъ лицомъ выбираетъ ихъ, какъ овецъ изъ стада, осматриваетъ зубы, щупаетъ скулы и подвергаетъ дилала настойчивому допросу о здоровіи товара.

Продавецъ толкаетъ къ покупателю маленькую дѣвочку. Она цѣлуетъ руку своему возможному хозяину

и стоит затѣмъ неподвижно. Арабъ внимательно осматриваетъ малютку, а аукціонеръ восхваляетъ ея достоинства.

— Она не городская, а родилась въ Тимбукту! выкликаетъ *дилалъ*. — Лучшей дѣвочки еще не было. Она умѣетъ шить и будетъ со временемъ улаживать тебя.

Тридцать пять *дурсъ*, только тридцать пять!

Сколько это? — спросила Клавдія Дмитріевна, внимательно слушавшая рассказчика и не сводившая съ него глазъ. Она видѣла, что беллетриста интересуютъ только яркія краски картины, рисуемой имъ, а не содержаніе ея.

— Дурсъ это множественное число отъ дура, испанской монеты, стоимостью въ долларъ, или въ пять франковъ, — объяснилъ Альморъ Роджерсъ.

Надбавляю одинъ долларъ, — начинаетъ покупатель. — Я не хочу сказать ничего дурного про дѣвочку, но она мала и худа. И тѣмъ не менѣе даю еще *дуро*.

Хвала Аллаху сотворившему міръ! — восклицаетъ аукціонеръ. — Дѣвочка стоитъ теперь тридцать шесть дурсъ, кто больше?

Дѣвочку купили за сорокъ чetyре дурсъ. Четырнадцатилѣтнюю дѣвочку продали за девяносто дурсъ, а очень хорошенькую шестнадцатилѣтнюю — за семьдесятъ дурсъ.

Невольники вертятся по кругу мимо покупателей. Чѣмъ ближе къ закату, тѣмъ большую усталость проявляютъ они. Остаются наконецъ только дряхлые старики и сморщенные старухи, которыхъ никто не беретъ.

Дѣвушекъ продаютъ съ ручательствомъ. Если онѣ не отвѣчаютъ тому, за что продавецъ выдастъ ихъ, покупка возвращается хозяину, который долженъ отдать деньги.

Беллетристъ засмѣялся. Клавдія Дмитріевна взглянула на него вопросительно.

— Эти восточные люди обладаютъ особымъ чувствомъ юмора, не смотря на всю свою величавость,

— началъ Альморъ Роджерсъ. — Я вспомнилъ маленькое происшествіе, случившееся почти у меня на глазахъ. Султанъ Муллэй Гассанъ узнать, что визирь сильно разбогатѣлъ. Толстосума вызываютъ во дворецъ, гдѣ принимаютъ съ почестями и угощаютъ чаемъ съ мятой. Визирь чрезвычайно польщенъ и похваляется:

— У меня столько то домовъ, столько то женъ, а рабовъ столько то.

— Ты слишкомъ богатъ и чрезмѣрно много думаешь о себѣ, — крикнуть султанъ.

Чтобы показать визирю, какова его настоящая цѣна, Муллэй Гассанъ велѣлъ схватить богача и отправить на невольничій рынокъ. Визирь былъ старъ, толстъ и немощенъ. Никто не захотѣлъ купить такого раба. Наконецъ кто то предложилъ песету, одинъ франкъ. Тогда визиря повели обратно къ султану.

— Теперь ты знаешь, какова твоя настоящая цѣна, — сказать Муллэй Гассанъ. Ты величаешься значеніемъ, а стоишь весь песету. Ступай и обдумай это.

Когда визирь возвратился домой, то нашелъ, что султанъ забралъ все имущество. Мароккскому Крезу оставили одну жену, одного коня и одного раба.

V.

А восточныя женщины вамъ нравятся? — лукаво спросила Клавдія Дмитріевна.

— Нѣтъ. Онѣ разсчитаны на примитивные вкусы жителей пустыни, точно также, какъ ихъ національное блюдо *кусъ-кусъ*.

Альморъ Роджерсъ помолчалъ, затѣмъ полузакрывъ глаза и придать лицу мечтательное выраженіе.

— Женщины, для которыхъ стоитъ жить, есть только въ вашей странѣ, миссъ Лешко. Онѣ не только физически обаятельны, но еще утонченно умны. Только онѣ, наконецъ, имѣютъ смѣлость и дерзаніе. Когда ихъ захватываетъ страсть, онѣ безстрашны какъ тигрицы. Онѣ подчиняются всецѣло чувству и слѣдуютъ его повелѣнію. Русская дѣвушка, когда увле-

чена, думаетъ только о своей любви, о настоящемъ моментѣ, а не о будущемъ.

— День мой, вѣкъ мой, — говоритъ она. И какіе разительные примѣры смѣлости русской дѣвушки приводитъ ваша литература! Графиня Наташа Ростова готова бѣжать съ Анатолемъ Курагинымъ. Елена приходитъ къ Инсарову и говоритъ ему: «Такъ возьми жъ меня». Оригинальная, умная, смѣлая княжна Зинаида Засѣкина полюбила пожилого, женатаго человѣка и отдалась ему. Ася шепчетъ Н. Н.: «ваша». Герой менѣе смѣлъ, чѣмъ дѣвушка и поэтому лишаетъ счастья и ее, и себя. Талантливая, гордая Вѣра отдается Марку Волохову, хотя онъ предупреждаетъ ее: «безсрочной любви не обѣщаю, потому что не вѣрю ей, и не требую ее и отъ васъ, вѣнчаться съ вами не пойду». Лиза Дроздова смѣло, на глазахъ у всѣхъ, уѣзжаетъ къ Ставрогину. На другой день ее ждетъ смерть, но зато Лиза испытала нѣсколько часовъ безумнаго блаженства. «Я прожила мой часъ на свѣтѣ и довольно», — говоритъ она утромъ Ставрогину.

Въ разсказѣ Чехова, *Моя Жизнь*, Клеопатра Полознева отдается доктору Благово и только тогда сознаетъ, что до тѣхъ поръ лишь прозябала и что въ домѣ отца она была такою же рабыней, какъ марокканки, которыхъ я видѣлъ на невольничьемъ рынкѣ въ Фецѣ. Клеопатра потомъ несчастна, но ея жизнь всетаки озарена ослѣпительнымъ моментомъ. У того же Чехова, въ другомъ разсказѣ, красивая, богатая дѣвушка, какжется, Вѣра по имени, предлагаетъ свою любовь статистику Огневу, столь же мало интересному, какъ почти всѣ мужчины, выведенные въ русской литературѣ. Кстати. Неужели всѣ они такъ же нескромны и такъ же spontanément сообщаютъ первому встрѣчному про свою любовь, съ самыми интимными подробностями, какъ Шамохинъ въ чеховскомъ разсказѣ *Ариадна*?

У Огнева не хватаетъ смѣлости взять предложенное ему счастье, хотя самъ же до того момента признается Вѣрочкѣ: «Во всю жизнь ни одной романической исторіи, такъ что съ рандеву, съ аллеями вздоховъ и

поцѣлуями, я знакомъ только по наслышкѣ». Огневъ самъ сознается, что это ненормально. Огневъ потомъ всю жизнь вспоминаетъ, какъ оттолкнулъ отъ себя счастье.

Въ удивительномъ разсказѣ *На Пути*, — Чехова же, молодая, красивая, богатая дѣвушка Иловайская, встрѣчаетъ подѣ Рождество въ трактирѣ, куда ее загнала мятель, пожилого, некрасиваго, разорившагося чудака Лихарева. Они пробесѣдовали нѣсколько часовъ. На утро барышня уѣзжаетъ. Но если бы они пробыли вмѣстѣ еще день, дѣвушка пошла бы за Лихаревымъ, не спрашивая, не разсуждая.

У Арцыбашева дѣвушки любятъ и смѣло отдаются, не думая о томъ, что завтра можетъ наступить охлажденіе. Героини — только въ Россіи. Лишь въ вашей странѣ существуютъ дѣйствительно свободныя дѣвушки.

Наступило молчаніе.

Съ тѣхъ поръ, какъ люди воюють, они неусыпно придумываютъ ратныя уловки, чтобы лучше разбить непріятеля. И такъ какъ умный врагъ пользуется опытомъ, то первобытныя военныя хитрости, — какъ притворное бѣгство, напримѣръ, — приходится постоянно замѣнять новыми, болѣе остроумными.

Когда мужчина перестать брать женщину ударомъ дубины по головѣ или умыканіемъ у воды, онъ придумалъ для овладѣнія ею ратныя уловки. И тутъ народы всѣхъ странъ проявили ужасно мало изобрѣтательности. Военныя хитрости для овладѣнія женщиной совершенно первобытны: раздуваніе чувственности или, точнѣе, полового любопытства, пробужденіе состраданія, лесть. Только наивный, молоденькій дичокъ, не видавшій никогда мужчинъ, можетъ быть обманутъ такими маневрами. Умная, независимая, наблюдательная дѣвушка по опыту знаетъ всѣ стратегическіе приемы мужчинъ наизусть. Ей, напримѣръ, доподлинно вѣдомо, что означаетъ, когда мужчина начинаетъ дышать усиленно, когда онъ пускаетъ tremolo въ голосѣ, становится сентиментальнымъ или

когда онъ начнетъ говорить о красотѣ всезахватывающаго чувства. Она можетъ сказать, что мужчины ужасно не изобрѣтательны и всё повторяются. Привлекательная, умная и наблюдательная дѣвушка могла бы составить даже списокъ (очень коротенькій) тѣхъ словъ, которыя всё мужчины бормочутъ въ подобныхъ случаяхъ. Наблюдательныхъ дѣвушекъ удивляетъ только и смѣшить предположеніе мужчины, что наивная хитрость никому неизвѣстна.

Клавдія Дмитріевна думала именно это, когда Альморъ Роджерсъ приводилъ примѣры изъ русской литературы. Самъ беллетристъ иначе объяснялъ себѣ молчаніе Лешко, полураскрытые красивые глаза и чуть чуть замѣтную улыбку въ уголкахъ рта. Альморъ Роджерсъ видѣлъ передъ собою образъ изъ сказки, которую когда то написалъ. На высокой горѣ стоитъ замокъ. Отъ него до берега, круто падающаго обрывомъ въ море, ведетъ дорожка. Подъ обрывомъ въ волнахъ поетъ сирена съ горящими глазами, которой имя страсть. Принцесса Гвендолина, живущая въ замкѣ, медленно спускается по дорожкѣ къ обрыву. Принцесса твердо рѣшила, что не бросится въ волны по зову сирены, но Гвендолинѣ хочется только посмотреть издалека на искусительницу и послушать изъ безопаснаго мѣста ея пѣнье.

— Правда ли, что напѣвъ волнуетъ кровь? — думаетъ принцесса. — Дѣйствительно ли сирена сулитъ блаженство, которому нѣтъ равнаго?

Гвендолина медленно спускается подъ гору, оставаясь у самаго обрыва, но для безопасности прижалась спиной къ морской соснѣ, охватившей рыжими корнями крутую скалу, подъ которой плещутъ волны.

Пѣнье сирены разливаетъ сладкую истому по всему тѣлу. Отъ словъ пѣсни сильно бьется сердце. Уплываетъ, какъ облачко гонимое вѣтромъ, страхъ. Чтобы слышнѣ были слова пѣсни, принцесса слегка нагнулась. Легкое прикосновеніе крыла проказливаго эльфа достаточно, чтобы Гвендолина бросилась въ море.

И Альморъ Роджерсъ, вспомнивъ свою сказку, попробоваль повторить продѣлку эльфа.

— Который часъ, my dear Miss Leshko? — спросилъ беллетристъ. Онъ счелъ надобнымъ пустить дрожь въ голосъ.

И будто, чтобы взглянуть на часы въ браслеткѣ, Альморъ Роджерсъ взялъ руку Клавдіи Дмитріевны, крѣпко сжалъ и удержалъ нѣсколько секундъ.

Дѣвушка собиралась освободить руку, но не успѣла,

— Радость моя! Мое счастье! Я люблю васъ! — забормоталъ беллетристъ, прижимая къ себѣ свободной рукой дѣвушку. Онъ вытянулъ губы, но дѣвушка отбросила голову, и поцѣлуй пришелся по одному изъ махровъ, начесанныхъ на нѣжныя щеки Клавдіи Дмитріевны.

Дѣвушка довольно сильно оттолкнула беллетриста. Щеки ея чуть чуть сильнѣе заалѣлись.

— Русскій такъ никогда не поступилъ бы! — сухо начала Клавдія Дмитріевна послѣ короткаго неловкаго молчанія. — Онъ никогда не подумалъ бы, что приглашеніе со стороны дѣвушки въ гости, означаетъ поощреніе... къ штурму. Когда французъ не понимаетъ простыхъ отношеній между женщиной и мужчиной, то это не удивительно. Меня поражаетъ, что *англичанинъ*, умѣющій держать себя корректно съ своими соотечественниками, иначе обращается съ нами, иностранками. По отношенію къ намъ англичане думаютъ... «все дозволено!»

Альморъ Роджерсъ былъ такъ смущенъ, что даже забылъ извиниться. — Is it not a nice weather? — началъ онъ. И этотъ вопросъ всѣхъ англичанъ, не знающихъ о чемъ говорить, свидѣтельствовать лучше всего, какъ велико смущеніе беллетриста. Сообразивъ, что метеорологическія замѣчанія, хотя бы и совершенно правильныя, не спасутъ положенія, Альморъ Роджерсъ взялъ шляпу и откланялся. Когда Альморъ Роджерсъ ушелъ, Клавдія Дмитріевна нѣсколько разъ прошла по комнатѣ, затѣмъ машинально раскрыла томъ Пушкина, лежавшій на столѣ и расхохоталась. Глаза ея упали на стихи:

«И гнѣва гордаго полна
(А впрочемъ можетъ быть и страха)
Она Тарквинію съ размаха
Даетъ пощечину».

Графъ Нулинъ въ новой обстановкѣ, --- мелькнуло
у ней въ головѣ. И Клавдія Дмитріевна продолжала
хохотать.

VI.

Когда по дорогѣ курилась пыль.

I.

Гарь получилъ отъ Лидіи Васильевны записку.

«Милый Егоръ Лукичъ! — писала Грабовская. — Если вы завтра свободны, приѣзжайте утромъ, въ одиннадцать, ко мнѣ. Солнце свѣтитъ такъ ослѣпительно, что тянетъ за городъ. Къ тому же на почтѣ перестали принимать письма въ Россію, такъ что у меня *chômage*: срочныя статьи для меня перестали существовать. Если Вы найдете возможнымъ приѣхать, мы отправимся на цѣлый день куда нибудь на Темзу».

Въ запискѣ этой, конечно, не было ничего необыкновеннаго, но она показалась Егору Лукичу ужасно милой. Каждое слово приняло для него особое значеніе, кромѣ обычнаго. И это значеніе было хорошее и ласковое.

Гарь и Грабовская видѣлись уже нѣсколько разъ послѣ встрѣчи на докладѣ Фаррингдона. Лидія Васильевна все больше нравилась Гару. Между ними какъ то сразу установилась хорошая близость, которая въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной является такимъ же признакомъ, какъ зарецвѣтныя лучи въ іюльское утро, когда съ лица ночи сползла ужь мгла, и ночныя тѣни жмутся только еще подъ деревьями. Эти первые зеленоватые лучи превращаютъ въ чистое золото высокія перистыя облачка, пред-

вѣщая погожій день и, по всей вѣроятности, знойный полдень.

Когда то Гара занимать вопросъ, какъ средніе люди жили во время великихъ историческихъ катастрофъ? Какъ шла повседневная жизнь въ городахъ, когда рушилась Римская имперія, когда надвигались сарацины или когда гражданинъ Шнейдеръ разѣзжалъ по Эльзасу съ гильотиной? На этотъ вопросъ Егоръ Лукичъ могъ получить отвѣтъ въ то утро, когда онъ шель къ Лидіи Васильевнѣ. Британской имперіи угрожала опасность неизмѣримо болѣе страшная, чѣмъ та, которая ждала Англію, когда Испанія снаряжала великую армаду. Въ пяти часахъ пути отъ Лондона шло безпримѣрное въ исторіи народовъ побоище. Нѣсколько милліоновъ людей истребляли другъ друга. Тысячи молодыхъ жизней погибали ежечасно. Газеты сообщали, какъ о совершившемся фактѣ, о томъ, что вчера лишь было созданіемъ фантазіи романтистовъ: нѣмцы обстрѣливали Парижъ изъ пушки, помѣщенной на разстояніи ста двадцати километровъ. Если правъ Наполеонъ, пустившій въ обращеніе афоризмъ: «Le progrès de l'artillerie est le progrès de la civilisation», то надо допустить, что именно въ то утро, когда прилетѣвшій въ Парижъ неизвѣстно откуда снарядъ убить въ церкви семьдесятъ пять человѣкъ, цивилизація достигла высшаго развитія. Эта таинственная пушка, убивающая на разстояніи ста двадцати километровъ, заставляла среднихъ людей вѣрить во все.

Кто знаетъ? — задумчиво говорили они: — можетъ быть и правда, что у непріятеля имѣются новые подводные корабли въ семь или даже въ восемь тысячъ тоннъ. А если это правда, то, быть можетъ, мы въ одно утро проснемся, окруженные непріятелемъ.

Бой, продолжавшійся безустанно въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Лондона, не зналъ еще себѣ равнаго. Послѣ полуночи, когда гомонъ громаднаго города замиралъ, обитатели коттеджей на окраинахъ столицы слышали глухой вой. То пушки на фронтѣ выражали свою алчбу по человѣчинѣ. Женщины, имѣвшія тамъ во Франціи сыновей, мужей, братьевъ и возлюблен-

ныхъ, днемъ наполняли церкви. Среди молящихся были многіе, никогда раньше не посѣщавшіе храмовъ, такъ какъ уже давно усомнились въ вѣрѣ отцовъ. И тѣмъ не менѣе они со слезами на глазахъ шептали теперь молитвы.

Такимъ же образомъ когда то, въ дни великой опасности, наполнились храмы Всеблагаго, Всесильнаго Юпитера Разителя (Feretrius) и Царицы Небесной Діаны, власть которыхъ загодя была подточена сомнѣніемъ. Молящіеся, трепетавшіе за жизнь близкихъ людей во Франціи, думали, какъ и тѣ, которые толпились въ храмъ Діаны, когда подъ стѣнами стояли варвары: «Если небеса пусты, мы вѣдь никого не оскорбимъ нашей молитвой. Если же тамъ есть кто нибудь, онъ услышитъ мольбы и сжалится надъ нами».

И опустѣвъ съ великой трагедіей, жизнь отдѣльныхъ лицъ струилась, какъ и раньше, тоненькими ручейками. При заревѣ мірового пожара, какъ и въ обычное время, милліоны людей жили своими маленькими заботами и крошечными радостями, казавшимися имъ ослѣпительными.

Лидія Васильевна вышла къ Гару розовая, свѣжая, съ сіяющими глазами, въ сѣренькомъ, клѣтчатомъ суконномъ платьѣ и въ бѣлой блузкѣ, застегнутой булавкой съ нѣсколькими жемчужинами въ рядъ.

— *Las perlas a la perla*, — жемчужинѣ жемчугъ, — вспомнился вдругъ Егору Лукичу девизъ на застѣжкѣ, которую пріятель испанецъ поднесъ своей возлюбленной.

И въ этомъ сѣренькомъ платьѣ, правда, очень изящномъ, но крайне простомъ, и въ этой скромной брошкѣ не было, конечно, ничего необыкновеннаго; но Егору Лукичу казалось, будто онъ никогда раньше не видалъ, болѣе очаровательнаго женскаго наряда. Чтобы дойти до станціи подземной электрической дороги, предстояло миновать площадь съ громадной колонной на ней. Бронзовый человѣкъ на вершинѣ колонны и выпуклыя изваянія на бокахъ мощнаго подстоя ея говорили о томъ, что Англіи не впервые грозитъ великая опасность. Правда, прежнія напасти

не сулили гибели всей имперіи, какъ та бѣда, объ устраненіи которой молились въ церквахъ въ утро, когда Гару было такъ хорошо.

Площадь оказалась запруженной громадной толпой, смотрѣвшей на тянущуюся процессію.

Въ срединѣ ся катился влекомый парой вороныхъ лошадей огромный возъ, высоко нагруженный сдавленнымъ подъ жомомъ сѣномъ, похожимъ на каменные глыбы для сооруженія волнорѣза. На лошадяхъ, верхомъ, по мужски, сидѣли двѣ молодя, краснощекія дѣвушки въ широкополыхъ шляпахъ съ пучками живыхъ цвѣтовъ, въ длинныхъ рубахахъ, перехваченныхъ широкими кушаками, въ порткахъ до колѣнъ и въ высокихъ коричневыхъ гетрахъ съ пуговками. Воротники блузъ были щеголевато повязаны цвѣтными мужскими галстуками.

Впереди воза и позади его стройными рядами шли дѣвушки, одѣтыя такъ же, какъ и тѣ, которыя сидѣли на лошадяхъ. Многія были очень миловидны; такую красоту можно встрѣтить только въ Англіи: чудесное сложеніе, правильныя овальныя лица, прекрасныя волосы и великолѣпные глаза. Лица у всѣхъ были съ загаромъ, а румянецъ — во всю щеку. Дѣвушки дѣлились на отряды. Каждый носилъ свой значекъ или свое знамя. Шли громадищицы съ граблями на плечахъ. Слѣдовать отрядъ, на знамени котораго изображенъ былъ плугъ съ механическимъ двигателемъ. Дальше шагали молочницы съ коромыслами и оловянными жбанами, а за ними дѣвушки — дровосѣки съ громадными пилами, дрожавшими и сверкавшими на солнцѣ, какъ бѣлуги, только что выброшенныя изъ невода.

Въ толпѣ, стоявшей на тротуарѣ, раздалися смѣхъ и рукоплесканья. Показался новый отрядъ, слѣдовавшій за знаменемъ съ надписью: «Необходимо кормить Англію». У дѣвушекъ на ремняхъ, накинутахъ на шею, висѣли лукошки. Изъ одного кузовка, склонивъ голову на бокъ, съ любопытствомъ выглядывала утка съ такою надписью на шеѣ: «Я снесла уже тридцать одно яйцо въ тридцать четыре дня». Изъ

другихъ коробковъ высывали головы куры, кролики и поросята. Одна румяная, веселая дѣвушка на ходу кормила изъ бутылки съ соской ягненка, лежавшаго въ лукошкѣ.

Въ головѣ процессіи шли двѣ дѣвушки съ громадною бѣлою хоругвью, на которой значилось: «Дѣвушки! Идите на полевые работы! Поступайте въ земледѣльческую армію. Намъ необходимы еще тридцать тысячъ волонтеровъ».

Процессія остановилась у подножія громадной колонны. На ступени подстоя взобралась краснощекая дѣвушка въ блузѣ, въ короткихъ порткахъ и въ высокихъ гетрахъ.

— Городскія дѣвушки, конторщицы, продавщицы, кассирши, горничныя! — записывайтесь въ земледѣльческую армію, — начала она. — Спасайте родину и одновременно идите на встрѣчу новой, здоровой, красивой жизни. Взгляните! среди насъ нѣтъ ни одной блѣдной, а между тѣмъ, едва ли не все мы были городскими заморышами лишь годъ назадъ. Въ земледѣльческой арміи не найти дѣвушекъ, которымъ постыла работа, порой тяжелая. Мы счастливы. Мы сознаемъ, что творимъ совершенно необходимое для спасенія страны. Наша работа подчасъ трудна, но всегда увлекательна. Земледѣльческая армія объединила дѣвушекъ всѣхъ классовъ, всѣхъ состояній. «Dukes daughters and cooks daughters are wanted»^{*)}. На имперіалахъ остановившихся автобусовъ молодые кондукторши, въ форменныхъ шинеляхъ, съ заломленными шапками на кудряхъ, задумчиво слушали оратора, ѣдя шоколадъ и мятныя лепешки. Внимательно слушали также дѣвушки, одѣтыя по городскому. Онѣ думали о новыхъ путяхъ къ независимой жизни, открывшихся передъ ними.

— Передъ пріѣздомъ въ Лондонъ, мнѣ пришлось два мѣсяца прожить въ Парижѣ, — началъ Гаръ, внимательно прислушивавшійся къ рѣчамъ. — Чтобы не быть въ гостинницѣ, я поселился въ предмѣстьѣ,

^{*)} Мы привѣтствуемъ дочерей герцоговъ и дочерей кухарокъ.

въ Везинэ, въ семьѣ французскаго приказчика, жившаго въ собственномъ домикѣ. Каждое утро, съ поѣздомъ въ двадцать минутъ седьмого, дочь хозяина, двадцати шестилѣтняя дѣвушка, отправлялась въ Парижъ, гдѣ служила иностраннымъ корреспондентомъ у извѣстныхъ фабрикантовъ духовъ. Возвращалась она съ поѣздомъ, прибывающимъ на станцію Ле-Пекъ, безъ восемнадцати минутъ девять. Въ темныя и ненастныя осеннія или зимнія ночи, отецъ дѣвушки, пріѣзжавшій изъ своей лавки раньше дочери, выходилъ ей на встрѣчу, такъ какъ до станціи довольно далеко, а дорога идетъ полемъ. Дѣвушка возвращалась такая усталая, что ложилась спать сейчасъ же послѣ ужина. По воскресеньямъ, для развлечения должно быть, она уѣзжала на весь день къ дядѣ, неизлѣчимо больному ракомъ въ желудкѣ. И такъ продолжалось изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ, въ теченіе уже семи лѣтъ. Стоило-ли учиться для такой работы англійскому, нѣмецкому и испанскому языкамъ? Стоило-ли волочить тяжелую колодку въ міровой столицѣ, гдѣ зарождаются новыя литературныя и философскія теченія? Въ миллионъ разъ привлекательнѣе и плодотворнѣе работать въ полѣ, но не какъ рабъ, а какъ повелитель природы. Такой трудъ полнѣе и безконечно болѣе увлекателенъ также того, который женщины, да и не только онѣ, имѣютъ на фабрикахъ. Идеи, попадающія туда и обращающіяся среди самыхъ развитыхъ рабочихъ, принимаютъ также фабричный характеръ, т. е., уподобляются вещи, отбитой штампомъ. Какъ бы безпомощенъ не былъ человекъ въ борьбѣ съ природой, онъ умственно гораздо болѣе свободенъ и неизмѣримо болѣе интересенъ, чѣмъ развитой фабричный, если только, конечно, крестьянинъ — свободный человекъ, какъ напримѣръ, испанскій *aldeano*; если онъ не рабъ, у котораго умъ, энергія, воля, понятія о чести, о справедливости и долгѣ парализованы командующимъ классомъ. Художественное творчество всѣхъ народовъ совпадаетъ съ тѣми вѣками, когда земледѣлецъ не былъ поработченъ; оно совершенно уми-

раетъ, когда наступаетъ закрѣпощеніе. Тамъ, гдѣ земледѣлецъ всегда былъ свободенъ, народное творчество существуетъ донинѣ. Оно красиво и поэтично какъ *corlas* испанскихъ крестьянъ, а не пошло и бездарно, какъ частушки нашихъ фабричныхъ.

— У Чехова есть разсказъ «Моя Жизнь» — начала Лидія Васильевна. — Герой разсказа — дворянинъ, сынъ архитектора, идущій въ рабочіе изъ принципа. И вотъ онъ говоритъ, что не любитъ сельскаго хозяйства, такъ какъ это *рабское занятіе*.

— Да, тамъ, гдѣ земледѣлецъ былъ много вѣковъ порабощенъ господами, смотрѣвшими на него, какъ на низшее существо, — отвѣтилъ Гарь. — Будь у насъ въ дни великаго переворота свободные крестьяне, а не забитые рабы, потерявшіе волю, энергію, понятія о долгѣ и самоуваженіе; будь у насъ умственно свободные вожди, а не пустынножители, мысль которыхъ засорена метафизической паутиной, вытканной въ темныхъ кельяхъ, вдали отъ жизни, какъ говоритъ нашъ общій пріятель Божко, — мы не стояли бы теперь на развалинахъ Россіи.

Лидія Васильевна обладала талантомъ, присущимъ особенно привлекательнымъ женщинамъ: она умѣла слушать. Такой даръ поощряетъ умственно интересныхъ мужчинъ развернуться, если они вообще молчаливы.

Процессія тѣмъ временемъ прошла. Гарь и Грабовская могли двинуться дальше.

II.

— Кстати. Что вышло изъ комитета, выбраннаго на засѣданіи у Телепень-Окуневскаго? — спросила Грабовская.

— Ничего не вышло покуда. Божко собирается все въ Оксбриджъ, чтобы переговорить съ профессоромъ Трепетовымъ. Профессоръ — большой человекъ и первоклассный ученый, но я не вижу, чѣмъ онъ можетъ помочь комитету... У меня, Лидія Васильевна, есть проектъ, помолчавъ началъ Гарь. — Предло-

женіе покажется вамъ совершенно фантастическимъ. Такъ оно вначалѣ представлялось и мнѣ. Я началъ думать о немъ взабыль только, когда убѣдился, что великое множество стойкихъ, даровитыхъ, знающихъ, любящихъ родину людей всѣхъ партій, привѣтствовавшихъ паденіе трона, совершенно выброшено теперь за бортъ пришествіемъ ивановцевъ. Преслѣдованія интеллигенціи породятъ новую эмиграцію, быть можетъ въ еще болѣе величественныхъ размѣрахъ, чѣмъ при царяхъ. Между тѣмъ одинаковыя условія создаютъ всегда тождественныя послѣдствія. Уже Герценъ называлъ внутреннюю исторію лондонской эмиграціи пятидесятихъ годовъ печальной страницей въ сказаніяхъ о современномъ челоѣкѣ. Онъ ужасался бѣдностью пониманія людей, прибитыхъ къ берегамъ Англіи бурей 1848 года, упорствомъ ихъ въ раздорѣ и мелкостью въ самолюбіи. Въ эмигрантскихъ увояхъ тогда русскихъ почти не было. Герценъ описываетъ небольшую кучку праведниковъ, какъ онъ называлъ, а затѣмъ худо прикрытыя, затаенныя самолюбія, для которыхъ революція была служба, position sociale и которые сорвались въ эмиграцію, не достигнувъ мѣста. Потомъ онъ говоритъ о всякихъ фанатикахъ, монамахъ всѣхъ мономаній, сумасшедшихъ всѣхъ сумасшествій. Встрѣчая тѣхъ же людей, тѣ же группы бѣженцевъ нѣмцевъ, поляковъ, венгерцевъ, итальянцевъ, французовъ, испанцевъ и русскихъ черезъ шесть мѣсяцевъ, черезъ годъ, черезъ три, Герцену становилось страшно. «Тѣ же споры! — восклицаетъ онъ. — Тѣ же личности и упреки, только морщинъ и сѣдыхъ волосъ больше. Всѣ старѣе, костлявѣе, сумрачнѣе, а рѣчи всѣ тѣ же да тѣ же».

Полная оторванность отъ жизни и отъ борьбы всегда даетъ одни и тѣ же послѣдствія. Если даровитые, сильные, знающіе люди, которые вынуждены будутъ теперь искать пріюта, полежать въ увояхъ заграничной эмиграціи, они въ свою очередь превратятся со временемъ въ пустынножителей. Ихъ поэтому надобно немедленно пріобщить къ настоящей борьбѣ, облагораживающей и дающей энергію, опытъ, силу,

знанія. Гарибальди, пораженный нравами жизни бѣженцевъ конца пятидесятихъ годовъ, предлагалъ Герцену снарядить нѣсколько купеческихъ кораблей, весь экипажъ которыхъ, отъ капитана до юнгъ, состоятъ бы изъ эмигрантовъ. Это дало бы утерявшимъ родину независимость, и они закалились бы въ буряхъ. Гарибальди рисовать Герцену гордую, свободную, сильную плавучую эмиграцію, которая дастъ богатыхъ опытомъ вождей, когда начнется революція. Планъ Гарибальди не былъ осуществленъ, но купеческій корабль, которымъ командовалъ объединитель Италіи, явился плавучей школой для ближайшихъ помощниковъ его. Современемъ долженъ явиться у насъ Гарибальди, который сплотить въ одно великое свободное цѣлое разрубленный на части русскій народъ. Необходимо теперь сберечь возможно больше помощниковъ Гарибальди. Требуется школа, о которой объединитель Италіи говорилъ Герцену. Надобно также дѣло, которое дало бы бѣженцамъ полную матеріальную независимость. И я думаю о колоніи или о рядѣ колоній въ Бразиліи. Часть ея я хорошо изучилъ во время моихъ путешествій.

— Въ Бразиліи? — переспросила въ глубокомъ изумленіи Лидія Васильевна. — Если даже допустить вашу предпосылку, что земледѣльческая колонія можетъ явиться такимъ же питомникомъ, какъ корабль Гарибальди, то почему же именно основать ее въ Бразиліи, въ тропической, нездоровой странѣ? Почему ужъ не колонія въ Канадѣ, въ Австраліи или въ Новой Зеландіи?

— «А именно потому, что колонія должна быть *питомникомъ*.

Въ странахъ, о которыхъ вы говорите, надо затратить нѣсколько лѣтъ труда, чтобы основать правильную колонію. Въ такомъ случаѣ, люди слишкомъ прикрѣпились бы къ новой землѣ. Она стала бы ихъ родиной. Они уже не откликнулись бы тогда на призывы русскаго Гарибальди. Тропическая же природа такъ мощна и такъ богата жизнью, что въ одинъ годъ группа стойкихъ, знающихъ людей, имѣющихъ

возможность вложить самый маленький капитал, можетъ создать поселеніе. Въ тѣхъ частяхъ Бразиліи, которыя я знаю, всѣ живутъ только отъ резины. Всѣ эксплуатируютъ индѣйцевъ. Получается такая дикая нелѣпость: въ Манаосъ, напримѣръ, гдѣ рѣка кишитъ рыбой; гдѣ есть тучные луга; гдѣ земля родитъ все при самой ничтожной затратѣ силъ, возить всѣ съѣстные припасы изъ Пары, за три тысячи верстъ. Колонисты оставили бы въ сторонѣ резину. Они развели бы огороды и сады, завели бы коровъ, птицъ, что сразу дало бы колоніи независимость и принесло бы ей большія матеріальныя средства, такъ какъ въ странѣ резины города растутъ теперь быстро. Всѣ хотятъ драть шкуру съ сборщиковъ резины, но никто не хочетъ работать. Неисчислимыя богатства ждутъ въ лѣсахъ настойчивыхъ, знающихъ людей. Химики, инженеры, естественники всѣ нашли бы работу въ колоніи. Переселенцы завели бы маленькую фабрику для заготовленія впрокъ ананасовъ; химики готовили бы для отправки въ Пару ваниль, сарсапарилью, ипекакуану, мате, ангостуру и другіе цѣнные лѣсные продукты, добываемые съ самой ничтожной затратой силъ. Разводить въ садахъ эти дикія растенія ничего не стоитъ, а между тѣмъ никто этого не пробуетъ, такъ какъ всѣ заняты резиной. Для моряковъ тоже нашлась бы работа въ колоніи. Сообщеніе по притокамъ понынѣ производится на индѣйскихъ лодкахъ съ тольда, т. е. съ навѣсомъ изъ пальмовыхъ вѣтвей на нихъ. Колонія завела бы двѣ хорошія лодки, приспособленныя для пороговъ; то былъ бы ея коммерческій флотъ, доставляющій продукты колоніи на ближайшую пароходную станцію. Вы упомянули про тропическій нездоровый климатъ Бразиліи. Человѣкъ, борясь съ природой, можетъ сдѣлать ужасно много, прямо чудеса. Мнѣ пришлось по порученію республики близко изучать вопросъ о желтой лихорадкѣ, поэтому, я могу вамъ привести цифры. Ріо-Жанейро было гнѣздомъ этой страшной болѣзни. Въ 1891 году умерло отъ нея 4456 человѣкъ, а въ 1894 году — 4852. Въ томъ году начали бороться съ природой. Черезъ

десять лѣтъ, въ 1904 году было ужь лишь 48 смертей отъ желтой лихорадки, а въ 1908 году — только четыре. За послѣдніе четыре года въ Рио-Жанейро не было ни одного случая смерти отъ страшной болѣзни. Я васъ покормлю еще цифрами. Въ Петербургѣ смертность въ обычное время 30 съ чѣмъ то на тысячу, въ Лондонѣ 16, а въ бразильскомъ городѣ Куритиба, лежащемъ подъ тропиками, смертность только 14. Во время моихъ путешествій я постоянно встрѣчать въ долинѣ Амазонки, по берегамъ Тапахось и Уаупесъ великолѣпныя, возвышенныя, совершенно здоровыя мѣста, поражавшія меня какъ сказочно-роскошною растительностью, такъ и полной пустынностью. Тамъ я основалъ бы питомники для помощниковъ будущаго русскаго Гарибальди. Оттуда вышли бы живые борцы, а не фанатики пустынножители, до такой степени увѣренные, что метафизическая формула, которую они усвоили отъ другого пустынножителя, представляетъ собою вѣчную истину, что для спасенія ея, какъ повѣдалъ намъ Фарингдонъ, они готовы пожертвовать не только Россіей, но даже всей Европой.

III.

Гаръ и Грабовская свернули въ узкую улицу, ведущую отъ Стрэнда къ станціи подземной электрической дороги. Вся улица была занята сплошнымъ рядомъ сѣрыхъ, закрытыхъ фургоновъ съ краснымъ крестомъ на нихъ. Поминутно головной фургонъ въѣзжалъ во дворъ желѣзнодорожной станціи, а остальные подвигались впередъ, какъ люди, выстроившіеся у кассы театра. И такъ какъ въ хвостѣ останавливались все новые и новые фургоны и автомобили, то цѣпь казалась безконечной. На тротуарахъ и во дворѣ станцій густыми, молчаливыми рядами стояли женщины и мужчины, большею частью выздоравливающіе солдаты. Многіе ковыляли или подскакивали на костыляхъ. И страшно было видѣть мужественныя, красивыя, молодые лица этихъ калѣкъ. Изъ дверей

станціи въ подъѣзжающіе фургоны выводили и выносили забинтованныхъ молодыхъ людей, только что доставленныхъ съ континента. Одни сохранили настолько сознаніе, что даже пытались улыбнуться или махнуть костылемъ, когда появлялись на порогѣ станціи. Женщины махали имъ платками. Сердца этихъ женщинъ сжимались отъ боли при мысли о сыновьяхъ, братьяхъ, мужьяхъ и возлюбленныхъ, находящихся тамъ, откуда привезли раненыхъ; но всѣ пытались дружески и ласково улыбаться забинтованнымъ воинамъ, to cheer them up (чтобы поднять ихъ духъ). Вотъ опираясь на костыль, вышелъ пожилой полковникъ съ блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ. И когда онъ ковылялъ къ автомобилю, хмурия брови отъ боли, къ нему подошла толстая, грязная цвѣточница, съ шалью на плечахъ и въ круглой шляпкѣ изъ вычерненной соломы. Цвѣточница присѣла, какъ вызванная къ доскѣ гимназистка, — такъ кланяются въ Англіи всѣ деревенскія женщины, — подала офицеру букетикъ фіалокъ и опять сдѣлала реверансъ. Пожилой полковникъ взялъ букетикъ, поклонился насколько позволяли ему костыли и поцѣловать руку у толстой цвѣточницы съ такимъ почтительнымъ видомъ, какъ будто то была королева.

Другихъ раненыхъ выносили на носилкахъ. Работали, большею частью, дѣвушки и молодыя женщины въ форменныхъ шинеляхъ и въ широкополыхъ шляпахъ военного образца. Иные раненые, которыхъ выносили, пытались улыбнуться и бросали даже толпѣ одно-два слова, вродѣ «cheer up» *). Другіе находились въ полузабытій или потеряли сознаніе и глядѣли уже по ту сторону бытія, созерцая великое неизвѣстное.

Въ толпѣ шныряли проворные, какъ ящерицы, мальчишки въ широкополыхъ шляпахъ и въ коричневыхъ рубахахъ, заправленныхъ въ короткіе портки, такъ что колѣна были открыты. Мальчишки работали спокойно, серьезно, подчиняясь приказу своихъ малень-

*) Бодрѣе.

кихъ капитановъ. Они старались быть полезными, и дѣйствительно приносили пользу.

Одинъ за другимъ подъѣзжали къ станціи фургоны и автомобили, забирая англичанъ, шотландцевъ въ юбкахъ, ирландцевъ, валійцевъ, которыхъ можно было узнать по двумъ чернымъ лентамъ, пришитымъ къ вороту, канадцевъ, австралійцевъ и новозеландцевъ. Судя по толпѣ встрѣчавшей раненыхъ, тутъ смѣшались не только всѣ націи, входящія въ составъ Британской имперіи, но и всѣ классы.

До сихъ поръ съ ужасомъ говорятъ про бронзоваго бога, стоявшаго съ протянутыми руками двадцать три вѣка назадъ въ Карфагенѣ, на вершинѣ Бирсы. Въ годину великихъ народныхъ бѣдствій бронзовому богу клали на простертыя руки человѣческую жертву, проваливавшуюся потомъ въ раскаленное чрево Молоха. Теперь богъ этотъ, не довольствуется одною жертвою. Онъ жаждетъ морей крови и алчетъ сотенъ тысячъ тѣлъ.

И Егоръ Лукичъ, глядя на воиновъ, вырвавшихся изъ бронзоваго чрева Молоха, думаетъ: — завтра въ Россіи въ церквахъ будутъ пѣть: «другъ друга обьемемъ, рцемъ братіе, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ».

IV.

Дѣвушка кондукторъ въ синей шинели и въ заломленной шляпѣ, сидѣвшая у лѣстницы, спускавшейся къ платформѣ, щелкнула щипцами по билетамъ Гара и Грабовской. Въ вагонахъ было тѣсно. Мужчины и женщины сидѣли и стояли, уткнувшись въ послѣдніе нумера газетъ. Вѣсти были очень тревожны. Телеграммы, напечатанныя сбитымъ, расплывчатымъ шрифтомъ въ отдѣлѣ «Послѣднія извѣстія» читались съ такимъ же напряженнымъ, угрюмо-серьезнымъ вниманіемъ, съ какимъ много вѣковъ назадъ жители Рима, стоя на городскихъ стѣнахъ, слѣдили издали за тучами пыли, скрывавшими полки Алариха, надвигавшіеся по *via* Фламинія и *via* Кассія.

Плохо одѣтый не молодой уже англичанинъ, замѣтивъ стоящую Грабовскую, приподнять засаленный котелокъ и уступить дѣвушка свое мѣсто.

Гарь досталъ изъ кармана газету, купленную по дорогѣ. Глаза его упали на поздравительную телеграмму, посланную новымъ Аларихомъ своей женѣ. Взглядъ на миръ и на войну, выраженный въ посланіи, напомнилъ Гару стихи стараго нѣмецкаго поэта, которые училъ наизусть когда то.

Träumt ihr den Friedenstag?
Träume, wer träumen mag!
Krieg ist das Lösungswort!
Sieg, und so klingt es fort.

Въ вагонѣ было столько же молодыхъ калѣкъ, какъ и на улицѣ.

Они сидѣли, вытянувъ костыли, стараясь умѣстить возможно удобнѣе культяпки ногъ, со штанинами подстегнутыми снизу булавками. Лица у калѣкъ, болѣею частью, были выразительныя, часто очень красивыя, съ тонкими чертами.

Поездъ между тѣмъ, гремя колесами, бѣжалъ подѣ землей, останавливаясь на нѣсколько секундъ на станціяхъ. Выходили и входили новые пассажиры, тоже озабоченные, угрюмо серьезные, съ выраженіемъ напряженной думы на лицѣ. Ковыляли новые калѣки. И какъ только поездъ трогался, всѣ они немедленно погружались въ чтеніе послѣднихъ телеграммъ, напечатанныхъ сбитымъ шрифтомъ. Глаза всѣхъ не отрывались отъ этихъ извѣстій, хотя читать было трудно, такъ какъ вагонъ сильно качало.

Ощущеніе тяжелой неловкости овладѣло Егоромъ Лукичемъ. Онъ угадывалъ, что должны чувствовать теперь по отношенію къ его странѣ всѣ эти дѣловые люди погруженные въ чтеніе телеграммъ.

«Пустынножители» слѣдуя своей теоріи, выработанной въ келіяхъ, совершили поступокъ, который всѣ «стоящіе на стѣнахъ Рима», не могли не признать черной измѣной по отношенію къ нимъ...

Поездъ, между тѣмъ, вышелъ изъ подѣ земли и

побѣжать гигантской красной сороконожкой по крышамъ домовъ. Вотъ внизу тянется громадный паркъ. Большой дугъ на которомъ раньше всегда играли въ футболъ, теперь былъ разбитъ на квадраты и вскопанъ.

Изъ оконъ вагона видны были мужчины и женщины, копавшіеся въ грядкахъ. Долгое время земля въ Англіи была забытой подругой. Отъ нея отвернулись. Теперь къ ней возвратились. И она, добрая, великодушная, полная прощенія, раскрыла свои объятія. Гаръ могъ замѣтить, что обработанъ каждый клочекъ земли.

Гаръ и Грабовская оставили станцію. Они были уже за Лондономъ, но все еще безконечными рядами тянулись улицы, обстроеныя коттеджами, обвитыми плющемъ. Егоръ Лукичъ и Лидія Васильевна пересѣкли улицу и вошли въ громадный паркъ. Здѣсь лучше чѣмъ въ городѣ можно было видѣть, какъ стремительно надвигается весна. Миндаль отцвѣлъ уже. Темнорозовые лепестки его носились въ воздухѣ и лежали на землѣ, какъ конфетти во время карнавала на большихъ бульварахъ въ Парижѣ, когда войны еще не было. Вишневая деревья стояли обсыпанныя бѣлымъ цвѣтомъ, какъ будто только что выпалъ снѣгъ. Громадные буки казались облѣпленными роями зеленыхъ мушекъ. На каштанахъ листья были всѣхъ смѣлѣ. Они вполне повѣрили, что пришла весна, сбросили кожистые шубки и выглянули изъ почекъ, готовые въ каждый моментъ развернуться. Только скептикъ дубъ не торопился на встрѣчу веснѣ. Онъ стоялъ еще по зимнему, и его мощныя корявыя вѣтви какъ будто ворчали: «Такъ мы и повѣримъ теплу! Подождите: надвинутся еще холода!» Но безчисленныя птицы въ вѣтвяхъ буковъ не слушали воркотни скептика. Онѣ разыскивали кормъ и хлопотливо ладили гнѣзда для подругъ, очевидно, слѣдуя правилу ѣсть съ голоду и любить смолоду. Каменный дубъ не интересовался ни оптимизмомъ буковъ, ни воркотней коряваго пессимиста, ни ликованіемъ птицъ. Онъ опустил до самой земли свои неподвижныя вѣтви съ кожистой листвою. Ему было тяжело и отъ лѣтъ и

отъ думъ по далекой родинѣ: по Испаніи и Балеарскимъ островамъ.

Лидія Васильевна наслаждалась солнцемъ и нарождающеюся зеленью. — Хорошо! — шепнула дѣвушка, зажмуривъ глаза и блаженно улыбаясь.

V.

Они подошли къ громадной оранжереѣ, сверкавшей на солнцѣ тысячею стеколъ. Въ оранжереѣ было душно и парно, какъ въ банѣ. Громадныя пальмы тянулись двумя рядами, обвитыя до перистыхъ вершинъ цвѣтущими ліанами.

— Совсѣмъ уголокъ бразильскаго лѣса, сказали Гаръ. Онъ объяснилъ дѣвушкѣ, когда они вышли изъ оранжереи, что лѣсъ долины Амазонки отличается отъ всѣхъ другихъ лѣсовъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ древесныхъ породъ. Въ Европѣ лѣса состоятъ изъ большихъ пространствъ поросшихъ соснами, дубами или березами. Въ бразильскомъ лѣсу на каждомъ шагѣ встрѣчаются новыя деревья. Гаръ описалъ дальше ночи, проведенныя имъ въ лѣсу во время экспедиціи и ночные концерты. Музыку начинаютъ лягушки. Онѣ трехъ видовъ и производятъ, единственные въ своемъ родѣ звуки. Одинъ видъ лягушекъ производитъ звуки, поразительно напоминающіе бѣгущій вдали поѣздъ. Когда Гаръ засыпалъ ночью въ своей лодкѣ подъ тольда изъ пальмовыхъ вѣтвей, ему все казалось, что онъ въ Россіи, въ деревнѣ, на каникулахъ. Онъ засыпаетъ въ сѣновалѣ и слушаетъ, какъ въ трехъ верстахъ пробѣгаетъ курьерскій поѣздъ изъ Кіева въ Жмеринку. Затѣмъ къ лягушкамъ присоединяются гуарибасы или воющія обезьяны. Въ этотъ концертъ врываются со своимъ пронзительнымъ свистомъ какаду. Время отъ времени пробуетъ подпѣвать глухимъ басомъ суакура или другая водяная птица. Всюду, какъ серебряные колокольчики, звенятъ цикады. Въ кустахъ и на стволахъ деревьевъ ярко сверкаютъ свѣтляки. И кажется,

то вышли съ факелами духи тропического лѣса, чтобы послушать концертъ.

Вы очень любите бразилскій тропическій лѣсъ, Егоръ Лукичъ?

Да, Лидія Васильевна. Съ нимъ бороться радостно. Человѣкъ ощущаетъ, что онъ сынъ Прометея и видитъ удивительные результаты своихъ усилій. Онъ можетъ превратить болото, гдѣ гнѣздится желтая лихорадка, въ санаторій. Въ одинъ годъ настойчивые, смѣлые, знающіе люди могутъ заставить землю давать по два урожая. Человѣкъ сознаетъ, что рожденъ для борьбы съ природой и что въ этой борьбѣ у него вырастаютъ крылья. Только тогда онъ сознаетъ непростительный грѣхъ протитуировація науки, творящейся на нашихъ глазахъ.

Егоръ Лукичъ умолкъ. Ему показалось, что слова его «имѣютъ привкусъ Молешота» — какъ подумалъ онъ. Но тема живо интересовала Гара. Ему не хотѣлось оставить ее, поэтому онъ перемѣнилъ только тонъ на шутливый.

— Я вспомнилъ анекдотъ про Гексли, рассказанный мнѣ старымъ пріятелемъ ученаго. — Съ этимъ пріятелемъ мы плыли на одномъ пароходѣ изъ Пара въ Лиссабонъ.

— Какой анекдотъ, Егоръ Лукичъ?

— То было не задолго до смерти Гексли. Онъ и его пріятель сидѣли рядомъ на парадномъ обѣдѣ. Кто то предложилъ тостъ за науку. И тутъ Гексли вспомнилъ одинъ сонъ. Представилось ему, будто онъ умеръ. Увидѣлъ Гексли себя въ громадной, роскошно обставленной подземной залѣ, отдѣланной какъ фригидаріумъ великолѣпной бани. Оглядевшись, Гексли замѣтилъ ливрейныхъ лакеевъ. Къ великому изумленію своему, ученый замѣтилъ, что у челядинца стоявшаго къ нему спиной, изъ подъ обшитыхъ галуномъ фалдочекъ кафтана, торчитъ хвостъ съ кисточкой въ концѣ. Гексли подошелъ къ слугѣ и дернулъ его за хвостъ. Лакей тотчасъ же обернулся.

— Чего изволите? Чѣмъ могу служить, профессоръ? — вѣжливо и предупредительно спросилъ лакей.

— Можете ли мнѣ принести что нибудь выпить? Если возможно, то со льдомъ? Здѣсь очень жарко.

— Конечно. Сейчасъ, профессоръ.

Хвостатый кельнеръ возвратился со стаканомъ.

Гексли сталъ тянуть сквозь соломинку холодное питье.

— Кажется, я не ошибаюсь на счетъ того мѣста, гдѣ нахожусь, — начать Гексли.

— Совершенно вѣрно, профессоръ. Вы въ аду, — предупредительно подсказалъ лакей.

— Повидимому, здѣсь произошли большія перемѣны, — продолжать Гексли. — Во всякомъ случаѣ, мѣсто это не похоже на тѣ описанія его, которыя намъ дали. •

— О, да, профессоръ, адъ не похожъ уже на то, чѣмъ онъ былъ раньше! — вздохнулъ чортъ. Въ послѣднее время сюда попало много вашей братіи. И какъ видите, ученые произвели здѣсь капитальный ремонтъ. Они перестроили рѣшительно все.

Таковъ сонъ Гексли. Въ Бразилію я убѣдился, что человѣку по силамъ дѣйствительно произвести въ мірѣ капитальный ремонтъ, о которомъ говоритъ чортъ. Человѣкъ могъ стать богомъ, а предпочелъ быть рабомъ. Направивъ всю энергію на борьбу съ природой, онъ могъ бы уже давно обрѣсти дѣйствительную свободу, а онъ порабощаетъ себѣ подобныхъ, мучить ихъ и истребляетъ. Хуже того: онъ придумываетъ все новыя цѣпи на свои же руки и умъ. Онъ можетъ пользоваться разумомъ и громаднымъ запасомъ накопленныхъ знаній, но избралъ лучше подчиненіе гипнозу слова и магической формулы.

VI.

Грабовская и Гаръ были теперь на громадномъ выстриженномъ лугу. Асфоделіи, ирисы, колокольчики и поденѣжники, разсаженные такъ, какъ будто выросли естественно, образовали разноцвѣтные узоры на зеленомъ коврѣ. На лугу было шумно, такъ какъ тамъ гомозились мальчики и дѣвочки, повидимому

изъ народной школы. Мальчики всѣ были въ праздничныхъ курточкахъ и горбились отъ большихъ глаженныхъ воротниковъ. Учительница показывала старшимъ мальчикамъ памятникъ, огороженный рѣшеткой, обозначающій то мѣсто, гдѣ стоялъ телескопъ Джемса Баддлѣя, собравшаго здѣсь весь матеріалъ для своей знаменитой работы объ aberracіи. Мальчики слушали разсѣяннo и глядѣли не на солнце, какъ великій астрономъ, а на гнѣзда грачей на вершинахъ буковъ. Если бы можно было, мальчики показали бы этимъ грачамъ, что не даромъ учили стихотвореніе Лонгфелло «Экселсіоръ»! Дѣвочки собрали маленькихъ мальчиковъ и затѣяли съ ними игры въ горѣлки и въ «апельсины и лимоны». Вотъ вдали,* въ гущѣ деревьевъ, раздалось пѣнье кукушки. И точасъ же дѣвочки затянули старинную дѣтскую пѣсенку.

Merry sing Cuckoo!
Cuckoo! Cuckoo!
Well singest thou, Cuckoo!
Ne swik thou never now!

(Весело пой кукушка: ку-ку, ку-ку! Ты хсрошо поешь, кукушка. Не переставай больше никогда).

Гаръ и Грабовская дошли до калитки, выходившей на рѣку.

Черезъ ровъ, наполненный водою, въ которой уже копошились проворные тритоны, былъ переброшенъ подъемный мостикъ на цѣпяхъ. Егоръ Лукичъ и Лидія Васильевна перешли черезъ мостикъ и очутились на бичевникѣ, обросшемъ съ одной стороны большими дикими каштанами. То была почти крайняя черта, до которой достигалъ приливъ. Онъ только что кончился. Мутная вода бурлила и кружилась, будто раздумывала, надо ли повернуть назадъ, или можно еще бѣжать впередъ. Кусты тальника свѣсились съ высокаго берега, выглядывая чтото въ водѣ. Бѣлая бабочка, слабо махая крыльями, пыталась подняться съ яркой, сочной травы въ воздухъ, но не хватало еще силъ бороться съ рѣчнымъ вѣтеркомъ.

Въ обычное время рѣка въ этомъ мѣстѣ была бы

покрыта гичками, яликами и шлюпками съ гребцами безъ сюртуковъ, въ бѣлыхъ фланелевыхъ панталонахъ и въ цвѣтныхъ сорочкахъ съ засученными рукавами, да съ дамами въ яркихъ нарядныхъ туалетахъ. Слышался бы беззаботный смѣхъ, а изъ лодокъ, притаившихся подъ нависшими кустами тальника, доносились бы нѣжный шопотъ и поцѣлуи. Ибо ликующая весна, яркое солнце, мощная рѣка, пробуждающіяся деревья и опьяненные жизнью птицы не только порождаютъ стремленіе къ счастью, къ неизвѣданному, къ недостижимому, но и готовность принять всякую иллюзію за дѣйствительность. Теперь рѣка была почти пустынна. Пыхтѣлъ только маленький, невѣроятно грязный пароходикъ съ желтой рубкой, тащившій на буксирѣ рядъ глубоко сидящихъ въ водѣ баржъ, нагруженныхъ углемъ. Пронзительно кричали чайки, носившіяся надъ водою и непрерывно вступавшія въ драку. Гаръ внимательно посмотрѣлъ на чаекъ. Онъ объяснилъ дѣвушкѣ, что тутъ есть два вида, никогда не встрѣчающіеся на рѣкѣ. Это — морскія птицы. Онѣ перекочевали сюда, такъ какъ на морѣ теперь не спокойно. Мартыны, считающіе рѣку дѣдиной и отчиной, очевидно, никакъ не хотятъ помириться съ вторженіемъ чужаковъ и воюютъ съ ними.

— Новая варіація Ерша Ершовича, — засмѣялась дѣвушка.

Грабовская и Гаръ прошли нѣкоторое разстояніе бичевникомъ, затѣмъ присѣли отдохнуть. Оба молчали. Было радостно и хорошо. Гаръ нѣсколько разъ взглядывалъ на дѣвушку, и каждый разъ теплѣе становилось на сердцѣ. «Qu'est ce qu'il y a?» съ тихой улыбкой спрашивала каждый разъ Лидія Васильевна, замѣтивъ растроганный взглядъ Гара. Егоръ Лукичъ хотѣлъ отвѣтить: «мнѣ хорошо съ вами, дорогая», но губы прошептали только глупое: — «ничего». Каждый жестъ Лидіи Васильевны казался Егору Лукичу необыкновенно красивымъ. Его тронуло, когда она достала изъ чернаго шелковаго мѣшечка бѣленькій платочекъ. Потомъ Егоръ Лукичъ проявилъ черты,

которыхъ Лидія Васильевна не ожидала въ немъ. Онъ пѣлъ: «Тамъ гдѣ тинный Булакъ со Казанкой рѣкой» и «Хлѣбушка нѣтъ», и «Проведемте, друзья» и «Чего же вы, хлопцы, гарни молодцы», словомъ, весь репертуаръ студенческихъ пѣсенъ его времени. Затѣмъ стали изображать, какъ буряты воютъ «іохирь». Потомъ пропѣлъ нѣсколько испанскихъ *coplas* и пытался даже показать, какъ поютъ индѣйцы на берегу Тапахосъ. Голосъ у Егора Лукича былъ плохой; точнѣе говоря, голоса совсѣмъ не было, но Лидію Васильевну забавляло, что такъ разошелся серьезный человѣкъ, «ученый».

VII.

Индѣйскія пѣсни вызвали рядъ вопросовъ о племени, создавшемъ эти произведенія. Егоръ Лукичъ образно и живо описалъ балъ, данный индѣйцами въ честь путешественника въ деревнѣ въ верховьяхъ рѣки Уаупесъ, уже не въ Бразиліи, а на территоріи Колумбіи.

Деревни тамъ состоятъ изъ одного общаго зданія, *малокки*, въ которомъ живутъ всѣ семьи. Каждая семья имѣетъ отдѣльную загородку. Середина *малокки* служитъ клубомъ для всего населенія трехъ сосѣднихъ деревень. Въ вопросѣ объ ухаживаніи населеніе находится еще въ той стадіи развитія, какъ птицы. Другими словами, брачный уборъ имѣютъ только самцы, а не самки. Вотъ почему на балъ мужчины явились въ коронахъ изъ разноцвѣтныхъ перьевъ тукана и въ ожерельяхъ изъ бѣлыхъ и красныхъ бусъ. Наиболѣе смѣлые охотники щеголяли поясами украшенными зубами онсы. Всѣ имѣли на ногахъ подвязки изъ черныхъ высохшихъ плодовъ, которые при каждомъ движеніи производили трескъ. Туалетъ женщинъ былъ куда проще и состоялъ только изъ «танга» или маленькаго передника. Когда нѣтъ свропейцевъ, женщины обходятся даже безъ танга.

Молодые люди свили изъ ліанъ громадную змѣю, которую танцующіе подняли на плечи.

Пляска состояла въ подражаніи движеніямъ анаконды. И такъ какъ танцы пробуждали жажду, то гостей постоянно обносили мѣстнымъ пивомъ, или «каксирі».

Лидія Васильевна слушала съ удивленіемъ рассказы про людей, отставшихъ въ своемъ развитіи на двадцать вѣковъ. Она попросила Гара рассказать ей какую нибудь легенду этихъ индѣйцевъ.

Егоръ Лукичъ потеръ лобъ.

«Я недавно читалъ «Vida Indiana», Мартина Матоса Арвело. Собственно говоря, авторъ наблюдаетъ индѣйцевъ уже на Венецуэльской территоріи, а не въ Бразиліи; но племя это то же самое, которое посѣтилъ и я. Испанскій географъ называетъ свою легенду «La rébellion de Temblador», т. е. мятежь электрическаго ската. Вначалѣ говорится про то, какъ великій духъ Напа создалъ вселенную. Онъ бросилъ взоръ, и оттого въ пространствѣ появились звѣзды, солнце и мѣсяцъ. Онъ крикнуть, и загремѣли громы. Напа вздохнулъ, и оттого сорвался ласкающій полуденный вечеръ, и сокрушающій вихрь. Напа подумалъ, и появилась земля. Онъ уронилъ слезу, появились моря и рѣки. Напа улыбнулся, и зацвѣли цвѣты да появились животныя, думающія о жизни и радости. Напа шевельнулъ рукой, и явилось движеніе въ жизни. Онъ нахмурилъ брови, и все созданное поняло, что надо подчиняться непреложнымъ законамъ Великаго Духа. Напа былъ доволенъ всѣмъ тѣмъ, что создалъ, и всѣ на землѣ наслаждались счастьемъ. Животныя восхваляли Напа и творчество его. Но тутъ вмѣшался могущественный Злой Духъ Мауари. Онъ задумалъ поднять бунтъ противъ Напа и явился къ самому сильному животному, къ электрическому скату. Мауари принялъ форму обольстительной самки. До того времени на землѣ были только самцы. Животныхъ создавалъ Напа. Онѣ не знали еще любви. Мауари появился самкой и исчезъ. Въ электрическомъ скатѣ зажглось желаніе. Онъ метался всюду, ища въ водахъ прекрасный образъ, который мелькнулъ и растаялъ. И когда электрическій скатъ обыскалъ всѣ ручьи и

всѣ подводныя пещеры, не найдя въ нихъ той, которую видѣлъ разъ,—онъ забился подъ камень и лежалъ тамъ въ мрачномъ отчаяніи. Электрическій скать рѣшилъ умереть. И сюда къ нему подплыть Мауари въ образѣ жабы. Онъ сказалъ, что Напа прячетъ красавицу у себя. Мауари первый внушилъ чувство мятежа и мести. Онъ убѣдилъ электрическаго ската, чтобы онъ собрать войнство противъ Великаго Духа. Началось великое возстаніе животныхъ. На зовъ электрическаго ската собралась воздушная, земная и подводная рати. Изъ птицъ явились ястребъ, карикари, стервятникъ и водяная гуагарака. Въ надземной рати электрическаго ската были хорекъ, жаба, ужъ, хамелеонъ и тукеке. Алигаторъ, тунецъ и рѣчной дельфинъ сражались за Великаго Духа. Мауари поднялъ мятежъ и исчезъ безслѣдно. Напа одержалъ побѣду, и войска мятежниковъ были разсѣяны. Электрическій скать бѣжалъ. Чтобы поймать его, войска Великаго Духа бросили черезъ рѣки во многихъ мѣстахъ скалы, образующія пороги до сихъ поръ. И когда вождя наконецъ изловили, Великій Духъ устроить судъ надъ всѣми повстанцами. Чтобы наказать животныхъ на вѣчныя времена, онъ создалъ самку, источникъ любви, ненависти и мщенія. Затѣмъ Напа взялъ хитрость лисицы, свирѣпость пумы, ядъ змѣи, жестокость ястреба, предательство электрическаго ската, лицемѣріе каймана, силу тапира, ненасытность нетопыря и тщеславіе павлина. Все это онъ разогрѣлъ своимъ дыханіемъ и создалъ существо, которое назвалъ *Энами* (человѣкъ).

— Вотъ существо, которое будетъ вѣчно карать васъ за мятежъ, карая вразъ себя, — воскликнулъ Великій Духъ.

Чтобы вознаградить своихъ вѣрныхъ союзниковъ, помогавшихъ ему во время мятежа, Напа сдѣлалъ ихъ тѣло не съѣдобнымъ для человѣка.

Лидія Васильевна внимательно слушала легенду, созданную племенемъ съ такой низкой матеріальной культурой, какъ индѣйцы верховьевъ Уаупесъ. Дѣвушка думала о томъ, что если художественное твор-

чество принять какъ мѣрило цивилизаціи, то голые дикари, создавшіе эту легенду, конечно, въ умственномъ отношеніи стоятъ выше многихъ сотенъ тысячъ фабричныхъ, безошибочно могущихъ повторить за пустынножителями двѣ три формулы, но творчество которыхъ не идетъ дальше частушекъ. Неужели дѣйствительно близость къ природѣ, даже если человѣкъ не умѣетъ еще бороться съ нею, неизмѣримо болѣе высокій культурный факторъ, чѣмъ жизнь въ городѣ? Получался любопытный парадоксъ.

— Вы никогда не пробовали обрабатывать въ беллетристической формѣ ваши наблюденія? — спросила дѣвушка.

— Какъ же! Я думалъ даже о романѣ, — шутливо отвѣтилъ Гарь. — То было во время путешествія по Телемаркинской дорогѣ въ Норвегіи. Я только что прочиталъ тогда русскій романъ въ новомъ родѣ, и зависть подсказала мнѣ оригинальный сюжетъ. Я видѣлъ, что англичане расплачиваются въ гостинницахъ купонами, причемъ достаютъ изъ кармана цѣлыя пачки ихъ, очевидно, припасенныя на все путешествіе. И я задумалъ романъ, герой котораго, удрученный существованіемъ множества міровъ, изъ протеста противъ Бога кончаетъ самоубійствомъ въ Гаукли, на берегу никогда не тающего озера. Осуществляется самоубійство такъ. Герой разомъ съѣлъ всѣ завтраки и обѣды, полагающіеся ему по купонамъ и лопнулъ. И вѣчность глядѣла на него бѣлыми глазами... Такъ долженъ былъ закончиться мой романъ.

Оба засмѣлись.

— Нѣтъ, ничего, кромѣ сухихъ монографій я не въ состояніи написать — прибавилъ Гарь. — Очевидно, въ моемъ мозгу совершенно атрофированъ какой-то узелокъ, дающій возможность писать образно и занимательно.

Затѣмъ Егоръ Лукичъ и Лидія Васильевна снова тронулись въ путь и дошли до Ричмонда. Здѣсь они нашли маленькій ресторанъ съ террасой, выходящей прямо на рѣку. Они не захватили съ собой раціон-

ныхъ карточекъ, поэтому спросили, что можно было получить не по бюджету. Имъ дали яйца, салатъ, хлѣбъ безъ масла да чай безъ сахара и молока. И обоимъ казалось, что никогда въ жизни они не ѣдали такъ вкусно и такъ утонченно, какъ въ этомъ маленькомъ, дешевомъ ресторанчикѣ. Прислуживала немолодая, остроносая англичанка въ очкахъ. Гару казалось что у ней ужасно хорошее, выразительное лицо.

Надо было возвращаться въ городъ. Наступала ночь. Легкій туманъ стелился надъ землей, но вверху ясно сіялъ мѣсяцъ—

— О чемъ вы думаете? — ласково спросилъ Гаръ.

— Мнѣ вспомнились стихи:

Царить весны таинственная сила

Съ звѣздами на челѣ...

А счастье гдѣ? Не здѣсь, въ средѣ убогой, —

А вотъ оно какъ дымъ...

— Какъ хотѣлъ бы я искать счастье съ тобою!

Такъ *хотѣлъ* сказать Егоръ Лукичъ; но вмѣсто этого спросилъ:

— Чьи это стихи?»

— Фета.

Когда Грабовская и Гаръ возвращались домой, всецѣло поглощенные мыслью о связи, крѣпнущей между ними, они почти не замѣтили, что все въ поѣздѣ были еще болѣе серьезны, чѣмъ утромъ. Все, нахмуривъ брови, читали вечернія газеты. Тучи пыли на віа Фламинія и на віа Кассія, за нѣсколько часовъ, которые Гаръ и Грабовская такъ счастливо провели на берегу Темзы, — еще болѣе приблизились къ стѣнамъ Рима.

VII.

Прирученіе Аэллы.

I.

Божко приѣхалъ въ Оксбриджъ повидаться съ профессоромъ Трепетовымъ и переговорить по порученію комитета, избраннаго на собраніи у Телспень-Окуневскаго. Было рано еще ѣхать къ Трепетову, и Божко отправился бродить по городу.

Небо, вспомнивъ о чемъ то грустномъ, пригорюнилось и все не знало: сейчасъ ли заплакать или погодить.

Петръ Андреевичъ бывалъ въ Оксбриджѣ и хорошо зналъ знаменитый университетскій городъ. Каждый разъ, когда Божко видѣлъ квадратныя башни, высокія стрѣльчатыя колокольни, острые крыши съ каменными коньками и старинные дома съ узкими окнами, украшенными колонками, онъ вспоминалъ слова Шекспира, о томъ, какъ все расцвѣло, когда прошла зима междоусобій.

Разгладила морщинистый свой лобъ
Война свирѣпо-лицая, — и нынче
Не на коняхъ, закованныхъ въ желѣзо,
Разносить страхъ по вражеской толпѣ,
А ловко пляшетъ въ залахъ, между дамъ,
Подъ сладострастно-тихой голосъ лютни.

Во время гражданскихъ войнъ старые обыватели строились наскоро, какъ попало, чтобы не жалко

было, когда во имя партійныхъ интересовъ сожгутъ домъ.

При Тюдорахъ всѣ тучи раздора «въ пучинѣ океана погреблись», и всѣ начали строиться красиво, прочно, основательно, на много вѣковъ. Впрочемъ, даже во время гражданскихъ войнъ, когда дома обывателей пылали, — обѣ стороны, по возможности, щадили церкви и университеты. Въ XIII и въ XIV вѣкахъ суровые воины, которымъ подъ старость было о чемъ сокрушаться, — спасенія души ради строили колледжи для студентовъ и оставляли суммы на стипендіи.

Въ былые вѣка здѣсь жили суровые воины, какъ тотъ старый графъ, о подвигахъ котораго на сушѣ и на морѣ повѣствуютъ всѣ хронографы XIII вѣка. И вотъ грозный вождь, веселившійся на войнѣ, какъ на брачномъ пиру, заболѣлъ кровавымъ поносомъ.

— Какой позоръ для меня, — сокрушался старый боецъ. Я вышелъ невредимъ изъ всѣхъ битвъ, чтобы умереть смертью коровы. Надѣньте же на меня кольчугу, опояшьте мечемъ, накройте голову шлемомъ, дайте въ лѣвую руку щитъ, а въ правую чеканъ, дабы доблестный витязь, какъ я, могъ пристойно встрѣтить смерть.

И этотъ суровый воинъ уважалъ знаніе. Онъ завѣщалъ значительную часть своего состоянія оксбриджскимъ школамъ.

Въ старинномъ городѣ много школъ, связанныхъ съ именами рыцарей, сокрушавшихся о злыхъ дѣлахъ, учиненныхъ ими

Въ Лондонѣ изъ окна своего коттеджа Божко могъ видѣть вдали церковь съ квадратной колокольною, кончающеюся четырьмя уродливыми башенками. Она является памятникомъ невѣжественнаго каприза. Архитекторъ принесъ королевѣ Аннѣ планъ церкви на утвержденіе. Королевѣ планъ не понравился. Она была раздражена и къ тому еще, какъ съ ней часто случалось, пьяна. Королева Анна разорвала планъ, затѣмъ топнула ногой и опрокинула столикъ, на которомъ лежалъ проектъ.

— Вотъ вамъ идея колокольни! — крикнула королева, указавъ на опрокинутый столъ съ торчавшими ножами. Стройте, какъ этотъ столъ.

И архитекторъ выстроилъ колокольню, кончающуюся каменнымъ квадратомъ съ четырьмя башенками по угламъ.

Строители Оксбриджа уважали знаніе и красоту, поэтому такихъ каменныхъ символовъ произвола, какъ въ Лондонѣ, Божко не могъ видѣть, хотя почти каждое зданіе представляло собою страницу лѣтописи. Вотъ старинные колледжи съ гербами и каменными гирляндами, обгрызанными временемъ. Названіе каждого колледжа ассоціируется съ именами людей, учившихся здѣсь и вписавшихъ потомъ, къ добру или худу, свое имя въ исторію Англіи. Вотъ почернѣвшая отъ времени церковь, выстроенная, когда прекратилась страшная чума, унесшая десятки тысячъ жизней. И каменные святые, источенные временемъ, могли бы рассказать смѣняющимся поколѣніямъ про гражданскія смуты, еще болѣе страшныя чѣмъ черная смерть. Чума исчезаетъ безслѣдно, тогда какъ гражданская смута оставляетъ послѣ себя ядъ, разсасывающийся общественнымъ организмомъ только послѣ многихъ десятковъ лѣтъ.

Старинное зданіе съ почернѣвшими колоннами. Тутъ знаменитая библіотека, хранящая единственныя во всемъ мірѣ рукописи. Здѣсь англійскій поэтъ нашелъ рукопись великаго персидскаго нигилиста, который много вѣковъ назадъ высказалъ то, что говорилось до него и повторялось послѣ во всѣхъ странахъ. Персидскій поэтъ изумлялся, зачѣмъ люди сами создаютъ себѣ муки, когда жизнь такъ коротка.

«Иные томятся по славѣ въ этомъ мірѣ; другіе думаютъ и вздыхаютъ постоянно о раѣ пророка. Ахъ, бери настоящее и оставь въ сторонѣ обѣщанія. За чѣмъ прислушиваться къ отдаленнымъ звукамъ барабана». — говоритъ Омаръ Хайямъ. «И тѣ, кто сѣютъ золотое зерно; и тѣ, что разбрасываютъ его по всѣмъ вѣтрамъ подобно дождю, — одинаково превратятся въ землю, которую будутъ копать другіе».

«О, моя возлюбленная! Наполни кубокъ освобождающей сегоднѣшній день отъ сожалѣній по ушедшему и отъ страха передъ будущимъ. *Завтра!* Но завтра я могу быть уже въ числѣ тѣхъ, которые съ семью тысячами ушедшими годами составляютъ вчерашній день».

II.

Университетское зданіе, называющееся театромъ, вызвало у Божко задумчивую улыбку. Онъ вспомнилъ торжественное собраніе всѣхъ колледжей или энценію, въ іюнѣ передъ войной. Университетъ давалъ тогда докторскіе дипломы англійскимъ и иностраннымъ знаменитымъ людямъ.

Торжественно было, собственно, внизу, гдѣ сидѣли и стояли магистры и доктора въ ученыхъ черныхъ мантияхъ, подбитыхъ малиновымъ шелкомъ. Тамъ сѣдой, малый ростомъ магистръ на тяжеловѣсномъ, кудреватомъ, пышномъ латинскомъ языкѣ восхвалялъ заслуги новыхъ докторовъ. Одни изъ нихъ плохо сдерживали растерянную улыбку, другіе стояли неподвижно, какъ солдаты на часахъ. Иные изъ этихъ почетныхъ докторовъ, отличившіеся, какъ знаменитые инженеры, полководцы или политическіе дѣятели, — не понимали ни звука изъ кудреватой и длинной латинской рѣчи. Они слышали только время отъ времени свою фамилію съ латинскимъ окончаніемъ и невольно поднимали брови.

Внизу все было торжественно. А вверху, на хорахъ, гдѣ находились студенты, было шумно и весело. Энценія — ихъ день. По обычаю освященному вѣками, студенты во время энценіи могутъ критиковать, какъ хотятъ, все происходящее внизу въ залѣ. И они бросали крылатые замѣчанія по адресу профессоровъ и педелей, сидѣвшихъ внизу, совѣтовали открыть окна, чтобы провѣтрить залъ отъ тухлой латыни, рекомендовали оратору латинскую грамматику, свистали и принимались пѣть сатирическіе куплеты, сложенные много вѣковъ назадъ, но подновляемые

ежегодно. Во время энциеніи все разрѣшается, какъ въ древнемъ Римѣ, въ дни сатурналій. Сѣдые доктора и лысые магистры, неподвижно засѣдавшіе внизу съ важностью римскихъ сенаторовъ, безъ сомнѣнія вспоминали, какъ они сами, сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ назадъ, отличались на тѣхъ же хорахъ.

— Boys are boys! — вѣроятно, думали серьезные, важные доктора и магистры, изъ которыхъ многіе извѣстны грамотнымъ людямъ всего міра.

Съ тѣхъ поръ, какъ началась война, шумныя, веселыя энциеніи стали достояніемъ прошлаго. Какъ только началась война, студенты записались въ волонтеры. Болѣе молодые «доны», т. е. приватъ-доценты и магистры тоже замѣнили ученую мантию солдатскимъ мундиромъ. Тысячи молодыхъ людей свиставшихъ или пѣвшихъ когда то на хорахъ театра, теперь лежатъ въ невѣдомыхъ могилахъ въ Галиполи, въ болотахъ Фландріи или въ виноградникахъ Шампани. Тысячи другихъ возвратились калѣками безъ рукъ, безъ ногъ или безъ глазъ.

Близится день, когда съ незапамятныхъ временъ въ Оксбриджѣ послѣ заката происходятъ великія столкновенія между студентами и горожанами, между gown and town, какъ говорятъ здѣсь. Студенты устраиваютъ шумныя процессіи, вырядившись бабами, турками и клоунами. Горожане помоложе, у которыхъ чешутся кулаки, чтобы нанести удары и затылки, чтобы получить затрещины, — нападаютъ на процессію. Студенты зовутъ подмогу изъ университета. Gown (ученая мантия побѣждаетъ, town (горожанъ). Town чувствуя, что дѣло плохо, зоветъ на помощь блюстителя порядка, — бобби. Если побѣждаетъ «town», — «gown» спасается бѣгствомъ. Если верхъ одерживаетъ gown, то студенты берутъ въ плѣнъ представителя исполнительной власти и насильно рядятъ его въ бабій чепецъ да въ юбку. Затѣмъ побѣдители ведутъ хранителя порядка, какъ нѣкогда влекли плѣнныхъ царей, закованныхъ въ золотыя цѣпи. Плѣнненнаго ведутъ, впрочемъ, не въ темницу, а въ портерную, гдѣ вся

горечь пораженія растворяется многочисленными кружками эля и «стаута».

Эти столкновения между town и gown представляют собою далекое отраженіе того времени, когда свободная городская корпорація, жившая самостоятельной жизнью уже въ VII вѣкѣ, протестовала, какъ умѣла, противъ застывшей, самодовольной монашеской науки, чуждой жизни, но готовой преслѣдовать всѣхъ инакомыслящихъ. Монахи всѣхъ орденовъ хлынули въ XIII вѣкѣ въ Оксбриджъ, чтобы захватить въ свои руки умы учащейся молодежи. Сперва пришли Доминиканцы, потомъ Францисканцы, потомъ Кармелиты, затѣмъ Бенедиктинцы. Горожане, привыкшіе къ свободѣ, ненавидѣли самодовольныхъ, нетерпимыхъ метафизиковъ, стремившихся къ господству. Въ XIV вѣкѣ произошло большое сраженіе между городскими корпораціями и университетомъ. Gown and town являются далекимъ отзвукомъ этого столкновения, хотя острая вражда между городомъ и университетомъ уже давно умерла.

Петръ Андреевичъ думалъ про то, что въ этомъ году, какъ и въ послѣдніе три года, не будетъ столкновения между town and gown. Корпораціи и университетъ вмѣстѣ сражаются теперь противъ общаго врага или вмѣстѣ лежатъ въ братской могилѣ.

Съ High street Божко свернуть къ рѣкѣ, обросшей ветлами.

Онъ вошелъ въ аллею изъ высокихъ, старинныхъ вязовъ. Въ обычное время на рѣкѣ можно видѣть длинныя гички, которымъ шесть весель, поднимающихся одновременно, придаютъ видъ проворныхъ водяныхъ жуковъ. То упражняются студенты, которые будутъ участвовать въ «боѣ голубыхъ» на Темзѣ, т. е. въ состязаніи между двумя старинными университетами. Подъ вѣковыми вязами и по лугу, который извѣстенъ у студентовъ подъ названіемъ Месопотамія, въ нормальное время гуляютъ важные «доны», обдумывающіе лекціи или работающіе студенты. Подъ этими вѣковыми вязами и въ Месопотаміи зародились великія произведенія, оставшіяся вѣчнымъ памятникомъ

не только въ англійской, но и въ міровой литературѣ и наукъ. Здѣсь въ головѣ гуляющихъ сверкнули первой зарницей мысли, которыя въ послѣдствіи были разработаны и претворены въ Парламентѣ въ законы, измѣнившіе характеръ страны.

Рѣка была пустынна; подъ вязами и на лугу тоже никого не было.

— Оксбриджскій университетъ всегда старался гипнотизировать мысль студентовъ, а между тѣмъ отсюда вышло столько талантливыхъ и оригинальныхъ ученыхъ, писателей, поэтовъ и государственныхъ дѣятелей, — думаетъ Божко. И онъ прибавилъ мысленно: «Они всѣ стали оригинальными, когда отдѣлались отъ гипноза. Великій университетъ во всякомъ случаѣ, научить ихъ одному».

И Петръ Андреевичъ вспомнилъ громаднѣйшій памятникъ на маленькой площади, обстроенной старинными зданіями, мимо котораго прошелъ, прежде чѣмъ свернуть къ рѣкѣ. Триста пятьдесятъ лѣтъ назадъ тамъ сложенъ былъ громаднѣйшій костеръ, на который люди, думавшіе, что овладѣли абсолютной истиной, выраженной въ одной метафизической формулѣ, возвели двухъ докторовъ богословія, отстаивавшихъ свободу мысли и критики. И когда поднесенъ былъ факель къ костру, то старшій осужденный, чтобы ободрить ослабѣвшаго духомъ товарища, крикнулъ ему: «Мужайся, магистръ Ридли! Съ Божьей помощью, мы засвѣтили въ Англіи сегодня огонь, что ни одинъ вѣтеръ не задуетъ».

Божко видѣлъ въ оксбриджской университетской библіотекѣ счетъ, представленный судебнымъ приставомъ послѣ сожженія двухъ докторовъ, усомнившихся въ томъ, что истина формулирована разъ навсегда. Счетъ этотъ, представляющій собою оправдательный документъ, составленъ такъ:

Сто вязанокъ хворосту ..	6 шил. 8 пенсовъ.
Сто пятьдесятъ вязанокъ дрока ..	3 шил. 4 пенса.
Доставка ихъ на мѣсто ..	— 8 пенсовъ.
Двумъ работникамъ ..	1 шил. 4 пенса.
Всего ..	12 шилинговъ.

Теперь попытка къ гипнозу осталась въ Оксбриджѣ; но памятникъ означаетъ, что здѣсь научились чтить свободу мнѣнія. Старинный университетъ учить — этому уваженію, Имѣя передъ собою памятникъ казненныхъ, университетъ внушаетъ ненависть ко всѣмъ преслѣдующимъ за мнѣніе, какъ бы они ни назывались.

III.

Въ пустынной аллеѣ показались гуляющіе: молодая дама и высокій солдатъ съ бѣлой лентой на околышѣ фуражки. Такую ленту носятъ въ Англіи нижніе чины, представленные къ производству въ офицеры и проходящіе специальный предварительный курсъ. И когда одинокіе гуляющіе подошли ближе, Божко узналъ даму. То была дѣвушка лѣтъ тридцати, блѣдая, съ большимъ нависшимъ лбомъ. Самое замѣчательное на этомъ лицѣ были блестящіе голубые глаза, устремленные куда то далеко на предметъ, невидимый другимъ. Затѣмъ, не менѣ чѣмъ глаза, обращалъ вниманіе рѣшительный, рѣзко очерченный, красивый ротъ.

Франциска Гомалецкая, полька изъ Вильны, волею тѣхъ же судебъ, которыя бросили Гара въ Бразилію, стала лекторомъ въ одномъ изъ колледжей Оксбриджскаго университета. Гомалецкая была молода, но успѣла уже зарекомендовать себя такими серьезными работами, что никого не удивило предоставленіе кафедръ женщинѣ и иностранкѣ въ одномъ изъ наиболѣе консервативныхъ колледжей. Специальностью Гомалецкой была антропология, а въ особенности изученіе человѣка того отдаленнаго періода, который наступилъ въ промежуткѣ между двумя надвиганіями льдовъ на нынѣшнюю южную Англію. Гомалецкая обладала рѣдкимъ качествомъ настоящаго ученаго: тѣмъ, что Тиндаль называетъ научнымъ воображеніемъ. Это качество, при отсутствіи котораго ученый представляетъ собою только кропотливаго составителя монографій, придавало большую увлекательность работамъ Гомалецкой. Читатель видѣтъ передъ собою

тотъ періодъ, когда вмѣсто Ламанша была обильно орошенная равнина, покрытая роскошной растительностью. По этой равнинѣ бродили стада мамонтовъ, туровъ, лосей, шерстоволосыхъ носороговъ и гигантскихъ оленей, за которыми слѣдовали пещерные дьвы, медвѣди, гіены, волки и саблезубые тигры, оставившіе потомъ свои кости въ Кентской пещерѣ. Въ числѣ этихъ охотниковъ былъ и человѣкъ. Гомалецкая описала культуру этого современника мамонта. Въ пещерахъ подъ известковымъ покровомъ найдены наконечники копій, подобіе луковъ изъ оленьяго рога и украшенный рѣзьбой жезлъ начальника, или *bâton de commandement*, по терминологіи французскихъ антропологовъ.

— Здравствуйте, Божко, — сказала Гомалецкая, узнавъ Петра Андреевича. Они были пріятели и переписывались по разнымъ вопросамъ. — Я вамъ представлю мистера Тутанге Ваіонуя.

Божко обмѣнялся рукопожатіемъ съ солдатомъ, удивляясь какой національности онъ можетъ быть. Лицо у него было мѣдно-красное, съ орлинымъ носомъ и толстыми губами. По англійски Тутанге Ваіонуя говоритъ очень хорошо, но повидимому кое-какія согласныя выговаривалъ съ нѣкоторымъ трудомъ, какъ французы буквы —х, а нѣмцы букву —ж. Солдатъ, впрочемъ, скоро сталъ прощаться.

— Странная фамилія, — сказалъ Божко, когда Тутанге Ваіонуя ушелъ. Гомалецкая и Божко присѣли на берегу. Разговоръ продолжался по русски, на которомъ Гомалецкая говорила хорошо, хотя съ нѣкоторымъ акцентомъ.

— Онъ — маори изъ Новой Зеландіи. Недавно еще Тутанге Ваіонуя былъ моимъ слушателемъ. Очень работающій и способный молодой человѣкъ. Война унесла его, какъ и другихъ моихъ слушателей. Тутанге Ваіонуя — вполне европеецъ и, насколько я знаю, очень добрый, воспитанный юноша. Отецъ его, — вождь клана, татуированъ весь, а дѣдъ, скончавшійся только въ прошломъ году, участвовалъ въ экспедиціяхъ, чтобы достать *кико-тангато*.

— Что такое? — спросил Божко.

— Кико-тангата значить «сладкое человеческое мясо». Дѣдъ разсказывалъ внуку, что «пакеа» т. е. бѣлые, «горьки» и воняють табакомъ. Зато маори — сладки и представляютъ собою настоящую пищу-достойную воиновъ. Дѣдъ участвовалъ въ пиршествѣ, когда маори съѣли двухъ англійскихъ матросовъ съ брига, потерпѣвшаго въ началѣ шестидесятыхъ годовъ крушеніе у Китоваго острова.

— Неужели въ началѣ шестидесятыхъ годовъ маори были еще людоедами?

— Даже позже. Въ 1869 году въ Новой Зеландіи происходила, такъ называемая, Раугауская война. То было послѣднее возстаніе маори противъ англичанъ. И когда англичане потерпѣли пораженіе близъ Таранаки, всѣхъ плѣнныхъ съѣли.

Дѣдъ Тутанге Ваіонуя, — въ свое время знаменитый вождь, объяснялъ внуку, что хорошая человѣчина «еще слаже свинины». — Затѣмъ, съ обстоятельностью антрополога и этнографа, Гомалецкая прибавила: Приготовленное мясо подавалось воинамъ въ льяняныхъ мѣшкахъ. Приправой служилъ картофель и *кумара*. Я думаю, что въ Новой Зеландіи еще живы старые воины, объѣдавшіеся *кико-тангата* (сладкой человѣчиной). Внуку людоеда мягкій человѣкъ, вполне культуральный (Гомалецкая хотѣла сказать культурный) и будущій ученый, если бѣднягу не убьютъ на войнѣ. Смотрите, что онъ оставилъ мнѣ.

Гомалецкая подала Божко нумеръ отпечатанной газеты на маорійскомъ языкѣ. «Раки о Матарики», — прочиталъ Петръ Андреевичъ. Изъ англійской надписи Божко узналъ, что газета выходитъ въ Маунгакавѣ, въ Новой Зеландіи. Надъ заголовкомъ была виньетка, изображавшая двухъ татуированныхъ двуногихъ чудовищъ съ длинными клыками и съ рогами. Эти чудовища протянули руки къ созвѣздію Южнаго креста. Газета, какъ и всѣ еженедѣльные новозеландскія изданія, представляла собою большую и довольно толстую тетрадь. Божко началъ перелистывать ее.

Гомалецкая задумалась и стала насвистывать какую-то арию.

Между статьями и короткими замѣтками Божко нашель нѣсколько стихотвореній съ подстрочнымъ англійскимъ переводомъ. Изъ примѣчанія на англійскомъ языкѣ было видно, что это—новыя народныя пѣсни маори. Творчество этого народа не прекращается до настоящаго времени. Божко остановился на одной пѣснѣ, сложенной дѣвушками въ Вангануи.

«Увы! Слезы изъ глазъ моихъ текутъ ручьями. Мои вздохи подобны волнамъ прибоя на морскомъ берегу. Увы!

«Я сажу одна подъ моимъ деревомъ *рата* и тоскливо гляжу, не отрывая глазъ, на длинный морской берегъ. Увы!

«Мои плачущіе глаза подобны завядшимъ цвѣткамъ льна. Подуть вѣтеръ, и дождемъ падаютъ на землю цвѣтки. Увы!

«Я подобно листьямъ тростника *виви*. Также какъ они я дрожу и трепещу. Отъ любви моей я дрожу такъ. Увы!

«Увы! нѣкогда любовь была моей вѣрной подругой. Она убаюкивала меня. И тогда духъ моей любви присоединился ко мнѣ въ странѣ сновъ».

— Если можно судить по пѣснямъ, то внучки людоедовъ изъ Вангануи чувствуютъ сильнѣе, чѣмъ наши фабричныя, сложившія частушку. «Дайте ножикъ, дайте вилку, я зарѣжу маво милку!»—съ грустью сказала Божко, возвращая Гомалецкой газету.

— Мнѣ смѣшно, когда говорятъ, что національный характеръ, — нѣчто неизмѣнное отъ вѣка, какъ приливъ и отливъ, — замѣтила Гомалецкая. — На подобномъ утвержденіи пробуютъ теперь создать политику, которая ничего кромѣ горя, человѣчеству не можетъ дать.

Гомалецкая опять задумалась и начала насвистывать. Во время разговора съ кѣмъ нибудь она всегда слѣдовала за опредѣленной мыслью, какъ за невидимымъ поводыремъ. И когда Гомалецкая не вполне ясно видѣла движенія поводыря, она принималась насвистывать.

— Въ жизни челоѣка мѣсто его рожденія имѣть мало значенія, — продолжала Гомалецкая. — Каждый рождается тамъ, гдѣ можетъ и гдѣ ему даютъ возможность родиться, — говорятъ испанцы. Мѣсто рожденія еще не формируетъ характера. Наша дѣйствительная родина тамъ, гдѣ мы нашли душу, гдѣ мы научились говорить, координировать мысли при помощи словъ и тамъ, гдѣ мы приобщились къ существующимъ традиціямъ. Тутанге Ваіонуя, внукъ людѣда, — англійскій джентльменъ и будущій европейскій ученый. Въ другомъ колледжѣ я знаю трехъ краснокожихъ. Они тоже сыновья вождей. Дѣды ихъ, а можетъ быть и отцы, сдирали скальпы и плясали вокругъ плѣнниковъ, привязанныхъ къ столбамъ.

Тѣ краснокожіе, которыхъ я знаю, воспитанные, хорошіе, серьезные молодые люди, думающіе объ ученой карьерѣ. Школа и существующая культура шлифуютъ въ самое короткое время наиболѣе упорныя національныя черты.

Гомалецкая опять начала насвистывать. Ея голубые глаза, устремились куда то въ пространство, какъ будто желая разглядѣть мельчайшія черты поводаря.

Божко думалъ о характерѣ «пустынножителей», сложившемся внѣ зависимости отъ національныхъ чертъ. Аскеты четвертаго вѣка, явившіеся изъ Ливійской пустыни совершенно тождественны кеновитамъ двадцатаго вѣка, вышедшимъ изъ «келій» въ Каружѣ или на улицѣ Муфтаръ.

Петръ Андреевичъ, взглянувъ на часы убѣдился, что пора идти къ профессору Трепетову. Гомалецкая только тогда спросила Божко, что собственно онъ дѣлаетъ въ Оксбриджѣ. Она была такъ разсѣяна и такъ всегда поглощена созерцаніемъ своего поводаря, что не всегда замѣчала окружающія явленія.

Такъ какъ Божко хорошо относился къ Гомалецкой и высоко цѣнилъ ея умъ и характеръ, то сжато, но вполне обстоятельно объяснилъ причину пріѣзда.

— Да! Задумчиво сказала Гомалецкая. — Народность можетъ быть иногда разсѣчена на нѣсколько частей. Онѣ опять срастутся, какъ руки и ноги разрублен-

наго сказочнаго богатыря; но раздѣленной народности предстоятъ великія испытанія. Въ особенности, велики они будутъ, если люди по фанатизму, по нѣвѣжеству или вслѣдствіе недобросовѣстности начнутъ прививать массамъ неправильныя идеи узкаго націонализма. Эти идеи подобны нѣкоторымъ ядамъ, о которыхъ иные врачи говорятъ, что въ ничтожномъ количествѣ они могутъ дѣйствовать, какъ тоническое средство. Многіе авторитеты оспариваютъ это. Они говорятъ, что ядъ всегда вреденъ, хотя бы тѣмъ, что пріучаетъ организмъ къ большимъ дозамъ. Но безусловно всѣ врачи признаютъ, что нѣсколько болѣе сильный пріемъ яда убьетъ организмъ. Узкій націонализмъ, какъ основная политика народа, это — попытка кормить цѣлую страну только ядомъ.

Голубые глаза Гомалецкой опять вперились въ пространство. Она начала насвистывать. Разсталась Гомалецкая съ Божко у дома профессора Трепетова.

IV.

Петра Андреевича встрѣтилъ высокій, округлившійся, представительный пожилой мужчина лѣтъ 55. Черные волосы и борода почти совершенно посѣдѣли. Умные глаза, блестящіе изъ подъ очковъ, выражали усталость. Илья Сергѣевичъ Трепетовъ былъ ученый, хорошо извѣстный въ Россіи, раньше чѣмъ о немъ узнали въ Англіи. Онъ много лѣтъ былъ профессоромъ одного изъ лучшихъ русскихъ университетовъ. Взгляды Трепетова были очень умѣренны, но такъ какъ онъ держался независимо, то министры народнаго просвѣщенія признавали его опаснымъ радикаломъ. И кончилось тѣмъ, что Трепетовъ не могъ оставаться болѣе въ университетѣ, хотя специальность профессора какъ будто, не должна была пугать правительство. Онъ былъ не экономистъ, а историкъ литературы.

Трепетовъ обратилъ уже на себя вниманіе магистерской работой, посвященной англійскимъ раціоналистамъ, у которыхъ учились энциклопедисты. То была замѣчательная картина умственнаго пробужденія Ан-

глии послѣ пуританъ. За этой работой послѣдовала другая изъ той же эпохи. Трепетовъ желалъ дать изслѣдованіе нравовъ и взялъ центральной фигурой Афру Бенъ, замѣчательную писательницу и безчестную, безнравственную женщину, бравшую деньги, какъ авторъ, какъ шпионъ и какъ куртизанка. Она создала самыя безнравственныя пьесы и самыя гуманные англійскіе романы XVIII вѣка. Въ одномъ изъ нихъ *Оринку* она на сто лѣтъ опередила Бичеръ Стоу. Когда работы Трепетова стали извѣстны въ Англіи, его пригласили въ Оксбриджскій университетъ.

— Очень радъ васъ видѣть, Петръ Андреевичъ, — началъ Трепетовъ. Бесѣда происходила въ кабинетѣ, уставленномъ открытыми шкафами съ книгами. Синіе, красные, зеленые, желтые и черные корешки казались мундирами разнаго рода солдатъ, выстроенныхъ на парадѣ. На большомъ письменномъ столѣ лежала очевидно только что оставленная работа. Рукопись обрывалась на полустрочкѣ, а самопишущее перо лежало рядомъ безъ колпачка. Профессоръ Трепетовъ работалъ много не только для своихъ лекцій.

— Я только что получилъ съ оказіей пачку русскихъ газетъ, — началъ Трепетовъ. Голосъ у него по росту былъ до странности тонкій, почти женскій. — Прямо гипнозъ какой то происходитъ тамъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ у насъ появились беллетристы и публицисты, пытавшіеся доказать, что свобода это — право на озорство всякаго рода. Теперь озорники выступаютъ государственными дѣятелями. У Щедрина есть герой, понимающій свободу, какъ разрѣшеніе ему всѣхъ бить по сусаламъ. Теперь политическіе озорники учатся государственному праву у этого щедринскаго героя. Прежде Россію мучили Аракчеевы изъ сдаточныхъ, а теперь Аракчеевы изъ портновскихъ учениковъ.

Трепетовъ говорилъ, нѣсколько растягивая слова. Тонъ его женскаго голоса показывалъ, что профессоръ, хотя и держался скромно, но цѣну себѣ зналъ и привыкъ, чтобы его слушали. Затѣмъ профессоръ

Трепетовъ сказать, что исторія повторяется. При одинаковыхъ условіяхъ наблюдаются тѣ же явленія, все равно происходитъ ли дѣйствіе «въ Сарматіи или въ Тимбукту», «въ двадцатомъ ли столѣтіи или за пять вѣковъ до Рождества Христова».

— Вы помните ли *Всадниковъ* Аристофана, — продолжать профессоръ Трепетовъ. — Пьеса эта написана въ 434 году до Р. Х. Въ ней выводится старый, глухой, прозорливый, раздражительный и болтливый хозяинъ Демось, назначающій своимъ управляющимъ большого плута, парфлагоніянина, извѣстнаго своимъ невѣжествомъ. Парфлагоніанинъ забралъ въ руки хозяина, такъ какъ умѣетъ льстить ему и всегда съ нимъ соглашается. И вотъ на сцену является другой плутъ, колбасникъ. Его убѣждаютъ занять мѣсто парфлагоніянина. «Ты будешь по своей волѣ вершать дѣла на рынкѣ, въ гаваняхъ и въ судахъ. Сенатъ будетъ у твоихъ ногъ. Ты будешь обижать и сажать въ тюрьму, кого захочешь, даже полководцевъ»... Ты невѣжественъ и грубъ, зато вышелъ изъ массъ. Вотъ все что требуется... Ты, значить, рожденъ, чтобы управлять. У тебя много данныхъ для этого: громкій голосъ, безстыдство въ рѣчахъ, и умѣнье дурачить словами. Повѣрь мнѣ, большихъ достоинствъ не надобно... Принеси же скорѣе жертву богу безумія». Развѣ это только характеристика аѳинскихъ демагоговъ, жившихъ за пять вѣковъ до Рождества Христова? Въ комедіи Аристофана невѣжественный колбасникъ становится вершителемъ судебъ Аѳинской республики. Въ XX вѣкѣ назначаютъ полуграмотнаго глупаго портновскаго ученика товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, а комивояжера, скрывающаго свое имя, посломъ.

Божко слушать и смотрѣлъ на сѣтъ вздувшихся вѣнь на вискѣ профессора.

— У тебя бѣдняга склерозъ, — думалъ Петръ Андреевичъ.

Профессоръ Трепетовъ вдругъ замолкъ и взглянулъ на часы.

— Поговоримъ о дѣлѣ, о которомъ вы писали мнѣ, — сказалъ онъ.

Петръ Андреевичъ началъ рассказывать о совѣщаніи у Телепень-Окуневскаго и о комитетѣ. Еще черезъ десять минутъ Божко убѣдился, что ѣхать въ Оксбриджъ было совершенно бесполезно. Профессоръ Трепетовъ очень талантливый ученый и, безъ сомнѣнія, благородный человѣкъ, но онъ такъ же мало, какъ и другіе, зналъ, что надо дѣлать. — Онъ говорилъ, правда, «что необходимо увеличить силу сопротивленія Демоса гипнозу» и что надо «научить его критически относиться къ новымъ парфлагоніанамъ», но могъ приводить только примѣры изъ исторіи и исторіи литературы. Профессоръ Трепетовъ, какъ убѣдился Божко, былъ незамѣнимъ на кафедрѣ или въ рабочемъ кабинетѣ, но наводненіе загнало его «на массарандубу», какъ и остальныхъ «кугуаровъ» и «агути», о которыхъ говорилъ Егоръ Лукичъ Гарь.

V.

Божко возвращался въ Лондонъ. Результатомъ переговоровъ съ профессоромъ Трепетовымъ было отчетливое сознаніе, что комитетъ ничего не сдѣлаетъ и не можетъ сдѣлать.

— Мы, русскіе интеллигенты, быть можетъ, и хорошіе люди, способные на всякія жертвы, но никому никакого активнаго сопротивленія не можемъ оказать, — думалъ Божко. — Изъ насъ уже давно извлекли становой хребетъ. Мы напоминаемъ марсіанъ изъ фантастическаго романа Уэльса «Борьба міровъ»; но обитатели Марса, состоявшіе только изъ мозга, умѣли приспособить металлическія руки и ноги, тогда какъ русскіе интеллигенты совершенно безпомощны, когда приходится дѣйствовать. Оттого испоконъ вѣковъ насъ голыми руками берутъ озорники всякаго рода. Сперва то были озорники въ мундирахъ, слѣдовавшіе за царями, а потомъ озорники безъ мундировъ, валомъ валящіе за пустынножителями... Русскіе интеллигенты презирали все земное. Даже на собственную шкуру они смотрѣли, какъ на нѣчто грѣховное и успокаивались только, когда спускали ее

въ тюрьмѣ или въ ссылкѣ. Теперь озорники имъ кричать: «Вы всегда думали только о себѣ». Любопытнѣе всего, что русскіе интеллигенты готовы повѣрить этому!

Небо сплошь обложилось тучами. Когда поѣздъ миновать Ридингъ, пошелъ дождь. Капли его бороздили стекла косыми пунктирными линіями. Разойтись дождю мѣшала вѣтеръ, который все усиливался, судя по качавшимся вершинамъ деревьевъ. Въ поляхъ работали. Видны были издали женщины, сидѣвшія на громадныхъ тракторахъ, напоминавшихъ формой своей гигантскихъ динозавровъ. И припоминались средневѣковыя легенды про далекія страны, гдѣ дѣвушки укрощаютъ драконовъ и развѣзжаютъ на нихъ. Вотъ поѣздъ пробѣжалъ мимо фермы, стоявшей у самой дороги. На мгновеніе мелькнули: странное зданіе съ загнутой трубой, похожее на громадный рожокъ съ нюхательнымъ табакомъ, обсаженный ветлами прудъ съ плескавшимися утками и дѣвушка въ высокихъ гетрахъ, въ блузѣ съ карманами и въ заломленной шляпѣ. Дѣвушка давала кормъ поросенкамъ, тѣснившимся у корыта, и, повидимому, убѣждала ихъ вести себя прилично. Все это мелькнуло и исчезло.

Божко смотрѣлъ въ окно и мысли его разсыпались, какъ кубики, изъ которыхъ составлена необыкновенно сложная картина. Сознаніе не работало. Но вотъ кубики опять начали складываться. Сперва стали вспыхивать въ сознаніи отдѣльныя слова, которыя Божко часто слышалъ сегодня. «Гипнозъ», «озорники...». Потомъ каждое слово начало обростать образомъ. Выплывали изъ тайниковъ памяти отдѣльныя сцены, которыя Божко наблюдалъ много лѣтъ назадъ.

«Гипнозъ». По ассоціаціи явилось воспоминаніе о «великомъ Онофровѣ». То было три года назадъ. Божко дожидаясь въ Барселонѣ парохода въ Пальму. И въ одинъ вечеръ, когда Петръ Андреевичъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ собою, онъ просматривая *El Imparcial*, нашелъ объявленіе о представленіи гипнотизера великаго Онофрова, *El gran Onofroff*

въ грань театро дель Лисео. Божко поѣхалъ въ чрезвычайно грязный театръ, напоминавшій сарай. Публика явилась въ ложи и кресла съ запасами: съ фруктами, хлѣбомъ, колбасой и бутылками вина, заткнутыми пробками изъ газетной бумаги. Когда выступали на сценѣ какіе то transformistas и во время антрактовъ, публика закусывала и выпивала. Питье и ѣда были забыты, когда появился El gran Onofroff.

Такихъ опытовъ гипнотизма Божко никогда не видѣлъ, хотя знать, что они производятся въ госпиталихъ.

Конечно, ни въ одной странѣ, кромѣ какъ въ Испаніи, было бы немыслимо всенародное демонстрированіе людей, потерявшихъ свое я. Божко сидѣлъ въ первомъ ряду и хорошо видѣлъ гипнотизера. Объяснялся великій Онофровъ по испански безъ всякаго акцента; волосомъ быть черенъ; но глаза имѣлъ голубые, холодные, сверкающіе. El gran Onofroff вызывать на сцену желающихъ подвергнуться опытамъ. Вышло челоуѣкъ восемьдесятъ. Тутъ были пожилые и мальчики, люди среднихъ классовъ и «chulas» (апаши) съ надвинутыми на ухо каскетками, въ панталонахъ, подвязанныхъ широкими, цвѣтными поясами. Тутъ были бѣлые, мулаты и негры. Этихъ, впрочемъ, El gran Onofroff забраковалъ, какъ совершенно не поддающихся гипнозу. El gran Onofroff отдѣлилъ тѣхъ, которые оказались воспріимчивыми. Было ихъ челоуѣкъ шестьдесятъ. Онъ ихъ усадилъ. Затѣмъ какъ то поразительно быстро усыпилъ всѣхъ. Сперва онъ вызывалъ отдѣльныхъ усыпленныхъ, которыми втыкалъ въ тѣло иглы, жегъ горящей бумагой и ставилъ въ самыя невозможныя позы. Затѣмъ онъ внушилъ всѣмъ усыпленнымъ, что на нихъ напали отвратительныя громадныя насѣкомыя. Сцена театра превратилась въ палату для бѣсноватыхъ. Загипнотизированные катались по полу и чесались съ ожесточеніемъ. Курчавый, круглоголовый мужчина лѣтъ тридцати въ синей полотняной курткѣ, сбросилъ сапоги, завернулъ штанину и подштанники, завязанные тесемками, оголить махнату ю ногу до колѣна и съ остер-

вѣнніемъ драть ногтями кожу до крови. Дюжій губастый носильщикъ рычалъ и корчился отъ боли, затѣмъ сорвалъ куртку и жилетъ. Онъ собирался было снять и пантолоны, но El grau Onofroff разбудилъ его. И загипнотизированный стоять съ минуту, выпучивъ глаза, не понимая, какъ онъ, раздѣтый, очутился передъ громадной публикой. Затѣмъ, когда сообразилъ, подхватилъ сброшенное платье и убѣжалъ за кулисы. Два «chulos» раззулись и, держа въ рукахъ башмаки, подбитые большими гвоздями, ползкомъ, съ свирѣпыми лицами, гнались за невидимыми насѣкомыми, чтобы прихлопнуть ихъ. Одинъ изъ этихъ парней доползъ до края сцены и свалился въ оркестръ. Съдой старикъ и два мальчика, что было силы, хлопали себя ладонями, чтобы убить своихъ мучителей.

Вотъ какое воспоминаніе обросло вокругъ слова *гипнозъ*, вспыхнувшего въ сознаніи Петра Андреевича.

«El grau Onofroff внушилъ при помощи гипноза людямъ, что они бѣсноватые — думалъ Божко. — Кто же внушаетъ бѣсноватымъ, что они здоровые люди? Какъ это случается, что они становятся вождами?»

— «Озорники». «Озорство...» Мелькнуло въ сознаніи Божко другое слово, часто повторявшееся сегодня. И опять слово начало обростать воспоминаніемъ. То случилось много лѣтъ назадъ, во время парижской выставки 1900 года. Божко былъ у Соколова, только что пріѣхавшаго въ Парижъ изъ Россіи съ молодой женой. Съ Соколовымъ Петръ Андреевичъ былъ въ ссылкѣ. Пришелъ еще бывший товарищъ по ссылкѣ Кругляковъ, успѣвшій уже выдвинуться въ литературѣ подъ псевдонимомъ Дмитрій Рогозинъ. То былъ человѣкъ умный, образованный, даже талантливый, но сконцентрировавшій все вниманіе на томъ, чтобы схватить самое послѣднее новое слово. И странно было Петру Андреевичу читать въ газетахъ, что Дмитрій Рогозинъ выступаетъ въ Петербургѣ на литературныхъ собраніяхъ (тогда другихъ митинговъ въ Россіи еще не было) съ стихами, воспѣвавшими экономическій матеріализмъ или философію «чего

моя лѣвая нога хочетъ», которую въ то время совершенно искренно принимали за углубленное нищіанство. Петру Андреевичу было странно видѣть, какъ тридцати-пятилѣтній человѣкъ, учившійся многому, имѣвшій досугъ во время долгихъ полярныхъ ночей передумать о многомъ и добившійся своимъ талантомъ извѣстности, проповѣдуетъ упрощенное россійскимъ невѣжествомъ нищіанство, лишь бы не потерять популярности среди студентовъ перваго курса и гимназистокъ восьмого класса.

Дмитрій Рогозинъ пришелъ къ Соколову, молоденькая жена котораго привѣтила старыхъ товарищей мужа. Ей, пріѣхавшей изъ провинціи, пріятно было познакомиться съ Дмитріемъ Рогозинымъ, стихи и рассказы котораго хорошо знала. И вотъ Кругляковъ спокойно и добродушно обращается къ хозяину.

— Знаете, Соколовъ, я привезъ вамъ поклонъ отъ Натахи.

— Отъ какой Натахи? — растерялся Соколовъ.

— Какъ какой? Отъ Ципандинской, изъ Нижне-Колымска. Узнавъ, что я увижу васъ «въ Россіи», она мнѣ наказала кланяться и передать, что вашъ Кешка теперь уже ползаетъ.

— Это наконецъ, глупо, Кругляковъ, сказалъ опѣшившій Соколовъ. — Никакой Натахи и никакого Кешку я не знаю.

На лицѣ молоденькой жены Соколова отразилось страданіе, негодованіе и страхъ. Ея наивные голубые глазки наполнились слезами. Она выбѣжала въ другую комнату, и Соколовъ пошелъ къ женѣ.

Совершенно сраженный Божко съ изумленіемъ смотрѣлъ на Круглякова, который, изобразивъ на своемъ широкомъ ртѣ съ толстыми губами сардоническую улыбку, старательно, по колымской привычкѣ, отъ которой еще не отсталъ, намазывалъ пальцемъ масло на хлѣбъ.

— Кругляковъ, зачѣмъ вы это сдѣлали? — спросилъ Божко.

— Ужасно люблю наплевать мѣщанамъ въ кубокъ ихъ счастья! — сентенціозно отвѣтилъ Кругляковъ. —

Моимъ плевкомъ я хочу сказать: «Мокрицы подкаменные! Вотъ цѣна вашему блаженству!

— Послушайте! Но вѣдь дѣйствительно у Соколова не было никакой Натахи, ни Кешки! Это фикція!

— Фикція? Но зато реальность кубокъ мѣщанскаго блаженства, въ который я наплевалъ.

Только потомъ Божко сообразить въ чемъ дѣло. Дмитрій Рагозинъ убѣдить себя, какъ и другіе тогда въ Петербургѣ, — что озорникъ и свободный человекъ—одно и тоже. Въ то время русскіе беллетристы усиленно рядили Кита Китыча и Ноздрева въ платье Ницше, увѣряя читателей, что «Не мѣщанинъ» непременно когонибудь бьетъ или такъ аттестуетъ себя: «Если я захочу погасить солнце, такъ влѣзу на крышу и буду дуть на него, пока не испущу послѣдняго дыханья». И все хотѣли лѣзть на крышу, чтобы оттуда своимъ мощнымъ дыханьемъ задуть солнце.

VI.

Дождь прекратился. По тому какъ гнулись вершины вязовъ и буковъ Божко видѣлъ, что вѣтеръ усиливается.

— Совсѣмъ драконъ, — подумать Божко при видѣ длинной тучи. — А эта горбатая, съ щетинистымъ хребтомъ, точно бронтозавръ.

Повидимому, вѣтеръ усилился, такъ какъ драконы и бронтозавры быстро мѣняли форму.

Старому словеснику припоминались образы, сложенные въ незапамятныя времена.

Впереди мчится на гигантскомъ вопрѣ огнекудрый Рудра. За нимъ съ гикомъ, воемъ и свистомъ бѣгутъ Индра и Маруты, составляющіе его свиту. Они въ золотыхъ шлемахъ и панцыряхъ. Маруты потрясаютъ ослѣпительными огненными копьями. Отъ стремительнаго бѣга гремятъ доспѣхи и звенятъ золотыя запястья. И бряцанье гулко перекатывается по всей землѣ.

И выплыть въ сознаніи другой образъ. «Вѣтеръ гонитъ тучи», — думать Божко. — То съ орлинымъ клекотомъ стаей летятъ русокудрыя дѣвы, дикія, свобод-

ныя, прекрасныя и жестокия, такъ какъ въ груди у нихъ не сердце, а клубъ холоднаго тумана. Впереди самая прекрасная, самая жестокая и самая свободная — Аэлла. За нею, стараясь не отстать, мчатся Окипета, Никотоя, Окипода, Селена и Ахалая. Послѣ Гезіода, греческіе поэты придали двѣмъ воздуха больше безпричинной жестокости и русокудрыхъ красавицъ обратили въ свирѣпыхъ, отвратительныхъ, пачкающихъ все гарпій.

Аэлла ведетъ подругъ, какъ передовой журавль весь птичій ключъ во время перелета. Подруги быстры, но Аэлла обгоняетъ ихъ всѣхъ. Ея полетъ такъ стремителенъ, что даже боги могутъ уловить иногда только золотое облачко разметанныхъ кудрей. Аэлла неуловима. Она таетъ и превращается въ холодную, сѣрую тучу, какъ только на нее смотрять пристально.

И вотъ образы, обросшіе вокругъ отдѣльныхъ словъ, возникшихъ въ сознаніи Божко, начали складываться. Изъ отдѣльныхъ кубиковъ стала составляться цѣльная картина. И Божко думалъ такъ. — Человѣкъ сталъ разумнымъ существомъ, когда началъ приручать животныхъ. Чѣмъ больше онъ приручалъ ихъ, тѣмъ выше становилась культура. Палеолитическій человѣкъ приручилъ сперва только собаку, потомъ черезъ много вѣковъ, овцу, свинью, быка и лошадь. Затѣмъ, еще черезъ много десятковъ вѣковъ человѣкъ приручилъ силы природы, болѣе энергичныя, чѣмъ домашнія животныя, взятыя вмѣстѣ. Матеріальная культура является результатомъ прирученія животныхъ и силъ природы. Она развивается непрерывно и не знаетъ движеній назадъ, такъ какъ къ человѣку не являлись совѣтчики и не говорили ему: «Зачѣмъ ты приручаешь коня, быка и барана? Найди единороговъ, химеръ и грифоновъ. Приручай ихъ. Пусть они тебѣ служатъ.

Нравственное и гражданское развитіе общества зависитъ отъ *прирученія идей*. Чтобы общество прогрессировало; чтобы люди жили вмѣстѣ, не обижая другъ друга; чтобы насиліе исчезло въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку, класса къ классу и народа къ на-

роду, — необходимо приручить социальныя и моральныя идеи. Кромѣ прирученныхъ идей, человечеству необходимы, конечно, идеи другого порядка, дающія ему возможность мечтать. Эти идеи подобны выбѣгающимъ изъ лѣса съ буйнымъ крикомъ эвоа, прекраснымъ вакханкамъ, опьяненнымъ виномъ и страстью. Онѣ волнуютъ, ими любятъ, но никто не дѣлаетъ попытокъ превратить ихъ въ кухарокъ. Чѣмъ больше въ какомъ нибудь обществѣ прирученныхъ моральныхъ идей, тѣмъ выше и прекраснѣе его цивилизація; тѣмъ каждый индивидуумъ находитъ больше свободы выказать свое я, не мѣшая въ то же время развитію я у сосѣда. У самыхъ культурныхъ народовъ ужасно мало прирученныхъ идей. А между тѣмъ только онѣ содѣйствуютъ накопленію доброты въ обществѣ, то есть превращенію Калибана въ цивилизованнаго человѣка и внука людоеда Тутанге Ваіонуя въ воспитаннаго, скромнаго и мягкаго оксбриджскаго студента.

Трагедія человечества заключается въ томъ, что оно, несмотря на высокую матеріальную культуру, приручило ужасно мало социальныхъ и моральныхъ идей. Когда назрѣваетъ настоятельная необходимость въ прирученіи новой идеи, которая дала бы гражданамъ большую свободу и усилила ихъ представленіе о справедливости, этому процессу мѣшаютъ тѣ, которымъ прежнее положеніе дѣлать выгодно. Помѣха въ прирученіи идей создаетъ пустынножителей и кеновитовъ.

— Идеи, приручить которыя вы хотите, ничего не стоятъ, — говорятъ пустынножители массамъ. — Вонъ надъ вами вверху мчитъ Аэлла. Вамъ надобно приручить ее. Это дастъ вамъ счастье. Вы говорите, что Аэлла въ воздухѣ? Что она неуловима и таетъ, какъ только устремлять на нее взглядъ? Пустяки! Мы въ яшихъ келіяхъ нашли абсолютно вѣрныя заклинанія. Вы учитесь ихъ. Если заклинанія не дѣйствуютъ, то это потому лишь, что васъ окружаютъ люди, не желающіе, чтобы вы приручили Аэллу. Убивайте ихъ. Устраивайте имъ Варѣоломеевскую ночь. Чѣмъ больше будетъ труповъ, тѣмъ скорѣе Аэлла будетъ приручена.

Смерть также тѣмъ, которые сомнѣваются въ дѣйствительности нашихъ заклинаній. Смерть всѣмъ, предлагающимъ иныя заклинанія, чѣмъ мы!

Высоко въ облакахъ летаютъ неуловимыя, неукротимыя, тающія, если смотрѣть на нихъ, Аэлла, Окипета, Никотоя, Окитоя, Окипида, Селена, и Ахалая. Внизу, размахивая руками, съ воємъ мчатся пустынножителя. анохореты и кеновиты, выкликая свои заклинанія, перемѣшанные съ воплями ненависти. А за ними, вооруженные дубинами, бѣгутъ циркумцелліоны и обойденная, забитая, озлобленная долгимъ рабствомъ толпа. Гремятъ проклятія. Слышатся призывы къ убійствамъ. Трещать раздробленные черепа. Раздается хрипѣніе умирающихъ, послѣднія мгновенія которыхъ отравлены видѣніемъ гибели идеаловъ. Ибо эти люди отдали для блага массъ свою молодость, всѣ очарованія ея, все то, чѣмъ красна жизнь. Такъ было нѣсколько разъ въ исторіи на протяженіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Приобщеніе къ прирученной идеѣ превратило внука новозеландскаго людодѣда въ добраго человѣка. Попытка приручить Аэллу превращаетъ добродушныхъ людей въ канибаловъ.

Человѣчеству необходимо приручать все новыя и новыя идеи, иначе духъ его будетъ скованъ, такъ какъ прогрессъ ограничится только матеріальной культурой. Прирученіе новыхъ идей дѣло сложное и трудное; но чѣмъ больше совмѣстныхъ усилій общества требуется для такой работы, тѣмъ плодотворнѣе результаты. Эти идеи должны быть на землѣ, а не въ облакахъ. Приручать должно при помощи упорнаго труда, открыленнаго знаніемъ, а не декретами и не формулами изъ новѣйшихъ grimoires. Наконецъ за прирученіе могутъ взятыся граждане, а не пустынножители и, тѣмъ болѣе не циркумцелліоны.— Have all tickets ready, —*) крикнула дѣвушка въ мундирѣ кондуктора, появившись на подножкѣ у окна вагона. Поездъ подходилъ къ Лондону.

*) Приготовьте билеты.

VIII.

Симпозиумъ.

Ресторанъ *Vorticist*, что значитъ Вихровецъ, открылся передъ самой войной. Тогда досужіе классы въ Лондонѣ были въ поискахъ за оригинальнымъ, эксцентричнымъ, новымъ, порывающимъ совершенно съ пуританизмомъ. Этому слову придавалось такое же значеніе, какъ термину *мѣщанство* у насъ передъ революціей.

Чтобы угодить вкусамъ этихъ классовъ, англійскіе переводчики выискивали наиболѣе туманныя и пряныя произведенія, порожденныя полной оторванностью отъ жизни, отчаяньемъ безсилія и плѣномъ мысли. Вымышленные герои этихъ произведеній находили подражателей. Въ Лондонѣ возникали клубы сатанистовъ. Медіумовъ сажали за черныя бархатныя занавѣсы, на которыхъ вытканы были серебромъ словыя шишки. Затѣмъ тушили всѣ огни, курили белладонной и усыпляли медіумовъ. Изъ за занавѣса начинали доноситься глухія слова. То усыпленные сообщали, что они видѣли. Сперва *Maitre Léopard*, какъ называли они въ трансѣ сатану, являлся къ нимъ въ видѣ проворной векши съ рыжимъ пушистымъ хвостомъ. Потомъ векша превращалась въ дѣвушку изумительной красоты. Затѣмъ красавица обертывалась громаднымъ, страшнымъ чернымъ псомъ съ раскрытой, дымящейся пастью. Медіумъ начиналъ выть отъ страха, и тогда всѣ сатанисты, предупреж-

денные заранее что будетъ, принимались выкликать заклинанія, приведенныя въ средневѣковыхъ черныхъ книгахъ: «Vade in pace, princeps terræ, rediturus ad me quum te inuscavero». *)

Другіе члены досужихъ классовъ, тоже настроенные мистически, посѣщали Бюро Джуліи, основанное въ 1909 году извѣстнымъ журналистомъ для почтового сношенія съ умершими. Письма, присланная Джуліей съ того свѣта своему другу, вышли отдѣльной книгой подъ названіемъ Послѣ Смерти (After Death) и выдержали въ первые шесть мѣсяцевъ семь изданій. Въ первомъ посланіи съ того свѣта Джулія писала: «Когда я оставила васъ, мой дорогой, вы думали, что мы разстались навсегда, или, во всякомъ случаѣ, что мы разошлись до тѣхъ поръ, покуда вы на землѣ. Но никогда я не находилась такъ близко къ вамъ, какъ послѣ того, что вы называете моей смертью. Я чувствовала себя освобожденной отъ тѣла. То было такое странное ощущеніе! Я стояла у смертнаго одра, на которомъ лежало мое тѣло. Я видѣла все, происходившее въ комнатѣ, какъ будто глаза мои не были закрыты. «Умирая», я не ощущала никакой боли. Напротивъ, я испытывала миръ и покой. Затѣмъ я пробудилась и увидѣла, что стою рядомъ съ моимъ тѣломъ. Въ комнатѣ сперва не было никого, кромѣ меня, да моего прежняго тѣла».

Народился клубъ каббалистовъ. Они утверждали, что матеріальный міръ тѣсно сплетенъ съ другимъ, не матеріальнымъ, о которомъ наши чувства не могутъ дать никакого представленія. Въ матеріальномъ мірѣ всюду разлита невидимая астральная жидкость, въ которой плаваютъ сконденсированныя, тоже невидимыя, эманации, достигающія до насъ черезъ эфиръ отъ звѣздъ. Астральная жидкость, говорили каббалисты, заключаетъ въ себѣ неизвѣстныя, могущественныя силы, движеніе которыхъ составляетъ законы невидимаго міра. Всѣ явленія, наблю-

*) Ступай съ миромъ, князь земной. Будь готовъ явиться, когда я тебя позову.

даемые въ физической плоскости, представляютъ собою только послѣдствія измѣненія въ плоскости астральной. Теорія эта была темна и запутана, но именно вслѣдствіе этого клубъ каббалистовъ насчитывалъ много сочленовъ.

Другіе, тоже принадлежавшіе къ досужимъ классамъ, гнались за чувственными наслажденіями. Въ богатыхъ кварталахъ Лондона возникли ночные клубы, въ которыхъ веселились до утра, и куда мужчины и женщины прѣзжали, часто, въ эксцентричныхъ костюмахъ.

Путешествовавшіе по востоку давно уже привезли въ Лондонъ привычку курить опиумъ и ѣсть гашишъ. Прежде «dens», то есть притоны, гдѣ курили опиумъ, прятались въ самыхъ далекихъ, мрачныхъ кварталахъ, близъ доковъ. То были грязные кабаки, содержимые китайцами. Туда, переодѣвшись матросами или носильщиками, являлись потребители, принадлежащіе «къ избраннымъ десяти тысячамъ». Накурившись, они валялись на полу, на грязныхъ тюфякахъ, въ заднихъ комнатахъ темныхъ питейныхъ домовъ, рядомъ съ китайскими кули и съ малайскими кочегарами. И здѣсь всѣ они одинаково грезили про исключительныя наслажденія, невозможныя въ реальной жизни. И такъ какъ накурившіеся совершенно безпомощны на нѣсколько часовъ, а содержатели притоновъ раскрывали иногда инкогнито своихъ потребителей и выжимали у нихъ потомъ деньги за молчаніе, то полиція сочла за лучшее терпѣть новые dens уже въ центрѣ города. За этими помѣщеніями для куренія онія полиція могла лучше слѣдить. Новые притоны, возникшіе въ богатыхъ кварталахъ, были обстроены великолѣпно и уже своей обстановкой переносили на востокъ. Не на реальный востокъ «съ семьюдесятью двумя вонями», а на выдуманный Теофиломъ Готье. Эти роскошные притоны стояли на самой границѣ дозволеннаго и запретнаго. Дальше шли клубы, тоже возникшіе передъ самой войной, дѣятельность которыхъ старательно пряталась. Туда допускали только посвященныхъ. Тамъ пытались возстановить сцены, о которыхъ говорятъ средневѣко-

вые демонологи. Въ клубахъ этихъ правили спеціальныя мессы и выбирали царицу шабаша, которая отрекалась отъ «Русоволосой», топтала изображение, связанное со смертью ея сына и клялась въ вѣрности «метру Леонарду». Царицу погружали потомъ въ очистительную купель, приготовленную не потому отвратительному рецепту, который даютъ писатели XVII вѣка Палингъ, Бодэнъ и Вэйеръ, а изъ чистой, теплой воды, подкрашенной шафраномъ. И члены клуба, присутствовавшіе при церемоніи, вопили заклинанія на неизвѣстномъ языкѣ: Баръ Кеймъ рать!».

И вотъ въ то время передъ самой войной, предпріимчивому ресторатору итальянцу пришла въ голову мысль открыть *Вихровецъ*. Вихристами назывались эксцентричныя художники и поэты, выступившіе за нѣсколько мѣсяцевъ до войны съ громаднымъ альманахомъ *Взрывъ*. Вихристы называли футуристовъ и кубистовъ — реакціонерами въ искусствѣ и рѣшили пойти гораздо дальше ихъ.

Нижній этажъ того зданія, гдѣ помѣщался *Вихровецъ*, представлялъ собою обыкновенный хорошій лондонскій ресторанъ, съ ковромъ на весь залъ и съ стѣнами изъ цвѣтного мрамора съ позолотой, что нѣсколько напоминало громадныя надгробныя плиты. Въ сосѣдней залѣ, даже во время войны, отъ четырехъ до шести часовъ играла музыка, подъ звуки которой молодые офицеры, только что пріѣхавшіе съ фронта на побывку, плясали сѣраго медвѣдя, лисій бѣгъ, пляхканье индійскаго пѣтуха и танго, — танцы, выражающіе физическое обладаніе женщиной.

Спеціальностью *Вихровца* являлись устрицы, омары «термидоръ», да перепела и куропатки, начиненныя гусиной печенкой съ трюфелями. Узкая лѣстница съ поручнями изъ мѣдныхъ прутьевъ, обшитыхъ бархатомъ, вела изъ нижней залы на второй этажъ въ особую прихожую, завѣшанную тяжелыми драпри изъ темно-зеленаго бархата. За драпировкой была дверь, ведущая въ просторный высокій кабинетъ да маленькую гостинную, выходившими окнами въ садъ.

И эти двѣ комнаты были отдѣланы декораторами кубистами, футуристами и вихристами, которымъ итальянецъ предложилъ развернуться, какъ они хотятъ. По ихъ рисункамъ не только были отдѣланы стѣны кабинета, но изготовлены мебель, піанино и даже столовое бѣлье.

И въ этомъ кабинетѣ Божко и Гаръ должны были встрѣтиться съ Джервизомъ, главнымъ директоромъ знаменитой пароходной компаніи «Литлвудъ, Джервизъ и Брэдфордъ», посылающей свои корабли въ Пернамбуко, въ Парá и въ города, лежащіе выше по Амазонкѣ, до Манаоса. Ресторанъ былъ выбранъ Джервизомъ, предложившимъ, вмѣсто дѣлового совѣщанія въ конторѣ, какъ хотѣлъ Гаръ, пріятельскій обѣдъ.

II.

Когда Петръ Андреевичъ возвратился изъ Оксбриджа, то убѣдился, что изъ комитета рѣшительно ничего не выйдетъ. Телепень-Окуневскій созвалъ собраніе, чтобы выслушать Божко, но явились очень немногіе изъ тѣхъ, которые участвовали въ выборахъ комитета. Выяснилось, что комитетъ не только рѣшительно ничего не сдѣлать, но не имѣетъ даже отдаленнаго представленія о томъ, какъ ему дѣйствовать. Господствовали уныніе и пессимизмъ. Почти всѣ мрачно предвѣщали, что теперь ивановцы будутъ сидѣть такъ же прочно, какъ сидѣли цари. Всѣ почти думали только о томъ, гдѣ бы пристроиться. Телепень-Окуневскій собирался ѣхать въ Нью-Йоркъ, чтобы тамъ стать журналистомъ. Онъ разчитывалъ, что великолѣпное знаніе языковъ и титулъ «бывшій посолъ при королѣ Мерсіи» дадутъ ему возможность быстро выдвинуться. Три офицера поступили въ французскую армію. Нѣкоторые офицеры хлопотали, чтобы ихъ приняли на американскую службу. Одному капитану удалось поступить въ канадскую армію. И теперь онъ говорить такъ:

— Я бѣжалъ отъ самодержавія въ армію свободной страны.

Морскіе офицеры допытывались, нельзя ли имъ опредѣлиться въ англійскій флотъ. Нѣкоторые русскіе поступили на частную службу къ англичанамъ и приняли такимъ образомъ горькій хлѣбъ съ упреками и косыми взглядами со стороны новыхъ хозяевъ. Затѣмъ были офицеры и штатскіе, не думавшіе о будущемъ. Тотъ правительственный комитетъ, въ которомъ они всѣ служили, прекратилъ существованіе, выдавъ всѣмъ жалованье за четыре мѣсяца. И русскіе жили настоящимъ днемъ, думая: «За четыре мѣсяца дѣло какъ нибудь обернется!». Спокойнѣе всѣхъ былъ Гнилорыбовъ. Онъ сидѣлъ въ Британскомъ музеѣ, вычерчивалъ кривыя и составлялъ статистическія таблицы для своей диссертациі о кооперативныхъ скотобойняхъ.

Послѣ доклада Божко вышелъ вмѣстѣ съ Гаромъ.

— Англійскій писатель, характеризуя передъ войной русскихъ, нашелъ, что каждый изъ нихъ представляетъ соединеніе Хлестакова, князя Мышкина и Петра Великаго, — началъ Божко. Сегодняшнее засѣданіе убѣдило меня, что элементъ Петра Великаго, то есть рѣшительнаго дѣйствія, такъ же слабъ въ командующемъ классѣ, какъ и въ остальной интеллигенціи.

Гарь молчалъ, затѣмъ началъ подробно развѣивать планъ, о которомъ думалъ въ послѣднее время.

Ивановцы не будутъ сидѣть вѣчно, хотя бы ужъ по одной причинѣ, что они представляютъ собою пустынножителей, то есть слѣпыхъ разрушителей, бездарныхъ и безсильныхъ, когда доходить до творческой работы.

Они политическіе евнухи, могущіе душить и рубить головы, но неспособные оплодотворять. Ивановцы исчезнутъ безслѣдно, подобно великой чумѣ, описанной Боккачіо въ вступленіи къ Декамерону. И тогда Россія будетъ представлять собою груды строительнаго матеріала, какъ Мессина послѣ землетрясенія. Придется созидать заново. Понадобятся опытные зодчіе, энергичные, знающіе, любящіе родину. Когда чума пропадаетъ, придутъ русскіе Фихте. Они обратятся къ растерзанному народу съ проповѣдью того, чего

мы никогда не знали: патриотизма свободных людей. Явится новый Гарибальди, который, какъ Солнцева сестра въ русской сказкѣ, сложивъ разрубленные части тѣла возлюбленнаго, окропитъ ихъ мертвой и живой водой. Воскреснетъ тогда великая, свободная Россія, всѣ дѣти которой вмѣстѣ будутъ дружно создавать общую культуру. Покуда же надобны питомники, въ которыхъ всѣ русскіе, любящіе родину и желающіе видѣть ее свободной страной, не только сохраняютъ свои силы до пришествія Гарибальди, но приобретутъ также опытъ, знанія и привычку къ настойчивому труду. Фурье мечталъ объ анти-львахъ и анти-китахъ, имѣющихъ силу этихъ животныхъ, но лишенныхъ ихъ недостатковъ, съ точки зрѣнія чело-вѣка, конечно. Русскій интеллигентъ имѣетъ въ себѣ драгоценныя качества; но ему необходимо стать *анти-интеллигентомъ*, въ нѣкоторомъ отношеніи. И это сдѣлаетъ «питомникъ». Пусть русскіе, желающіе накопить новыя силы и знанія для примѣненія ихъ потомъ на родинѣ, соединятся и образуютъ колоніи въ новыхъ мѣстахъ, такъ какъ, къ несчастью, въ Россіи такія поселенія теперь немислимы. Колоніи должны возникать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы не пришлось пустить слишкомъ глубокіе корни. Лучшимъ мѣстомъ для «питомниковъ» поэтому Гаръ считалъ Бразилію. Надо сперва устроить опытную колонію изъ тщательно подобранныхъ людей. Достаточно для начала чело-вѣкъ двадцать. Все это должны быть испытанные люди, выброшенные за бортъ русской дѣйствительностью. Впослѣдствіи возникнуть рядомъ еще колоніи. Такимъ образомъ создается въ другой обстановкѣ плавучая революція, о которой Гарибальди когда то говорилъ Герцену. «Питомникъ» дастъ колонистамъ трудовую, но яркую, красивую, богатую содержаніемъ жизнь. Въ новой обстановкѣ русскій интеллигентъ впервые почувствуетъ себя раскованнымъ Прометеемъ, могущимъ не только желать, но и осуществлять желаніе. Это свойство, разъ приобретенное, не теряется уже. И такимъ раскованнымъ Прометеемъ, умственно независимымъ, съ богатымъ

опытомъ, колонистъ возвратится при первомъ призывѣ новаго Гарибальди.

— Разработано ли у васъ практическая сторона вопроса? — спросилъ Божко.

Гаръ отвѣтилъ утвердительно. Если двадцать чело-вѣкъ, среди которыхъ есть спеціалисты всякаго рода, вложить по сто фунтовъ, то колонія на Уаупесѣ, на-примѣръ, не только немедленно станетъ на ноги, но въ первый же годъ дастъ колонистамъ полную мате-ріальную независимость. Колонію можно легко создать и не трудно ликвидировать потомъ, когда раздастся призывъ Гарибальди.

Божко согласился, что проектъ хорошъ и посоветовалъ переговорить предварительно съ пароходной компаніей «Литлвудъ, Джервизъ, и Брэдфордъ», посылающей свои корабли въ Бразилію до Манаоса. Необходимо выяснить, согласится ли вообще компанія во время войны доставить хотя бы только двадцать колонистовъ съ большимъ богачемъ въ портъ, лежащій на Амазонской рѣкѣ въ трехъ тысячахъ верстахъ отъ устья. Когда поѣздка окажется осуществимой, можно приступить къ вербовкѣ колонистовъ. Божко совѣтовалъ переговорить тогда и съ Фробеніусомъ, ереди знакомыхъ котораго могутъ оказаться подхо-дящіе колонисты.

Божко и Гаръ разстались. На другой день Петръ Андреевичъ переговорилъ съ Лешко, хорошо знав-шей главнаго пароходовладѣльца Джервиза. Клавдія Дмитріевна протелефонировала ему. Джервизъ, ока-залось, хорошо зналъ по имени Гара, какъ изслѣдо-вателя Бразиліи. Пароходовладелецъ нашель, что о дѣлѣ лучше всего переговорить не въ конторѣ а за обѣдомъ и пригласилъ Гара и Божко съ ихъ дамами прійхать въ ресторанъ.

III.

Когда Божко явился съ Лешко въ ресторанъ *Вихро-вецъ*, то засталъ уже въ футуристскомъ кабинетѣ Джер-виза съ его дамой. Пароходовладѣлецъ былъ очень

высокій, очень худощавый джентльмэнъ, лѣтъ тридцати, съ впалой грудью, съ сильными подергиваніями въ правой рукѣ и ногѣ. Все казалось, что Джервизъ то подталкиваетъ невидимаго собесѣдника локтемъ, то сердится на него и даетъ ему пинка ногой. Черные, рѣдкіе волосы Джервиза были примазаны чѣмъ то и казались приклеенными къ заостренному черепу. Таковую прическу пароходовладѣлецъ носилъ, чтобы закрыть плѣшь. На лицѣ его замѣчательны были еще большіе, немного безумные глаза и нервно подергивавшійся ротъ. Казалось все, что на щекѣ у Джервиза сидитъ невидимая муха, которую онъ хочетъ прогнать движеніемъ губъ.

Дама Джервиза была высокая, красивая, слегка пухлая, съ большимъ бюстомъ. Русые волосы, добродушные сѣрые глаза на выкатъ, чувственный алый ротъ и пухлость ея приводили на память сокрушительницу сердецъ, которую былина описываетъ такъ:

Станомъ равна и лицомъ бѣла.
У ней кровь въ лицѣ будто у заяцы.
Въ лицѣ щеки то цвѣта макова...
Поворотъ горностаюшки.

Такова была русская опереточная пѣвица Дмитревская, застрывшая въ Лондонѣ. Ангажементъ выпадать ей не часто, такъ какъ по англійски она говорила плохо. Появлялась она поѣтому изрѣдка въ специально написаной пьескѣ, въ которой есть французская легкомысленная пѣвица, выбѣгающая на сцену прямо изъ постели, съ распущенными волосами, въ шелковыхъ полосатыхъ руѣахъ, то есть въ спальныхъ панталонахъ и въ курточкѣ. И хотя Дмитревская рѣдко выступала въ театрѣ, но жила широко, носила дорогіе туалеты и большіе брилліанты въ ушахъ и на пальцахъ. Лешко и Дмитровская знали другъ друга съ дѣтства, вмѣстѣ кончили гимназію и вмѣстѣ три года слушали лекціи въ женевскомъ университетѣ.

Вскорѣ пріѣхали Гаръ и Грабовскій.

Скажите, мистеръ Джервизъ, что означаетъ эта пачкотня на стѣнахъ? добродушно-наивно спросила Дмитровская, когда всѣ усѣлись за столъ, покрытый

скатертью съ зелеными и красными полосами. Салфетки были такія же.

— Пачкотня? — почти съ испугомъ переспросилъ Джервизъ. Онъ такъ изумился, что отложилъ даже серебрянную вилочку, которой отдираетъ устрицу. На одной стѣнѣ была копія съ картины Карра — Динамическія формы человѣческаго тѣла. Можно было еще разобрать спину съ двумя округленіями, причемъ одно гораздо ниже другого. Ни головы, ни ногъ не было. Спина эта сидѣла верхомъ на рѣшеткѣ или на колесѣ велосипеда, причемъ одно округленіе просвѣчивалось. Дальше шли какія то геометрическія фигуры. Всю противоположную стѣну занимала окрошка, нарисованная зелеными, розовыми и красными красками. Можно было разглядѣть кусокъ спины во фракѣ, колесо автомобиля, двѣ ноги верхомъ на ножницахъ, листъ папѣртника, браслетъ, криво поставленныя буквы, образующія слово *полька* да какія то спирали, дуги и треугольники. То была копія съ картины Северини «Динамическій іероглифъ бала Табарэнь». Въ простѣннкѣ наляпаны были кистью мутныя, зеленныя и розовыя пятна, перерѣзанныя прямыми и кривыми линіями, что должно было изображать «Эластичность». Итальянецъ предоставилъ вихристамъ одну стѣну, на которой они изобразили нѣсколько деревянныхъ дощечекъ и геометрическія фигуры. Картина эта называлась Танцовщицы. Вверху вдоль стѣны и вокругъ оконъ шелъ фризь изъ зеленыхъ, розовыхъ и красныхъ ломанныхъ линій. Джервизъ сталъ восхищаться динамическими картинами.

— Постъ—импрессионисты, синтетисты, и французскіе кубисты являются только учениками Пикассо, Брака, Дерэна, Метцингера, Фоконье и Леже, — началъ Джервизъ. — Имъ конечно, нельзя отказать въ извѣстной смѣлости, — но они рисуютъ неподвижное, замороженное, словомъ, природу въ статическомъ состояніи. Всѣ они обожаютъ традиціонализмъ Пуссэна и Коро. Въ своемъ искусствѣ, поэтому, они только *пассеисты*, какъ говорятъ французы. Въ этихъ же динамическихъ картинахъ, передъ нами

новый стиль, пытающийся передать движеніе. Такихъ поисковъ раньше не было. Художники эти слѣдуютъ не классическимъ образцамъ, а собственной интуиціи.

— Художники и раньше не отступали передъ символизмомъ, — сказала, подсмѣиваясь, Дмитревская.

— Рафаэль, Тиціанъ и Веронезъ изображали голую модель съ какимъ нибудь аллегорическимъ предметомъ въ рукахъ. Вотъ и весь символизмъ ихъ, — съ глубокимъ презрѣніемъ отвѣтилъ Джервизъ. — Художникъ, рисующій человѣческое тѣло съ модели, даетъ только иллюстрацію для анатомическаго атласа. Дѣйствительный художникъ, художникъ будущаго, долженъ рисовать не тѣло человѣка, а душу его. Онъ обязанъ найти іероглифъ для нея. Посвященный тогда будетъ читать эту душу такъ же легко, какъ знающій музыку читаетъ ноты. Тамъ гдѣ невѣжда и тупица видятъ только линіи, палочки да точки, — музыкантъ слышитъ величественныя сонаты. Картина должна быть синтезомъ всего того, что художникъ видѣлъ и вспоминаетъ.

Ни Гаръ, ни Божко не желали спорить на чуждую тему. Петръ Андреевичъ подумалъ только, что попытка прирученія Аэллы производится не только въ области человѣческихъ отношеній. Въ области искусства поиски никому не мѣшаютъ.

Дмитревская что то мурлыкала изъ своего репертуара.

IV.

Когда принесли омара «термидоръ», Джервизъ затятилъ слегка черные глаза и томно вздохнулъ.

— Я вспомнилъ пиръ у Тримальхіона, описанный Петроніемъ, — сказалъ Джервизъ. Тримальхіонъ — только разбогатѣвшій вольноотпущенный. Его вкусъ казался эстетамъ того времени примитивнымъ, а между тѣмъ, какая смѣлость, какой размахъ, какая оригинальность въ выборѣ блюдъ.

Петра Андреевича, много слышавшаго про Джервиза, забавляло то плохо скрытое изумленіе, съ кото-

рымъ Лидія Васильевна и Егоръ Лукичъ слушали директора знаменитой карабельной компаніи, котораго они себѣ, повидимому, представляли ходячимъ грессбухомъ, въ родѣ дикенсовскаго Домби.

— Погодите. Онъ себя покажетъ еще! думалъ Божко, знавшій, что внѣ той сферы, которую англичане называютъ business, Джервизъ любитъ говорить много. И Джервизъ, дѣйствительно, себя «показалъ».

— Обанкротился не древній міръ, а нашъ, — продолжалъ Джервизъ, томно созерцая омара-«термидоръ», до котораго не рѣшался дотронуться на ночь. — Когда я былъ недавно въ Нью-Йоркѣ, мой другъ Мэдисонъ Грантъ, директоръ зоологическаго общества, развивалъ мнѣ свою теорію, о которой съ тѣхъ поръ я думаю постоянно. Исторія расъ — трагедія, ждущая еще своего Эсхила. Антропология установила раздѣленіе бѣлыхъ людей на три расы, или на три подъ-вида. Раздѣленіе это основано на рѣзкихъ физическихъ особенностяхъ, остающихся неизмѣнными отъ вѣка. Съ каждой изъ этихъ особенностей связаны не мѣняющіяся умственные и нравственные черты. Во главѣ трехъ великихъ расъ стоитъ сѣверная, жившая вначалѣ по берегамъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей. Наиболѣе чистыми представителями сѣверной расы являются въ наше время шведы. Представители сѣверной расы долгоголовы, русоволосы и высоки ростомъ. Они любятъ власть и приключенія. Затѣмъ слѣдуетъ средиземная раса, тоже долгоголовая, но черноволосая и ниже ростомъ. Средиземная раса надѣлена артистическими и умственными способностями, которыхъ не имѣетъ сѣверная раса; но зато она болѣе миролюбива и менѣе энергична. Потомъ слѣдуетъ альпійская раса, занимающая центральную и восточную Европу и разселенная по Азій до Гиндукуша и Памира. Представители этой расы круглоголовы, средняго роста, коренасты, черноволосы, дѣятельны, но не проявляютъ выдающихся умственныхъ способностей.

Сѣверная раса, по причинѣ своей предпріимчивости, смѣлости, любви къ приключеніямъ и къ власти

должна была бы захватить всю землю и держать въ подчиненіи низшія расы. Къ несчастью, природа и ея соумышленникъ — человѣческое безуміе, устроили иначе. Какъ только сѣверная раса побѣждаетъ, она становится жертвой новыхъ, чуждыхъ ей окружающихъ условій. Побѣжденные низшія расы, страну которыхъ сѣверяне завоевали, болѣе примитивны и лучше поэтому приспособляются къ неблагоприятнымъ климатическимъ и другимъ условіямъ. Благородная сѣверная раса, скрещиваясь съ низшими расами, вырождается. Сѣверяне смѣлы, любятъ приключенія и принимаютъ участіе въ каждой войнѣ. Вслѣдствіе этого сѣверная раса исчезаетъ мало по малу. Во время войнъ Алой и Бѣлой розъ старая англійская аристократія почти вся была истреблена. Такимъ же образомъ, значительная часть германской аристократіи погибла во время тридцатилѣтней войны. Въ Америкѣ плантаторы Южныхъ Штатовъ, представлявшіе собою аристократію, пали во время гражданской войны Сѣвера съ Югомъ. Высшая раса гибнетъ, и Европа скоро останется безъ благородной сѣверной крови. Аристократическій классъ всюду въ Европѣ исчезаетъ. вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ оригинальность. Устанавливается типъ, отбитый штампомъ, съ готовыми взглядами и заимствованными вкусами. Послѣдніе представители гордой сѣверной расы вытѣснены изъ деревень въ города; но здѣсь они не могутъ соперничать на фабрикахъ съ низшими расами. Черноволосая и альпійская расы гораздо легче приспособляются къ фабричной работѣ, чѣмъ сѣверяне. И теперь демократія, разрушивъ привилегію рожденія, желаетъ уничтожить также преимущества богатства и образованія. Вотъ почему я утверждаю, что великое вырожденіе было не тогда, когда погибать древній міръ, а теперь.

Соціологическая теорія Мэдисона Гранта представляетъ собою, въ сущности, только теорію графа Гобино, — зимѣтиль Гарь. — Она совершенно произвольна, не научна и разсыпается въ прахъ при первой же попыткѣ анализа.

Джервизъ не умѣлъ слушать другихъ, такъ какъ только за собою признавалъ право философствовать.

— Роль демократіи кончена! — перервалъ онъ. — Демократія величайшій театральный обманъ, когда либо придуманный антрепенеромъ. На афишѣ у входа въ театръ значится заглавіе пьесы: «Братство, Миръ, Взаимное пониманіе». Когда же вы, заплативъ деньги въ кассѣ, вошли въ театръ и усѣлись, то видите прескверную, безталанную, кровавую мелодраму. Столь глупую пьесу сыгранную на придачу такъ отвратительно, вамъ еще никогда не показывали. И, хуже всего, вы потомъ убѣждаетесь, что это даже не мелодрама, а страшная дѣйствительность. Будь антрепенеръ честенъ, онъ выставилъ бы на аншлагѣ названіе, соответствующее содержанію пьесы: — «Банкротство».

Повидимому, фраза ужасно понравилась Джервизу. Онъ помолчалъ и гордо поглядѣлъ на собесѣдниковъ. Затѣмъ взялъ стоявшій передъ нимъ стаканъ сотерна, но не выпилъ, а полюбовался золотистымъ цвѣтомъ вина. Джервизъ подумалъ и съ выраженіемъ алхимика, пробующаго новую смѣсь, чтобы увидать, не получится ли такимъ образомъ страстно желанный *магистеріумъ*, прибавилъ двѣ капли портвейна изъ другого стакана и полюбовался, тоненькой кровавой паутинкой, появившейся въ сотернѣ. Пароходовладѣлецъ опять подумалъ, оборвалъ лепестокъ у розы, стоявшей въ хрустальной вазѣ, отдѣланной серебромъ и бросилъ въ стаканъ.

— Какая выразительная фраза красокъ въ стаканѣ! — восторженно прошепталъ Джервизъ.

Магистеріумъ былъ найденъ.

Дмитревская мурлыкала что то, чуть чуть насмѣшливо прищуривъ глаза. Когда Джервизъ заговорилъ о банкротствѣ, на пухлыхъ, подкрашенныхъ губахъ опереточной пѣвицы появилась многозначительная улыбка. Дмитревская замурлыкала чуть чуть громче.

Oh! là là, qué qu'tu m'dis là?

V.

Военный обѣдъ, состоявшій изъ очень немногихъ рыбныхъ блюдъ, между тѣмъ кончился. Джервизъ пересталъ любоваться фразой красокъ въ своемъ стаканѣ и прислушивался къ мурлыканью Дмитревской. На лицѣ его появилось желаніе похвастать красивой и дорогой собственностью. Стремленія этого не можетъ скрыть ни одинъ мужчина, къ какой бы націи онъ не принадлежалъ и какъ бы воспитанъ онъ не былъ, если только женщина находится въ матеріальной зависимости отъ него. Мужчины только разное проявляютъ эту гордость собственника.

— Теперь Mlle Dmitrevsky споетъ намъ что нибудь, — сказалъ главный владѣлецъ пароходной компаніи «Литлвудъ, Джервизъ и Брэдфордъ».

Дмитревская не заставила себя упрашивать. Улыбаясь, она подошла, слегка качая бедрами, къ футуристскому піанино, сѣла, взяла аккордъ, затѣмъ, откинувъ красивую голову, запѣла. Дмитревская напирала на слова и нѣкоторыя изъ нихъ пускала чуть чуть въ носъ, какъ дѣлають это всегда второстепенныя русскія пѣвицы, чтобы выразить страсть.

Amours divins! ardentes flames
Venus! Adonis! gloire à vous!
Le feu brûlant nos folles âmes,
Hélas! ce feu n'est plus en nous!
Ecoute — nous, Vénus la blonde,
Il nous faut de l'amour, n'en fût-il plus au monde.

Когда Дмитревская жаловалась на то, что огонь любви, палящій души, угасъ уже, она бросила чуть замѣтный насмѣшливый взглядъ на Джервиза. Директоръ сталъ апплодировать. Лешко, сдвинувъ красивыя брови, нервно теребила пальцами кончикъ салфетки. Гаръ и Грабовская переглянулись съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Божко былъ невозмутимъ. Джервизъ сталъ просить Дмитревскую спѣть еще.

— У меня все классическій репертуаръ! — сказала она, подразумѣвая подъ этимъ старыя оперетки Оффен-

баха, Лекока и Гризара. Дмитревская не стала упрямиться и запѣла, стараясь тономъ, подмигиваніемъ и движеніемъ красивыхъ плечъ сдѣлать еще болѣе вульгарными и безъ того тривіальныя слова.

On sait qu'tout' batifoleuse,
A besoin d'un batifoleur.
Il est là, l'mien... j'suis amoureuse.
Est'il bêt' de m'tenier rigueur!
Car, saperlotte!
Y en a pas un' pour égaler!
La p'tit' Boulotte,
Quand il s'agit d'batifoler.

Когда Дмитревская пѣла «Est'il bêt' de m'tenier rigueur», она опять быстро, многозначительно и насмѣшливо взглянула на директора пароходной компаніи.

— Что это? — спросилъ Джервизъ.

— Арія пастушки Буллоты изъ Синей бороды. Роль эту создала въ свое время великая опереточная дива Mlle Шнайдеръ. Она, говорятъ, приносила «saperlotte!» съ такимъ совершенствомъ, что у всѣхъ мужчинъ моложе ста лѣтъ по спинѣ пробѣгали мурашки.

Наступило молчаніе.

VI.

— Не поговорить ли намъ теперь о дѣлѣ? — обратился Гаръ къ Джервизу. Онъ боялся, что реставрація «классическаго репертуара» можетъ затянуться и снѣшилъ использовать интервалъ.

— Отлично. Перейдемъ въ другую комнату, — согласился директоръ.

Въ маленькой гостиной, куда онъ ушелъ съ Гаромъ, Джервизъ сразу принять дѣловой, серьезный видъ. Футуристъ, любовавшійся «динамическими» картинами и выразительностью цвѣтовой фразы, сразу растаялъ, какъ Снѣгурочка отъ лучей Ярила. Остался пронизательный дѣлецъ, почти ходячій грессбухъ. Онъ внимательно выслушалъ Гара и сдѣлалъ нѣсколько

сжатыхъ вопросовъ. Егоръ Лукичъ призналъ, что эти вопросы свидѣлствуютъ о большой проницательности и объ умѣннѣи быстро схватывать самую сущность дѣла. Джервизъ досталъ изъ бокового кармана фрака тоненькую, изящную записную книжечку въ шелковомъ переплетѣ и сдѣлалъ двѣ три отмѣтки серебрянымъ карандашикомъ. Отмѣтки были сдѣланы, какъ замѣтитъ Гаръ, стенографическими знаками. Потомъ Джервизъ подумалъ минуты двѣ.

— Мы посылаемъ до сихъ поръ пароходы въ Манаосъ, — сказали онъ наконецъ. Правда, наши самые большіе корабли въ шестнадцать тысячъ тоннъ, какъ *Калпосъ Салесъ* и *Хусто Чермонтъ*, теперь во время войны получили другое назначеніе. Но остались всетаки добрые суда въ восемь тысячъ пятьсотъ тоннъ, какъ *Паэсъ-де-Карвальо* и *Лауро Содре*. Вы сказали что проектируете колонію гдѣнибудь на ріо Уаупесъ. Отъ Манаоса туда, конечно, еще очень далеко; но наша компанія посылаетъ теперь изъ Манаоса пароходы въ полторы тысячи тоннъ вверхъ по ріо Негро. До Барсельоса они во всякое время доходятъ. Въ половодье же, а именно въ іюнѣ, когда вода въ ріо Негро поднимается на сорокъ пять футовъ, наши пароходы добираются гораздо выше, до Санта Исабель. Какъ видите, мистеръ Гаръ, произошли нѣкоторыя перемѣны, съ тѣхъ поръ, какъ вы изслѣдовали ріо досъ Уаупесъ. Наша компанія, слѣдовательно, можетъ доставить на очень льготныхъ условіяхъ колонистовъ и весь багажъ ихъ до Барсельоса во всякомъ случаѣ, а въ іюнѣ и іюлѣ — даже до Санта Исабель. Оттуда, конечно, придется отправиться въ лодкахъ. Словомъ, мы къ вашимъ услугамъ; но вамъ предварительно надо переговорить съ англійскимъ правительствомъ и получить отъ него формальное согласіе на отъѣздъ колонистовъ, и на пріобрѣтеніе всего необходимаго. Я переговорю заранѣе съ нѣкоторыми министрами. Вы потомъ явитесь къ нимъ и изложите ваше дѣло. Когда у васъ будетъ формальное разрѣшеніе, мы всѣ детали переѣзда выработаемъ въ нѣсколько часовъ.

VII.

Покуда шли дѣловые переговоры, Божко и Грабовская спустились въ читальню, гдѣ было прохладнѣе.

— Какъ тебѣ не стыдно, Надя! — взволнованно начала въ полголоса Лешко, какъ только она осталась съ Дмитревской въ кабинетѣ.

— А что развѣ? — невозмутимо спросила Дмитревская, мурлыкавшая до того какую то пѣсенку изъ своего классическаго репертуара.

— У тебя еще новый... поклонникъ.

— А тебѣ что, Клава?

— Но у тебя ихъ два уже.

— Развѣ я ихъ отняла у тебя? — спокойно спросила пѣвица.

— Не говори глупостей, Надя, — взволнованно продолжала Лешко. Ты хорошо знаешь, что только моя дружба къ тебѣ съ дѣтства заставляетъ меня вмѣшиваться.

Ты пользуешься... услугами твоихъ поклонниковъ. (Есть отвратительное слово для опредѣленія того, что ты дѣлаешь).

— Что же брать отъ такихъ обезьянъ, какъ Джервизъ, какъ не... «услуги»? Пользуюсь твоимъ словомъ, Клава.

Ton froid ne me fait pas souffrir!

выразительно пропѣла Дмитревская, мигнувъ на кабинетъ, гдѣ сидѣлъ Джервизъ.

Нѣжныя щеки Лешко заалѣлись отъ двухсмысленнаго намека.

Кому отъ того хуже, что я пользуюсь... «услугами» моихъ поклонниковъ, — продолжала пѣвица. — Клава, Клава! Я, какъ Парѣенись въ Прекрасной Еленѣ, могу сказать, что... видѣла воиновъ, зодчихъ, торговцевъ, ваятелей, поэтовъ, философовъ и литераторовъ и нашла, что всѣ они одинаковы. Всѣ они готовы отнять у насъ мимоходомъ душу, любовь, надежды, мечты и спокойно уйти, не оглядываясь. Такъ гуляющій срываетъ цвѣтокъ повелики, наслаждается на минуту миндальнымъ запахомъ, помнетъ

его, затѣмъ бросаетъ на дорогу и идетъ дальше. Такъ лучше ужъ я буду дѣлать тоже самое съ «guerriers, architectes, marchands, sculpteurs, poètes, philosophes et gens de lettres». Я лучше буду обрывать ихъ и бросать на дорогу. Когда была глупа, то нарядилась вдоволь.

- Молчи, Надя! Это цинично!

Какіе у тебя, Клава... ортодоксальные взгляды, засмѣялась Дмитревская. Вотъ уже не ожидала! Я хочу жить, какъ мужчины живутъ. Когда признавалось, что наша сестра «смертоносная бесѣда, душамъ пагуба, хоругвь адова, покоище змѣиное, бѣшеная сука и коза неистовая» (видишь Клава, я не забыла Шашкова, котораго мы съ тобою читали въ гимназій), то было еще естественно, что мужчина, придумавшій эти лестныя опредѣленія, создалъ одинъ кодексъ морали для себя, а другой для насъ. Теперь вѣдь признали, что мы равны мужчинамъ. А если такъ, то никто не докажетъ мнѣ, что я не имѣю права пользоваться тѣмъ же кодексомъ морали, что и мужчины. Пусть они измѣнятъ свой кодексъ для себя, тогда и я его переиначу. Ну, Клава, не читай мнѣ проповѣдей. Будь дуся. Ты слишкомъ умна и красива для проповѣдницы. Не сердись. Я тебя сильно люблю, хотя ты... ортодоксальна.

Les temps présents sont plats et fades:
Plus d'amour! plus de passion!

запѣла Дмитревская.

— Видишь, Клава, какъ проникновенно предвидѣла нашу дѣйствительность опереточная Прекрасная Елена. Ну, улыбнись же, моя Гипатія. Не сердись на безумную Надю. Каждый пусть живетъ, какъ можетъ. Пусть всякій, какъ разумѣетъ, создастъ себѣ иллюзію интересной жизни. И что кому до этого самообмана, если онъ никому не вредитъ.

— Да, но созданная тобою иллюзія даже не интересна, — все еще сердито отвѣтила Клавдія Дмитриевна.

— Ну «интересная жизнь» понятіе относительное, а не абсолютное.

На этомъ разговоръ кончился. Въ кабинетъ вошли Божко и Грабовская, а вслѣдъ затѣмъ Гарь и Джервизъ.

Въ кабинетѣ вскорѣ, повидимому, безъ всякой нужды, появился старый лакей и началъ перебирать вилки и ножи.

То было первое напоминаніе, что уже десять часовъ и что по новымъ правиламъ военного времени надо запирать ресторанъ. Обѣдавшіе потребовали счетъ, явившійся моментально, затѣмъ стали прощаться.

— Вамъ, Егоръ Лукичъ, непременно надо пови-
даться съ адмираломъ Буреусомъ. Онъ теперь кстати
въ Лондонѣ, — сказалъ Божко, когда Гарь вкратцѣ
сообщилъ ему на лѣстницѣ о результатахъ перегово-
ровъ.

— Буреусъ? Онъ кто такой? Англичанинъ? — спросилъ Гарь.

Нѣтъ русский. По дѣду, кажется, шведъ. Зовутъ его
Густавъ Карловичъ. Онъ былъ командированъ въ
Англию еще при императорѣ. Это — ученый морякъ
и очень хорошій человѣкъ, притомъ еще твердый,
стойкій, рѣшительный. Буреусъ участвовалъ въ япон-
ской войнѣ, но потомъ, какъ радикалъ, принужденъ
былъ выйти въ отставку и взяться за какой то заводъ.
Ивановцы отняли у него все. Онъ собирается эмигри-
ровать и выписать изъ Россіи жену и двухъ сыновей.
Буреусъ крайне цѣнный человѣкъ для васъ, по харак-
теру своему и спеціальнымъ знаніямъ. Кромѣ того,
у него обширныя связи здѣсь въ адмиралтействѣ.

— Какъ же мнѣ повидать Буреуса?

— Да я ему напишу сегодня. Онъ завтра полу-
читъ письмо и извѣститъ, когда можно заглянуть къ
нему.

— Что-жъ, можно!

Затѣмъ Гарь прибавилъ шутливо:

— Если залучу Буреуса, флотъ нашей колоніи бу-
детъ имѣть уже адмирала. До свиданія, Петръ Андре-
евичъ!

VIII.

Гарь ушелъ изъ *Вехровца* вмѣстѣ съ Грабовской.

— Хотите пройти пѣшкомъ до слѣдующей станціи, предложилъ Егоръ Лукичъ. Грабовская согласилась.

Была холодная, влажная, безлунная и туманная ночь. Всѣ огни въ домахъ были потушены. Изрѣдка только мерцалъ, какъ тлѣющая спичка, одинокій фонарь съ стеклами, замазанными красной или голубой краской.

— Вѣроятно, въ такую же ночь по улицамъ Лондона бродилъ одинокій, глубоко несчастный поэтъ, сравнивавшій человѣческую жизнь съ городомъ страшной ночи — подумала Грабовская. Несчастному, бездомному поэту казалось, что разсвѣтъ никогда не наступитъ. А если даже и придетъ день, то что изъ того? День лишь короткій интервалъ, во время котораго копошатся кошмары, порожденные ночью.

For life is but a dream whose shapes return,
Some frequently, some seldom, some by night
And some by day, some night and day. *)

— Колонія ваша налаживается? — услышалъ Гарь изъ темноты нѣжный голосъ и снова вспомнилъ свое забракванное сравненіе съ звукомъ, произведеннымъ жемчужиной, падающей въ хрустальный бокалъ.

— Да, Лидія Васильевна, дѣло устранивается.

— Вы довольны?

— Конечно. Энергичные, талантливые люди не попадутъ въ эмигрантскій убой, гдѣ нибудь въ Парижѣ, Лондонѣ или Женевѣ. Они не превратятся въ пустынножителей, стремящихся вогнать жизнь въ мертвую формулу. Какъ только въ Россіи явится возможность работать, они принесутъ ей свои знанія, свой опытъ и свое пониманіе дѣйствительной свободы.

— Колонистовъ будетъ вѣдь очень мало.

*) Ибо жизнь — только сонъ, порожденія котораго возвращаются. Иныя — часто, иныя — рѣдко; иныя возвращаются ночью; иныя — днемъ, а другія и днемъ, и ночью. (Изъ поэмы «The City of Dreadful Night», Томсона).

— Каждое великое движеніе создается немногими людьми, точно знающими, что надо дѣлать и какъ надо дѣлать. Такіе рѣшительные, знающіе, богатые опытомъ люди ведутъ за собою миллионы и предупреждаютъ тѣ катастрофы, которыя уготовляютъ странѣ пустынножители и циркумцелліоны.

— Вы оставите, значитъ, кафедру.

— О, это не важно. Научная работа будетъ у меня. Микроскопъ можетъ быть примѣненъ всюду. Въ верховьяхъ Уаупесъ у меня будетъ еще больше матеріала, чѣмъ въ бѣдныхъ и скверныхъ кабинетахъ Оуро Прето.

— Надъ чѣмъ вы думаете работать?

— Вы имѣете представленіе о томъ сравнительно недавнемъ открытіи, для опредѣленія котораго предложено странное слово хламидоза? Дѣло идетъ о простѣйшихъ формахъ жизни, занимающихъ на лѣстницѣ эволюціи болѣе низкое мѣсто, чѣмъ клѣточка. Хламидоза это — паразиты клѣточекъ. Онѣ вызываютъ спеціальныя выдѣленія въ клѣточкахъ, куда попадаютъ. Хламидоза размножаются не такъ какъ бактеріи, т. е. не раскалываются, а собираются вмѣстѣ и образуютъ микроскопическія дубинки. И вотъ теперь предполагается, что эти паразиты клѣточекъ производятъ нѣкоторыя тропическія болѣзни, совершенно не изслѣдованныя еще до сихъ поръ. Когда явится охота отдаться наукѣ, мнѣ придется только спуститься съ высокаго, здороваго нагорья въ первую долину. Жаль только, что теперь ученые пишутъ прозой, а не стихами, какъ Лукрецій. Владѣй я стихомъ, непременно воспѣлъ бы микроорганизмъ, живущій невинной, свободной жизнью въ тропической лужѣ, въ ручьѣ, заросшемъ гигантскими лиліями или въ воздухѣ.

Хламидоза невинна отъ рожденія. Но вотъ она случайно попадаетъ въ человѣческій организмъ и превращается въ паразитъ клѣточки. Паразитъ стремительно размножается, часто образуя новую болѣзнь, не извѣстную до тѣхъ поръ, какъ на примѣръ *Typanosoma rhodesiense*. Микроорганизмъ въ новой обста-

новкѣ такъ размножается, что убиваетъ хозяина и погибаетъ самъ. Мало по малу устанавливается равновѣсіе между выжившими хламидозоа и новыми организмами, въ которые онѣ попадаютъ. Хламидозоа размножается, но не настолько быстро, чтобы убить пріотившихъ ихъ хозяевъ. Тема, какъ видите, богатѣйшая для символиста. Одна бѣда: стиховъ писать не умѣю.

— Вы написали бы иначе Оду на вселеніе хламидозоа? — засмѣялась Грабовская.

— Непремѣнно.

Засмѣялись оба. Наступило потомъ молчаніе.

Тамъ, на континентѣ, надвигалось теперь громадное чудовище, замѣщая своимъ брюхомъ все пространство отъ моря до снѣжныхъ горъ. Каждый аршинъ передвиженія чудовища ознаменованъ былъ рѣками человѣческой крови и грудями тѣлъ. Въ сравненіи съ этимъ чудовищемъ, — василискъ, уранабадъ, Минотавръ, гули, самый страшный изъ всѣхъ Асурось — демонъ Рау и четырехглазый, огнедышащій драконъ Сохамъ, то есть всѣ пугала, порожденныя потрясеннымъ воображеніемъ грековъ, персовъ, сарацинъ, индусовъ и тевтоновъ, — казались кроткими существами, созданными, чтобы маленькія дѣвочки водили ихъ на розовой лентѣ съ голубымъ бантомъ на шеѣ. И казалось, что ночная мгла это — смрадное дыханіе чудовища, болѣе прожорливаго, чѣмъ средневѣковая черная смерть.

Высоко вверху трепетала одинокая звѣзда, какъ будто дрожала отъ страха, что смрадное дыханіе чудовища достигнетъ и до нея. Площадь, которую пересѣкли Гаръ и Грабовская, въ обычное время, въ этотъ часъ, была бы вся залита свѣтомъ громадныхъ электрическихъ фонарей. Теперь она казалась колоссальной каменной банкой, въ которую налили густую тьму. Время отъ времени вверху вспыхивало пламя прожекторовъ, затѣмъ все опять чернѣло. Изъ мрака выныряли черные силуэты безъ лицъ, безъ пола и опять тонули въ немъ. У рѣдкихъ фонарей, въ слабомъ свѣтовомъ кольцѣ неподвижно стояли женскія

фигуры. Мимо нихъ проходили, выплывая на мгновѣніе изъ мрака, солдаты въ фуражкахъ, въ береткахъ съ перьями и въ широкополыхъ шляпахъ съ заломомъ.

Мгла была такая непроницаемая и такая влажная, что казалось, день никогда больше не наступитъ. До вѣка будетъ ползать на континентѣ страшное чудовище, отмѣчая каждое передвиженіе своего брюха грудями человѣческихъ тѣлъ и наполняя воздухъ своимъ чернымъ дыханіемъ.

Именно потому, что кругомъ стоялъ мракъ, Гару и Грабовской было хорошо и радостно. Было такъ темно, что Гаръ поминутно толкалъ свою спутницу. Прежде Егоръ Лукичъ просто предложилъ бы Лидіи Васильевнѣ взять ее подъ руку, чтобы удобнѣе было ходить. Но то чувство, которое наполняло теперь грудь Гара, дѣлало робкимъ русскаго бразильца.

Взять подъ руку дѣвушку явилось бы уже признаніемъ того, что хотѣлось сказать, но что выговорить было такъ трудно.

Оба молчали.

— Мнѣ съ вами разставаться, Лидія Васильевна, — началъ наконецъ Гаръ. Голосъ его чуть замѣтно дрогнулъ.

— Мнѣ будетъ жаль, Егоръ Лукичъ! — отвѣтила послѣ короткой паузы дѣвушка. Въ ея голосѣ Гаръ услышалъ ноту, отъ которой кровь застучало въ вискахъ.

Лидія Васильевна! началъ онъ измѣнившимся голосомъ. — Что вы скажете, если... я вамъ предложу принять участіе въ созданіи колоніи... Какое будетъ вашъ отвѣтъ?

— Я соглашусь. — тихо, чуть слышно, прошептала Грабовская.

Вспыхнулъ свѣтъ прожектора. Полыхнувшееся пламя разорвало мракъ и на мгновѣніе выступили изъ него дома и одинокіе прохожіе. Такой же свѣтъ разомъ озарилъ душу Гара.

IX.

Болотные огни.

I.

— Что-жъ это такое? А? Торопливо говорила Людмила Ѳедоровна Буреусъ. Вы мнѣ только отвѣтите; развѣ такъ можно? А? Вы что то сказали?

Гарь, къ которому обратилась Людмила Ѳедоровна, не проронилъ ни слова. Какъ бы для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, Буреусъ приставила къ сильно выпуклымъ, растеряннымъ, близорукимъ сѣрымъ глазамъ лорнетку, затѣмъ опять начала сыпать вопросы.

— За что убили Алексѣя Ивановича? Онъ былъ товарищемъ Густава Карловича еще въ корпусѣ... Храбрый человѣкъ... Его всѣ матросы любили... А? Послѣ японской войны долженъ былъ даже выйти въ отставку, какъ «красный»... Поступилъ снова на службу, какъ только началась война... Въ Петроградѣ онъ пришелъ къ намъ, когда царь отрекся. Вошелъ, снялъ плащъ и началъ напѣвать: «Воскресеніе Твое, Христе, Спасе, Ангели поютъ на небеси и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити». Теперь убили его. А? Что вы сказали? Убилъ 'молоткомъ его же вѣстовой Куцеба. Воръ. Пьяница. Никуда негодный человѣкъ. Теперь они его какимъ-то комиссаромъ сдѣлали. Что же это будетъ?

Людмила Ѳедоровна сыпала вопросы и, то прикладывая лорнетку, то опять опускала, такъ какъ руки нужны были, чтобы размахивать ими. Она въ Лон-

донѣ еще не оправилась отъ впечатлѣній, пережитыхъ въ Россіи. Людмилу Ѳедоровну называли когда-то «доброй барыней» и крестьяне въ деревнѣ, и матросы. Это, дѣйствительно, была очень чуткая, добрая, интеллигентная русская женщина. Ее глубоко волновало каждое уродливое явленіе русской жизни до революціи. Она читала много, и когда ей что нибудь нравилось въ журналѣ, то непременно писала автору. Если тонъ статьи былъ унылый, Людмила Ѳедоровна утѣшала; если же бодрый, — то благодарила.

Въ деревнѣ у себя Буреусъ дѣлала то же, что всѣ хорошія, интеллигентныя помѣщицы: устроила школу, возилась съ крестьянскими ребяташками, завела родильный пріютъ для бабъ. Когда явились ивановцы, усадьбу Людмилы Ѳедоровны такъ же сожгли, какъ и дома грубыхъ помѣщиковъ, таскавшихъ крестьянъ къ земскому начальнику. Буреусъ забрала тогда двухъ сыновей и съ большимъ трудомъ добралась съ ними въ Англію къ мужу.

— Пусть жгутъ, — начала Людмила Ѳедоровна. — Ну, пусть берутъ все. Чтожъ, будемъ работать. Но зачѣмъ же они убиваютъ? А? Зачѣмъ убили бѣднаго Алексѣя Иванвича? Чуть ли не съ окончанія корпуса начальство преслѣдовало его какъ радикала. Онъ всегда стоялъ горой за матросовъ. И убилъ воръ Куцеба. Вѣдь это насмѣшка надъ всѣмъ справедливымъ, что честный, благородный Алексѣй Ивановичъ убить, а воръ Куцеба — теперь у ивановцевъ чуть ли не первый человѣкъ! Ну, а крестьяне! Что мы имъ сдѣлали?

Погоди, мамочка. А то ты совсѣмъ засыпала Егора Лукича вопросами, спокойно вставилъ адмиралъ Густавъ Карловичъ Буреусъ, посасывая коротенькую трубочку, курить которую научился въ англійскомъ флотѣ.

— Крестьяне и матросы озлоблены тѣмъ, какъ съ ними раньше обращались. Ихъ третировали какъ рабовъ. Въ концѣ XVI вѣка Флетчеръ писалъ, что образъ воспитанія русскихъ, чуждый гражданственности, признается властями самымъ лучшимъ для государ-

ства и наиболѣе согласнымъ съ ихъ образомъ правленія, которое народъ едва ли стать переносить, если бы получилъ какое нибудь образованіе и лучшее понятіе о Богѣ, равно какъ и хорошее устройство. За три съ половиной вѣка понятія о гражданственности не могли развиться у насъ. Прежній командующій классъ добивался только, чтобы всѣ трепетали и подчинялись, не разсуждая. Ни правительство, ни церковь не могли научить уваженію къ человѣческому достоинству. Сегодня я развернулъ привезенныя тобою письма Чехова. Въ письмѣ, посланномъ въ 1892 году, т. е. во время голода, Чеховъ говоритъ: «Какъ жаль, что нельзя описать молебень по случаю бунта и окропленіе розогъ святой водой». Не могли рабы, которыхъ сѣкли освященными розгами, питать уваженіе къ праву чужой личности и къ церкви. И у кого вчерашнимъ рабамъ учиться этому уваженію теперь? Не у ивановцевъ вѣдь? — Буреусъ замолчалъ.

Петръ Андреевичъ писалъ, что у Егора Лукича какой-то проектъ, — началъ снова адмиралъ. Можно ли узнать про него? — Буреусъ откинулъ на высокую спинку кресла большую, круглую, сѣдую, гладко выстриженную голову. Не смотря на эти бѣлые волосы, глаза у Буреуса были живые, молодые, а во рту сверкали при каждой улыбкѣ цѣлые, прекрасные зубы.

Гаръ началъ сжато не уклоняясь въ подробности, излагать свой проектъ «питомниковъ». Буреусъ слушалъ внимательно, вставляя время отъ времени короткій вопросъ, формулированный точно, какъ математическая формула. Внимательно слушали также Гара сыновья Буреуса, мальчики по семнадцатому и пятнадцатому году, здоровые, краснощекіе и неуклюжіе, совершенно не похожіе на нервныхъ, блѣдныхъ петроградскихъ юношей. Оба были прежде въ морскомъ корпусѣ. Теперь они мечтали о жизни, полной приключеній, какую имѣли герои морскихъ разсказовъ Маріэтта. Людмилъ Ѳедоровнѣ трудно было сосредоточиться долго на одномъ. Покуда, Гаръ изло-

жить свой проект, мысли ся имѣли, вѣроятно, не меньше пятидесяти пробѣжекъ, притомъ каждый разъ въ другую сторону.

Вставляли вопросы Костя и Жоржъ. Такъ звали мальчиковъ. Ихъ очень заинтересовало путешествіе по бразильскимъ рѣкамъ въ лодкахъ.

Гаръ кончилъ.

— Я думалъ объ эмиграціи и, собственно говоря, почти рѣшилъ переѣхать въ Аргентину, — началъ Буреусъ, посасывая трубочку. На всякій случай я даже сталъ изучать испанскій языкъ. Проектъ вашъ, Егоръ Лукичъ, кажется мнѣ хорошимъ и болѣе привлекательнымъ, чѣмъ переселеніе въ Аргентину. Я подумаю объ этомъ планѣ. Къ тому времени, когда вамъ отвѣтитъ англійское правительство, будетъ готово и мое рѣшеніе. По всей вѣроятности, мы поѣдемъ съ вами.

Мальчики просіяли.

— Ты, папочка, когда рѣшишь ѣхать въ Бразилію, сможешь сказать, какъ чеховскій Фендриковъ въ разсказѣ Экзаменъ на чинъ: «Зачѣмъ я училъ эту проклятую стереометрію», — замѣтилъ Костя. — Испанскій языкъ тебѣ не пригодится въ Бразиліи.

Верховья рѣки Уаупесъ находятся уже въ Колумбіи, гдѣ бѣлые говорятъ по испански, а не по португальски, — сказалъ Гаръ. Инородцы и въ Бразиліи, и въ Венецуэлѣ, и въ Колумбіи, и въ сосѣднихъ республикахъ предпочитаютъ мѣстный международный языкъ, такъ называемый «lingoa geral».

— Это что такое? — спросилъ Костя.

— А это одинъ изъ результатовъ культурнаго вліянія отцовъ іезуитовъ въ XVII вѣкѣ. Они взяли языкъ индѣйскаго племени Тупи, обработали грамматически, ввели новыя слова и создали, такимъ образомъ, асперанто для сношеній между всѣми племенами Бразиліи, Перу, Венецуэлы, Боливіи и Парагвая. Отцы іезуиты создали языкъ до такой степени логическій и звучный, что европейцы въ глухихъ бразильскихъ городахъ предпочитаютъ его португальскому. Я ви-

дѣль дѣтей португальскихъ колонистовъ, знавшихъ только *lingoa geral*.

Смотри, Костя, ты совѣмъ одичаешь, забудешь по русски и будешь лопотать только на *lingoa geral*, — предсказать Жоржъ.

Мальчики засыпали Гара вопросами. Егоръ Лукичъ разсказать про жизни индѣйцевъ въ «малоккахъ», то есть въ общихъ зданіяхъ, про шамановъ, которыхъ индѣйцы зовутъ *пажесъ* и про нравы разныхъ племенъ. Мальчиковъ ужасно заинтересовало, что всего лишь сорокъ лѣтъ назадъ на берегахъ ріо Мадейры жили людоеды. Гаръ привелъ разсказъ Бейтса про служанку, которую встрѣтили въ С. Пауло. То была добродушная, веселая, работающая дѣвушка изъ племени людоедовъ. Жители ея деревни убили и съѣли двухъ португальцевъ. Въ наказаніе милиція сожгла деревню, жители которой убѣжали въ лѣсъ. Дѣвушку забрали тогда въ плѣнъ. Исслѣдователь Амазонки говоритъ, что слышалъ эпическій разсказъ дѣвушки въ кухнѣ про то, какъ жарили португальцевъ. Служанка сама участвовала въ пиршествѣ. Извѣстнаго естествоиспытателя очень занимало, что вдова одного изъ съѣденныхъ тоже слушала и смѣялась ломанному португальскому языку служанки. Теперь все это уже древняя исторія. С. Паоло больше не глухая деревня, какъ во времена Бейтса и Уоллеса, а громадный городъ съ асфальтовыми мостовыми, электрическими трамваями, большими магазинами, газетами, учеными обществами и многими учебными заведеніями.

II.

Повидимому, мальчикамъ было нѣсколько жаль, что исчезъ такой интересный обычай, какъ людоедство. Они стали разспрашивать про охоту, про рыбную ловлю и, вѣроятно, задавали бы вопросы до утра, если бы Людмила Федоровна не сообщила, что ждетъ еще гостей.

— У меня тутъ знакомая дама, жена англійска моряка Mrs Ридъ — начала Людмила Федоровна. — Она —

мистикъ, изучаетъ теософію и все удивляется, что я ничего не знаю объ этомъ. А? что вы сказали... Обѣщала привести сегодня индуса Дананджайя Сарасвати. Онъ у нихъ вродѣ профессора теософіи, что ли. А? Дама говоритъ — ужасно интересный человѣкъ... Съ ними придетъ еще англичанка Mrs Крейтонъ. Тоже теософка. По словамъ Mrs Ридъ, теперь въ Англіи ужасно много теософовъ. Что? — испуганно оборвала Людмила Ѳедоровна и бросила лорнетку. Потомъ Буреусъ продолжала: — Дананджайя Сарасвати вызвался изложить мнѣ всю суть теософіи. А? — переспросила она, широко раскрывъ глаза.

Раздался звонокъ.

— Вотъ и они, — сказала Людмила Ѳедоровна.

Mrs Ридъ и Mrs Крейтонъ ничѣмъ рѣшительно не отличались отъ сотенъ тысячъ англичанокъ изъ среднихъ классовъ. У обѣихъ на лицахъ лежало гордое и незыблемое сознаніе, что такъ какъ онѣ принимаютъ ванну ежедневно, то принадлежатъ къ высшему классу. И такъ какъ интересуются теософіей, то, кромѣ того, представляютъ собою еще цвѣтъ интеллигенціи. Въ особенности, ярко выражено это было на лицѣ у Mrs Ридъ. Индусъ былъ необыкновенно нервный, очень смуглый, одутловатый, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, въ очкахъ, съ длинными волосами до плечъ, съ подстриженной бородкой. Кабы не смуглый цвѣтъ лица, говорившій о большой примѣси дравидской крови, индуса можно было принять за переодѣтаго молодого русскаго священника изъ академистовъ. Дананджайя Сарасвати отъ повышенной нервности все улыбался, сверкая глазами и ослѣпительными зубами, составившими родъ непроницаемаго частокола во рту.

Черезъ пять минутъ индусъ говорилъ уже о теософіи, размахивая руками, потрясая длинными, прямыми черными волосами и сверкая зубами. Дананджайя Сарасвати отлично говоритъ по англійски, но, какъ всѣ образованные индусы часто пользовался книжными оборотами и высокопарными словами, не употребляемыми болѣе не только въ разгворной рѣчи,

но и въ современномъ письменномъ языкѣ. Индусъ говорилъ стремительно быстро. Книжныя слова, вычитанныя у Шекспира, Спенсера и Мильтона, какъ будто, участвовали, всѣ въ дербійской скачкѣ и старались обогнать другъ друга. Въ перемежку съ книжными англійскими оборотами сыпались непонятные термины, какъ «Йога», «Магатма», «Рупа», «Атма», «Линга-шарира», «Кама-Манасъ», «Будди», «Карма». Какъ пузыри надъ водою, на поверхность моря непонятныхъ словъ стали выплывать мысли, которыя можно было ухватить. «Существуютъ многочисленныя и неопровержимыя доказательства, что человѣкъ имѣетъ совершенно отдѣльное существованіе отъ своего тѣла». «Кромѣ эѳира признаннаго современной наукой, существуютъ еще болѣе тонкіе виды матеріи, проникающіе во всѣ субстанціи». «Человѣкъ — гораздо болѣе сложное существо, чѣмъ принято думать. Душа его представляетъ собою нѣсколько душъ, разной плотности». «Вокругъ насъ существуетъ цѣлая серія міровъ, проникающихъ одинъ въ другой. Человѣкъ имѣетъ отдѣльное тѣло для каждаго изъ этихъ міровъ. Это тѣло можетъ наблюдать окружающій міръ». Человѣкъ послѣдовательно сбрасываетъ съ себя разные оболочки. Это утвержденіе представляетъ собою не только умозрѣніе метафизиковъ, но опредѣленный научный фактъ, опытно извѣстный всѣмъ занимающимся теософіей». «Внутренніе міры называются плоскостями». «Человѣкъ пребываетъ сперва въ физической плоскости, существованіе которой открыли средневѣковые алхимики, дальше слѣдуетъ умственная плоскость обычно называемая разумомъ. Затѣмъ идутъ еще высшія плоскости. Матерія во всѣхъ плоскостяхъ одинакова. Астральная матерія отличается отъ матеріи, пребывающей въ физической плоскости только какъ ледъ отъ пара.

III.

— Что же такое человѣкъ? — воскликнулъ индусъ, размахивая руками. — Эманация Логоса, искра отъ

Божественнаго костра. Душа является оболочкой этой эманации. Жизнь — это эволюция души, — продолжалъ Дананджайя Сарасвати, сверкая бѣлками. Изъ этихъ предпосылокъ логически слѣдуетъ: повторныя пришествія человѣка на землю. Онъ долженъ выполнить свою *Карма*. Я приведу одинъ образъ, чтобы дать вамъ наглядное представленіе объ эволюціи души и о послѣдовательномъ появленіи ея на землѣ. Мальчикъ пошелъ въ школу. То былъ очень маленькій мальчикъ. Все извѣстное ему, онъ воспріалъ съ молокомъ матери. Учитель его, то былъ Богъ, посадилъ мальчика въ самый младшій классъ и далъ выучить такой урокъ: «Не убей. Не причиняй вреда ни одному живому существу. Не укради». Человѣкъ научился, что нельзя убивать, но онъ былъ еще жестокъ и кралъ. Къ концу дня, когда борода у человѣка побѣлѣла и передъ нимъ лежала ночь, учитель, то былъ Богъ, сказалъ: «Ты научился, что нельзя убивать; но остальные уроки ты еще не выучилъ. Приходи завтра опять». На другой день человѣкъ опять явился въ школу, какъ маленький мальчикъ. И его учитель, то былъ Богъ, посадилъ мальчика въ болѣе высокій классъ и далъ выучить слѣдующій урокъ: Не причиняй вреда никакому живому существу». «Не укради». «Не обманывай никого». Человѣкъ выучилъ, что нельзя причинять вредъ живому существу, но онъ кралъ и обманывалъ. Къ концу дня, когда борода у человѣка побѣлѣла и передъ нимъ лежала ночь, учитель, то былъ Богъ, сказалъ: «Ты научился быть сострадательнымъ; но остальныхъ уроковъ ты еще не выучилъ. Приходи завтра снова». И снова на другой день въ школу явился маленький мальчикъ. Его учитель, то былъ Богъ, — посадилъ человѣка въ еще болѣе высокій классъ и задать на урокъ выучить слѣдующее: «Не укради. Не обманывай. Не пожелай чужого добра». Человѣкъ научился, что нельзя красть; но онъ обманывалъ и желалъ чужое. И къ концу дня, когда борода у человѣка побѣлѣла и передъ нимъ лежала ночь, его учитель, то былъ Богъ, сказалъ: «Ты научился, что красть нельзя; но остальныхъ уроковъ

еще не знаешь. Приходи, дитя мое, завтра опять. «Все это мы читасмъ какъ на лицахъ у мужчинъ, такъ и на небесномъ свиткѣ, гдѣ словами являются звѣзды».

Mrs Ридъ слушала съ такимъ выраженіемъ, которое говорило: «Снисхожу къ проповѣди цвѣтнокожаго». Съ такимъ выраженіемъ, вѣроятно, самоуправецъ XVIII вѣка, вѣшавшій за ребра мужиковъ, слушалъ въ своей церкви попа, котораго въ любой моментъ могъ затравить собаками. На лицѣ г-жи Ридъ лежало сознаніе, что она представляетъ собою не только эманацию Логоса, но и высшую форму эволюціи ея.

Г-жа Крейтонъ слушала, какъ въ церкви, закрывъ глаза ладонью. Людмила Ѳедоровна нервно вертѣла лорнетку, смотрѣла въ упоръ въ одну точку, затѣмъ вздрагивала и поднимала брови, какъ будто спрашивала: «А! Что?» Адмиралъ спокойно сосалъ трубочку, откинувъ голову на высокую спинку кресла. Мальчики слушали сперва, но потомъ имъ стало скучно и они тихонько вышли въ другую комнату. Судя по отдѣльнымъ словамъ, долетавшимъ оттуда, Костя и Жоржъ говорили о Бразиліи. Внимательнѣе всѣхъ слушалъ Гарь. Онъ сталъ задавать индусу рядъ вопросовъ, которые, повидимому, должны были выяснить одинъ пунктъ, занимавшій Егора Лукича.

Отвѣчая на эти вопросы, Дананджайя Серасвати сказалъ, что теософія явилась въ Европу, чтобы утвердить «гносисъ» противъ агностицизма и сравнительную религію противъ сравнительной миѳологіи. Теософія признаетъ факты, открытые археологами и антропологами, но утверждаетъ, что всѣ эти открытія подаются иному толкованію, чѣмъ то, которое дали имъ враги религіи. Найденные факты несомнѣнны, но объясненія, даваемые агностиками, представляютъ собою лишь гипотезы. Теософія выдвигаетъ противъ этихъ гипотезъ другое объясненіе фактовъ. Она говоритъ, что сходство религіозныхъ ученій, этики, символовъ и обрядовъ разныхъ народовъ всѣхъ временъ обуславливается слѣдующимъ.

Религіи всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ имѣють общій источникъ. За предѣлами земли существуетъ братство боговдохновенныхъ людей, періодически посылающее на нашу планету кого нибудь изъ своихъ сочленовъ для основанія новой религіи, содержащей въ себѣ существенныя истины предшествовавшей религіи, но облеченныя въ иную форму въ зависимости отъ времени и отъ способностей того народа, къ которому явился вѣстникъ. Ману, Віаса, Заратустра, Моисей, Будда и Христосъ всѣ принадлежали къ этому братству. Они явились вѣстниками, а религіи, основанныя ими, благовѣстью. Прежде изучающіе религію кружились въ запутанномъ лабиринтѣ, гдѣ ихъ пожиралъ Минотавръ сравнительной міеологіи. Такъ продолжалось, покуда не явилась новая Аріадна, великая Елена Петровна Блаватская (индусъ такъ и сказала Helena Petrovna Blavatsky), которая своею книгою *Тайное Ученіе* дала изучающему въ руки нить и мечъ, чтобы убить Минотавра.

IV.

— Я хочу убѣдиться, вѣрно ли я понялъ суть вашего ученія, — началъ Гаръ. Если не ошибаюсь, оно построено вами на трехъ основныхъ положеніяхъ, изъ которыхъ вы выводите уже всѣ остальные, въ томъ числѣ, переселеніе душъ. Основные положенія эти: признаніе Бога, безсмертія души и Промысла.

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ Дананджайя Серасвити, утвердительно мотнувъ головой. — Это основные истины нашего ученія.

— Такимъ образомъ, вы выводите законы изъ спорныхъ предпосылокъ, подвергаемыхъ критикѣ съ тѣхъ поръ, какъ явилась свободная мысль. Научно доказать ваши предпосылки вы не можете. Поэтому, всѣ ваши выводы являются тѣмъ, что въ логикѣ называется Протонъ псевдосъ. Какъ естественникъ, я возьму предпосылку о Промыслѣ, такъ какъ въ связи съ нею вы все время говорили про эволюцію. Отбросимъ всѣ таинственныя слова, какъ Карма, Манасъ

и Линга Шерира, которыя только затемняютъ вопросъ. Чѣмъ какое нибудь утвержденіе ближе къ истинѣ, тѣмъ понятнѣе и проще можетъ оно быть формулировано. Постараюсь поставить вопросъ возможно болѣе ясно. Получится вотъ что. Вопросъ о существованіи зла представляетъ для теологіи еще болѣе непреодолимая трудности теперь, когда обновленная религія отрицаетъ существованіе дьявола. Если признать, что законъ эволюціи установленъ Промысломъ, то совершенно невозможно говорить о безконечной добротѣ и справедливости Направляющаго начала. Въ русской сказкѣ про Летучій корабль герой встрѣчаетъ человѣка съ такимъ чуткимъ ухомъ, что онъ даже слышитъ, какъ растетъ трава. Будь у насъ такая способность, мы слышали бы постоянно плачъ и стоны миллионѣвъ живыхъ существъ, погибающихъ въ борьбѣ за существованіе. Каждую секунду до насъ долетали бы вопли и жалобы, которыя Данте слышалъ у входа въ адъ. И они убѣдили бы каждого, что въ мірѣ нѣтъ кроткаго Промысла. Книга природы написана кровью и слезами. Изученіе этой книги показываетъ, какъ ошибочно утвержденіе, что вселенная въ рукахъ Начала, представляющаго собою любовь. Какая тамъ любовь! На каждомъ шагѣ мы видимъ безконечную, безсердечную, совершенно излишнюю жестокость.

Учитель, о которомъ вы упомянули, говорить ученику: «приходи еще разъ, чтобы научиться щадить все живое». Мальчикъ могъ бы отвѣтить: «Я выучу этотъ урокъ послѣ тебя». Изъ миллионѣвъ рождающихся существъ выживаютъ только немногіе. И выживающіе отнюдь не самые лучшіе, а только наиболѣе приспособленные. Законъ убійства господствуетъ въ природѣ. Жизнь въ природѣ—сплошная трагедія и безконечная цѣль преступленій. Ихъ такъ много, что мысль о направляющемъ, добромъ началѣ должна быть отклонена. Только постигнувъ всѣ преступленія, совершающіяся на землѣ, человѣкъ можетъ отчасти устранить ихъ, если направить всѣ силы своего разума на борьбу съ Природой.

Дананджайя Серасвити презрительно скалилъ сверкающіе зубы, показывая этимъ, что слова Гара такъ нелѣпы, что на нихъ и отвѣчать не стоитъ. Но пылкость человѣка, выросшаго въ странѣ палящаго солнца, взяли верхъ надъ сдержанностью. Онъ презрительно пожалъ плечами и воскликнулъ:

— Допотопный матеріализмъ!

— Нѣтъ, ваше утвержденіе не точно, спокойно отвѣтилъ Гаръ. Я признаю, что міръ, въ концѣ концовъ, управляется только идеями, притомъ очень часто наиболѣе дикими и гадательными идеями. Сплошь и рядомъ болотные огни принимаются за путевые маяки.

Въ высшей степени важно поэтому, чтобы теоріи о вещахъ, имѣющихъ даже только отдаленное отношеніе къ нашей повседневной жизни, были бы насколько возможно правильны и насколько возможно чужды ошибокъ.

Mrs Ридъ изобразила на своемъ лицѣ презрительную улыбку, хотя только поняла, что загорѣлый иностранецъ съ лохматой желтой бородою «дерзитъ». Mrs Крейтонъ произнесла: «It is very interesting indeed», — и стала прощаться. За ней послѣдовали Индусъ и Ридъ.

Ну, какъ тебѣ, мамочка, понравились теософы? — спросилъ Буреусъ, когда гости ушли.

— Они ничего дурного не проповѣдуютъ, — сказала Людмила Ѳедоровна. — Напротивъ. А? Я говорю, что ихъ ученіе справедливое. Въ такое время какъ наше, ихъ особенно можно слушать. А? Что вы сказали? Если отрицать то, что говорятъ теософы, то значитъ, надо признать: «все дозволено». Что же, тогда и Куцеба былъ правъ, убивая Алексѣя Ивановича. А?

Людмила Ѳедоровна приложила лорнетку къ глазамъ и взглянула на Гара. Полагая что это означаетъ вопросъ, направленный къ нему, Егоръ Лукичъ счелъ необходимымъ сдѣлать выводъ изъ тѣхъ положеній, которыя высказалъ раньше.

— Сегодня вкривь и вкось толковали слово «эволюція». Индусъ этотъ, какъ и многіе другіе, полагаетъ,

что стоит только найти слово, и истина сама раскрывается. Когда люди сошлись вмѣстѣ и стали жить обществомъ, они сочли необходимымъ приручить нѣсколько идей о правѣ, какъ говоритъ мой пріятель Божко. Обществу потребовалось установить для выгоды всѣхъ собравшихся извѣстный уговоръ. Когда мальчики собираются вмѣстѣ, то и они устанавливають правила игры, безъ которыхъ будутъ только ссоры и беспорядочная суетня. Такія же правила игры установили люди, когда они изъ лѣсовъ собрались вмѣстѣ въ пещерахъ или на берегахъ рѣкъ для общежитія. Первоначальныя правила игры это тѣ именно уроки, которыя по словамъ Дананджайя Серасвити учитель задаетъ ученику и велитъ ему для усвоенія ихъ нѣсколько разъ являться въ школу. Правила игры эти: «Не убей», «не укради», «не лги». Эти правила игры формулированы въ незапамятныя времена. За пятьдесятъ вѣковъ до насъ они были собраны уже Хаммураби въ стройную систему. Для придачи этимъ правиламъ большого авторитета и большей торжественности ихъ снабдили мистической оболочкой, которая совершенно необходима при извѣстной стадіи развитія общества. У Фрэйзера есть очень интересное изслѣдованіе «*Psyche's Task*», въ которомъ доказывается, что суевѣріе одно время сослужило человечеству громадную службу. Выводы Фрэйзера формулируются приблизительно такъ. Было время, когда у нѣкоторыхъ расъ суевѣріе утвердило уваженіе къ правительству, и, такимъ образомъ, содѣйствовало установленію и поддержанію гражданского порядка. Было время, когда у нѣкоторыхъ расъ суевѣріе утвердило уваженіе къ частной собственности и, такимъ образомъ, содѣйствовало безопасности его и пользованію имъ. Было время, когда у нѣкоторыхъ расъ суевѣріе утвердило уваженіе къ браку и такимъ образомъ, содѣйствовало строгому соблюденію правилъ половой нравственности, какъ женатыми, такъ и холостыми. Было время, когда у нѣкоторыхъ народовъ суевѣріе содѣйствовало укрѣпленію уваженія къ человѣческой личности, содѣйствуя такимъ образомъ

тому, что жизнь стала болѣе пріятной и безопасной. Таковъ выводъ Фрейзера. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, отъ правилъ игры, установленныхъ людьми, сошедшимися для общежитія, остались лишь суевѣрныя оболочки. Содержаніе исчезло. И когда подвергаютъ рѣзкой критикѣ суевѣрную оболочку, въ которой уже нѣтъ ничего, намъ говорятъ: «Неужели все дозволено?»

Человѣчество нуждается въ новомъ уговорѣ, въ новыхъ правилахъ игры, ясныхъ, точныхъ, благотѣльныхъ для *всѣхъ* уговаривающихся. Надобно, чтобы всѣ поняли, что безъ точнаго соблюденія правилъ игры общественная жизнь немыслима. Такое пониманіе явится результатомъ труда, знанія и направленія всѣхъ усилій на борьбу съ природой. Надо перестать играть словами. Тогда всѣ поймутъ, что не можетъ быть двухъ кодексовъ морали: одинъ для отношенія между индивидуумами, а другой для отношеній между классами и народами. Люди признаютъ одинъ уговоръ, *одно* правило игры для индивидуумовъ, классовъ и государствъ. Довольно жестокостей продѣлываетъ природа. Пусть хоть человѣкъ не увеличиваетъ суммы страданій на землѣ... Однако, я заговорился. Уже поздно.

— Я обдумаю вашъ проектъ, Егоръ Лукичъ, — сказалъ адмиралъ, провожая Гара, — по всей вѣроятности, *je suis votre homme*. Отдѣльное переселеніе въ Аргентину означало бы отреченіе отъ Россіи. Желаю вамъ успѣха въ переговорахъ съ англійскимъ правительствомъ.

Ж.

Въ Парламентѣ.

І.

Божко машинально читалъ вывѣски, облѣпившія черные, закопченные дома на газетной улицѣ.

«Сфера», «Глобусъ», «Йоркширская Почта», «Христіанскій міръ», «Бирмингемскій Герольдъ», «Манчестерскій Стражъ», «Бельфастскій Вигъ», «Ирландское Время», «Торонтскій Наблюдатель», «Ауклэндскій факель»... Сколько разъ уже Божко видѣлъ эти вывѣски! На этой улицѣ и въ боковыхъ переулочкахъ, ожидающихъ послѣ полуночи, выходятъ всѣ лондонскія газеты. Тутъ также газеты всей Британской имперіи имѣютъ отдѣленія редакцій. Иныя газеты занимаютъ цѣлый громаднѣйшій пятиэтажный домъ. Это аристократія Флитстрита. Плебеи снимаютъ «углы»: двѣ, три и больше вывѣсокъ жмутся на одномъ небольшомъ домѣ. И Петру Андреевичу почему то вспомнилась луна, изготовляемая въ Гамбургѣ. Здѣсь на этой извилистой улицѣ, подъ которой во мракѣ течетъ плѣненная рѣчка, если не изготовляется то, во всякомъ случаѣ окончательно шлифуется своего рода свѣтило: общественное мнѣніе всей Англіи.

Божко свернулъ съ газетной улицы, такъ какъ хотѣлъ пройти до Парламента набережною. Въ Парламентѣ Петра Андреевича ждалъ Гаръ, которому министръ обѣщалъ дать сегодня окончательный отвѣтъ: можно ли вербовать колонистовъ и разрѣшать ли имъ теперь, во время войны, уѣхать въ Бразилію.

Рѣка издали казалась сѣрой, но вблизи мутныя волны ея имѣли красноватый оттѣнокъ. Пахло сыростью, слегка тошнотворной. Былъ приливъ; вода кипѣла и набѣгала все выше и выше на гранитныя ступени. Рѣка никакъ не могла забыть того времени, когда она, еще не скованная каменными стѣнами, во время прилива далеко затопляла низменный, болотистый берегъ, поросшій камышемъ. Она негодовала теперь и злобно шептала каменному обелиску, исписанному іероглифами, да двумъ бронзовымъ сфинксамъ по бокамъ его: «Я еще имъ покажу! Вы увидите! Вы еще расскажете будущимъ поколѣніямъ!» И каждый разъ, чтобы обелискъ и сфинксы слышали яснѣе ея угрозы, рѣка ползла къ нимъ все выше и выше по ступенямъ набережной. Бронзовые сфинксы видѣли еще мало на своемъ вѣку: ихъ недавно только отлили. Они поэтому съ застывшей скептической улыбкой слушали угрозы рѣки. Но обелискъ видѣлъ уже, какъ падали въ прахъ великія цивилизаціи. Онъ лежалъ на развалинахъ одной изъ нихъ уже во время Страбона. Вотъ почему каменный обелискъ не считалъ пустой похвальбой угрозы рѣки, что она будетъ еще катить волны по развалинамъ громаднаго города. Еще въ тѣ времена, когда обелискъ стоялъ у дверей храма, — Лавійская пустыня грозила Геліополису, какъ теперь рѣка стращаетъ Лондонъ. И пустыня сдержала обѣщаніе.

Тридцать вѣковъ безсильно грызли бока обелиска; но теперь онъ могъ показать наконецъ рану: то былъ слѣдъ бомбы, брошенной изъ подъ облаковъ. Такія же раны были въ бронзовыхъ бокахъ молодыхъ сфинсовъ.

На другомъ берегу рѣки строились какія то громадныя зданія съ колоннами; но руки, складывавшія камни, понадобились въ другомъ мѣстѣ, и сооруженіе остановилось. Безсильно остановились тамъ гигантскіе паровые краны, передвигавшіе гранитныя и бетонныя кубы. Дальше на другомъ берегу поднимались закопченные пивоваренные заводы, повидимому, тоже остановившіеся, что приводило, судя по задраннымъ

хвосту, въ необычайнос изумленіе краснаго каменнаго льва на крышѣ. Надъ мутными волнами пронзительно кричали чайки. Онѣ ликовали, такъ какъ имъ безвозбранно принадлежала теперь почти вся рѣка. Ползли пароходы, таща глубоко сидящія, неуклюжія баржи, нагруженные углемъ. И съ берега казалось, что за пароходами слѣдуютъ громадныя дельфины, показывающіе свои черныя спины надъ водой. Направо и налево виднѣлись арки мостовъ. И когда пароходы подходили къ нимъ, то нагибали трубы, какъ будто кланялись широкимъ сводамъ. На правой сторонѣ набережной, въ садикѣ передъ восьмиэтажнымъ домомъ, Божко увидаль знакомый, закопченный памятникъ, поставленный «святому рационалисту». И глядя, на грустное, задумчивое лицо Милля, Божко вспомнилъ одну мысль его: «Грядущее человѣчество находится въ опасности, если за реформы будутъ стоять невѣжественные борцы, а противъ преобразованій столь же невѣжественные и упрямые антагонисты».

Когда то восьмиэтажное зданіе, передъ которымъ стоитъ бронзовое изображеніе святого рационалиста, являлось главной квартирой арміи, намѣчавшей какую новую идею необходимо приручить для спасенія Англіи. Теперь эту квартиру заняла другая армія, борющаяся съ противникомъ не словомъ, а двѣнадцатидюймовымъ снарядомъ. Восьмиэтажный домъ оказался тѣснымъ, поэтому онъ обросъ бараками, какъ стволъ стараго дуба деревянистыми грибами. Сквозь раскрытыя окна бараковъ видны были мужчины и женщины, выстукивавшіе что то на ремингтонахъ.

Святому рационалисту теперь не пришлось бы писать о подчиненіи женщины, — думать Божко, видя, какъ вслѣдъ за трамваемъ, бѣжитъ стройная, повидимому, очень сильная, красивая дѣвушка въ пальто защитнаго цвѣта и въ шапочкѣ, ухарски надвинутой на пушистые волосы. Изъ подъ пальто видны ноги въ изящныхъ башмакахъ и въ сѣрыхъ шелковыхъ чулкахъ. На плечахъ у дѣвушки офицерскія звѣздочки, а надпись подъ ними говоритъ, что она принадле-

жить къ корпусу летчиковъ. Дѣвушка, бѣжавшая за трамваемъ, схватила за поручни и ловко вскочила...

На стѣнахъ, и на парпетѣ набережной, афиши, наклеенныя другъ на друга, взывали къ патріотизму имущихъ людей. «Покупайте бумаги военнаго займа», «Давайте ваши деньги государству, помогите выиграть войну!» — читалъ Божко. Копоть покрыла и стѣны домовъ, и памятникъ, и парпетъ, и мосты, иobeliskъ, и афиши. Все такъ почернѣло, что даже яркое весеннее солнце не могло заставить улыбнуться угрюмые камни. Божко замѣтилъ двухъ прохожихъ, остановившихся, чтобы прочесть надпись, сдѣланную мѣломъ на плитахъ тротуара. «Вашъ портретъ я сдѣлаю карандашемъ за два пенса въ двѣ минуты». Художникъ, сѣдой, обрюзглый старикъ, налитый пивомъ, безъ шапки стоялъ рядомъ и внимательно читалъ какую то замасленную, растрепанную книжку. Петръ Андреевичъ узналъ одного прохожаго: молодого, маленькаго, худощаваго, въ спортсмэнскомъ костюмѣ. То былъ представитель крошечной, заброшенной гдѣ то въ горахъ національности, о которой никто не слыхалъ до войны. Господинъ въ спортсмэнскомъ костюмѣ пріѣхалъ въ Лондонъ, чтобы доказать право крошечной, неизвѣстной національности навязать свой языкъ вкрапленной въ нее еще болѣе микроскопической національности.

Въ далекой горной долинѣ шла теперь ожесточенная борьба между двумя искусственно созданными письменными языками. Каждый, пользовавшійся этими языками, долженъ былъ выдумывать слова для передачи самыхъ простыхъ понятій. И въ результатъ получились никому непонятныя криптограммы. Господинъ въ спортсмэнскомъ костюмѣ могъ часами доказывать, что отъ признанія того или другаго письменнаго языка, искусственно созданнаго въ далекой долинѣ, зависятъ дальнѣйшія судьбы не только всей Европы, но и цѣлаго міра.

— А, — Monsieur Божко! заговорилъ по французски, истерически захлебываясь, господинъ въ спортсмэнскомъ костюмѣ. Говорилъ онъ по французски

правильно и бойко, но съ страннымъ скрипучимъ акцентомъ. — Ужасно радъ васъ видѣть. Я вамъ представлю наше свѣтило, Бониско, всемірнаго поэта Бониско.

Господинъ въ спортсмэнскомъ костюмѣ указаль на своего спутника. То былъ низенькій, ушедшій въ ширину человѣкъ, на лицѣ котораго можно было разсмотрѣть только черную бороду и черные глаза. Носъ, заблудившійся въ дремучей растительности, выгнуль спину, какъ будто для того, чтобы высмотрѣть дорогу изъ черной тайги. Поэтъ Бониско опустилъ глаза, и дремучая растительность на лицѣ шевельнулась. То онъ скромно улыбался, выражая этимъ, что ему тяжело отъ бремени славы, несмотря на широкія плечи.

Божко впервые въ жизни услыхаль имя знаменитаго поэта, но долженъ былъ изобразить на лицѣ улыбку, говорящую: «Неужели это великій Бониско?»

Зная способность господина въ спортсмэнскомъ костюмѣ говорить цѣлыми часами объ обязанности всего міра интересоваться борьбой, происходящей въ далекой долинѣ между двумя сочиненными письменными языками, — Божко поспѣшилъ пригласить его и великаго Бониско къ себѣ, чтобы имѣть возможность оставить ихъ теперь.

II.

Божко нагналь високаго, осанистаго старика въ щеголеватомъ пальто съ перехватомъ. Старикъ бойко стучаль по плитамъ тростью съ золотымъ набалдашникомъ и выступаль грудью впередъ, закинувъ голову, хотя передвигаль съ нѣкоторымъ трудомъ ноги въ сѣрыхъ гетрахъ на перламутровыхъ пуговкахъ. То былъ коммонерь — консерваторъ сэръ Артуръ Колингвудъ. Знакомые пошли рядомъ.

— Сегодня — послѣднее голосованіе новаго избирательнаго билля, — началъ Колингвудъ.

— Вѣдь результаты точно можно предсказать: законопроектъ пройдетъ, не такъ ли сэръ Артуръ?

— Конечно. Засѣданіе будетъ продолжаться не болѣе полчаса.

— Какъ вамъ представляются результаты ближайшихъ выборовъ? Что случится когда вмѣсто восьми милліоновъ избирателей, явятся шестнадцать милліоновъ, а въ числѣ ихъ шесть милліоновъ женщинъ?

— У меня есть старая гравюра Дойна, выпущенная въ августѣ 1832 года, т. е., черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ первый билль о реформахъ сталъ закономъ. Изображаетъ она эпизодъ изъ байроновской поэмы *Мазена*. Къ дикому скакуну-Реформа привязанъ Джонъ Буллъ. За конемъ гонится стая волковъ съ лицами тогдашнихъ радикаловъ. И обезумленный отъ страха скакунъ прыгаетъ черезъ поваленное дерево «Сверженныхъ интересовъ» прямо въ кипящій потокъ революціи. Тогда тори предсказывали, что результатомъ реформъ будетъ революція и поножевщина. Анархія, конечно, наступила бы, если бы билль не прошелъ. Въ двадцатыхъ годахъ мы имѣли въ Англіи мятежи. Центральные города ковали копья и собирались итти на Лондонъ; но великій билль о реформахъ разрядилъ тучи, насыщенные электричествомъ. То же самое повторится и теперь. Первый билль о реформахъ измѣнилъ характеръ Англіи. Новый избирательный законъ, конечно, принесетъ съ собою неизмѣримо болѣе радикальныя перемѣны; но лучше, конечно, это чѣмъ...

Сэръ Артуръ хотѣлъ сказать что то, но, очевидно, вспомнилъ про національность Божко и умолкъ. Они молча сдѣлали нѣсколько шаговъ.

— Истина — вино, крѣпость котораго по силамъ только свободному народу, — задумчиво началъ сэръ Артуръ. Рабамъ надобенъ обманъ. Ихъ обманываютъ или они сами себя обманываютъ.

— Вы думаете, что имущіе классы не испугаются будущаго? — спросилъ Божко.

— Да что будущее? Надо думать о *настоящемъ*. Робинзонъ Крузо не думалъ о людяхъ, которые будутъ жить на островѣ черезъ двѣсти лѣтъ послѣ него. Онъ работалъ много, стараясь устроить по возмож-

ности болѣе удобную и справедливую жизнь для себя. Намъ вѣтъ не мѣшаетъ воспользоваться урокомъ Робинзона Крузо. Нынѣшнему поколѣнію слѣдуетъ устроиться теперь хорошо и справедливо, не загадывая впередъ на двѣсти лѣтъ. Мы все равно не можемъ предвидѣть неожиданные факторы, которые будутъ выдвинуты черезъ пятьдесятъ, сто лѣтъ и радикально измѣнять самые тонкіе расчеты, созданные теперь. Если мы устроимъ теперь хорошую и справедливую жизнь для себя, то нашимъ потомкамъ будетъ легче жить и легче строиться. Ошибки и насилія, совершенныя однимъ поколѣніемъ, порождаютъ чрезвычайныя осложненія для потомковъ. Каждая такая политическая ошибка есть именно зеленый виноградъ, набивающій оскмину внукамъ про ксоторый мы читаемъ въ евангеліи. Истина, въ концѣ концовъ, понятіе только относительное. Единственнымъ мѣриломъ для истины является ея польза для настоящаго поколѣнія. Вотъ почему я говорю, что всѣ имѣютъ одинаковое право на равный стартъ въ жизни, хотя, конечно, люди не равны — прибавилъ онъ въ скобкахъ.

— Какъ не равны? — переспросилъ Божко.

— Ну да, конечно, не равны, — убѣжденно отвѣтилъ старикъ. При самомъ идеальномъ строѣ, когда матеріальное неравенство будетъ совершенно устранено, все таки, будутъ рождаться люди умные и глупые, талантливые и заурядные. Если даже установится порядокъ, предсказанный намъ Британской Соціалистической партіей, всетаки, у однихъ родителей будутъ рождаться гении, а у другихъ — дураки. Всѣ они вырастутъ и будутъ на совершенно равныхъ началахъ работать или ничего не дѣлать одинаковое число часовъ на національныхъ фабрикахъ. Въ свободное время гений напишетъ новаго *Мекбета* или придумаетъ удивительную машину, тогда какъ посредственность или дурачекъ будутъ на досугъ плевать въ потолокъ. И хотя, — что вполне возможно, — они достигнутъ совершенства въ этомъ занятіи, — общество иначе отнесется къ великому писателю или

изобрѣтателю, чѣмъ къ плевателямъ въ потолокъ. И въ идеальномъ социалистическомъ строѣ возникнетъ неравенство, основанное на зоологической особенностяхъ : на умѣ и талантѣ. Правда, писатель или изобрѣтатель ничего не получаютъ за свои труды, но возникнетъ, тѣмъ не менѣе, броженіе на почвѣ зависти. Въ библіи это удивительно отмѣчено. Каинъ и Авель пребывали въ совершенно одинаковыхъ матеріальныхъ условіяхъ. Орудія производства и распределенія богатствъ тоже находились въ ихъ рукахъ. И тѣмъ не менѣе на почвѣ зависти возникло первое убійство на землѣ. Я предвижу то отдаленное время, когда на почвѣ зависти, при общественномъ строѣ, основанномъ на равномъ распределеніи богатствъ, возникнетъ бунтъ дураковъ и бездарностей противъ умныхъ и талантливыхъ людей.

Божко усмѣхнулся.

— Покуда все это произойдетъ, надо все-таки всѣмъ дать равный стартъ въ жизни, какъ я уже сказалъ,— продолжалъ коммонеръ. Не будемъ ѣсть зеленого винограда теперь, тогда потомки наши справятся легко со всякой бѣдой.

III.

Спутники обогнули гигантское зданіе Парламента, массивное и въ то же время воздушное. Они шли по широкому трауру, находящемуся выше стариннаго зала, представляющаго собою остатокъ сгорѣвшаго Парламента. Заль этотъ ушелъ на половину въ землю. И съ высокаго тротуара виденъ былъ внизу, на зеленой лужайкѣ, передъ заломъ, ушедшимъ въ землю, бронзовый памятникъ воину въ высокихъ сапогахъ, съ длинными волосами до плечъ, съ мечемъ въ одной рукѣ и съ книгой въ другой. Черты лица этого воина были тверды, какъ бронза, изъ которой его отлили.

— Знаете вы стихи, съ которыми Мильтонъ обратился къ Кромвелю? — спросилъ сэръ Артура, взглянувъ на памятникъ.

— Нѣтъ, а что?

— Вотъ что писалъ Мильтонъ :

Peace hath her victories
No less renown'd than war: new foes arise
Threat'ning to bind our souls with secular chains:
Help us to save free conscience from the paw
Of hireling wolves, whose gospel is their maw*)

Кромвель, собственно говоря, былъ лицемѣръ пре-
отмѣнный, но онъ былъ хоть талантливъ и силенъ,
тогда какъ другіе пустосвяты, тоже бормочущіе фор-
мулы, правда, иной категоріи, бездарны и слабы.

Божко не хотѣлъ допытываться у сэра Артура, ка-
кихъ пустосвятовъ онъ имѣетъ въ виду.

У входа въ парламентъ знакомые разстались. Къ
Божко подошли Гаръ и Грабовская.

— Намъ надо пойти въ «лобби», — сказалъ Божко.
Тамъ вамъ, Егоръ Лукичъ, удобнѣ всего перегово-
рить съ министромъ. Только вотъ съ Лидіей Василь-
евой надо устроить раньше. Ее въ «лобби» не пу-
стятъ. Погодите. Я васъ представлю коммонеру Дже-
рольду. Вотъ онъ бѣжитъ сюда. Онъ васъ поведетъ
на террасу, гдѣ мы потомъ встрѣтимся.

Мистеръ Джерольдъ, — коротенькій, плѣшивый,
очень проворный старичекъ съ громаднымъ сапфи-
ромъ, усыпаннымъ алмазами на галстукѣ, любезно
повелъ Грабовскую на террасу. У входа въ корри-
доръ, вадущій въ «лобби», стоялъ высокій, красно-
щекий, здоровый полисмэнъ. Божко сказалъ ему свое
имя. Полисмэнъ вытащилъ тогда изъ-за колонны пачку
съ карточками — выбралъ толстыми пальцами одну
изъ нихъ и удостовѣрился, что тамъ, въ списокѣ лицъ
имѣющихъ право входить въ «лобби», значится имя
Петра Андреевича. Гаръ показалъ полисмэну кар-
точку министра. Тогда полицейскій кивнулъ головой
обоимъ пріятелямъ. Они пошли корридормъ съ гро-
мادными картинами. Гаръ успѣлъ замѣтить только

*) Миръ имѣетъ свои побѣды, не менѣе, славныя, чѣмъ
война. Поднимаются новые враги, грозя сковать наши души
вѣковыми цѣпями. Помоги намъ спасти свободу совѣсти отъ
наемныхъ волковъ, евангеліемъ которыхъ является брюхо.

одну, изображавшую наряднаго, придворнаго въ костюмѣ временъ Карла I. Онъ стоялъ на эшафотѣ, подъ висѣлицей. Палачъ навязывалъ придворному на шею какую то книгу. Эшафотъ обступили суровые кромвелевскіе латники, съ волосами до плечъ. Тутъ же стояли два пуританина, въ черныхъ плащахъ, съ высокими шляпами, съ постными, жестокими лицами.

— Совсѣмъ «пустыножители!» — мелькнуло въ головѣ у Гара, вспомнившего терминологию Божко.

— Что изображаетъ эта картина? — спросилъ Егоръ Лукичъ.

— Казнь графа Монтроза. Онъ сражался сперва въ рядахъ Кромвелля, но потомъ сталъ контръ-революціонеромъ. Его повѣсили вмѣстѣ съ книгой, въ которой онъ выступилъ противъ Кромвелля.

IV.

Изъ корридора пріятели вошли въ высокій залъ, напоминающій своими стѣнами изъ бураго камня, украшеннаго такими же цвѣтами, своими колоннами, цвѣтными стеклами въ высокихъ и узкихъ окнахъ, хорами надъ дверьми, бронзовыми люстрами и мозаичнымъ поломъ, — церковь. Только потолокъ изъ рѣзнаго дуба съ золотыми гербами напоминать не церковь, а банкетный залъ старинныхъ дворцовъ. Это и было «лобби». Затѣмъ въ высокомъ залѣ поражало обиліе дверей. Большихъ дверей, впрочемъ, было двѣ. Одна — черезъ которую вошли Божко и Гаръ. Другая, какъ объяснилъ Петръ Андреевичъ, вела въ залъ, гдѣ засѣдаютъ коммонеры. У этой двери въ маленькой будкѣ сидѣлъ приставъ въ черномъ шелковомъ кафтанѣ, въ штанахъ до колѣнъ, въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. Позади той двери, черезъ которую вошли пріятели, находилось подобіе стойки съ пюпитрами. Здѣсь сидѣло нѣсколько джентльменовъ съ записными книжками въ рукахъ.

— Это «whips» или «пикеры», парламентскихъ партій, — объяснилъ Божко. «Лобби» — ихъ штабъ квартира. Они сидятъ здѣсь и зорко слѣдятъ за тѣмъ,

чтобы никто изъ членовъ ихъ партіи не ушелъ незамѣтно. «Пикеръ» долженъ знать, гдѣ можно въ каждый любой моментъ найти коммонера, если предстоитъ голосованіе. Если коммонера нѣтъ въ палатѣ, то whip знаетъ, куда послать за нимъ. Это подразумѣваетъ, конечно, что у коммонера не можетъ быть никакихъ маленькихъ секретовъ отъ пикера его партіи.

— Совѣтъ нашъ гимназическій швейцаръ Андрей, стоявшій въ подъѣздѣ и караулившій, чтобы никто изъ насъ никуда не сбѣжалъ во время большой перемѣны, — засмѣялся Гаръ.

Егоръ Лукичъ никогда раньше не былъ въ Парламентѣ и исторію его знать только въ самыхъ общихъ чертахъ. Божко же чувствовалъ себя въ Палатѣ общинъ, какъ дома.

— «Лобби» вѣдь это, по англійски будетъ сѣни? — Почему такое названіе?

— Да тутъ или точнѣе, въ старомъ Парламентѣ и были когда то сѣни, въ которыхъ дожидались лакеи коммонеровъ и лордовъ. Отъ скуки они затѣвали между собою такую громкую перебранку, кончавшуюся такой здоровой потасовкой, что въ 1699 году понадобился даже спеціальный законъ, приказывающій приставу смотрѣть, чтобы въ лобби не было драки. Вообще тогда нравы въ лобби были болѣе красочны и сочны, чѣмъ теперь. Есть рѣдкая, старинная книга, вышедшая въ концѣ восемнадцатаго вѣка «Политическій Словарь Пирсона». Авторъ много лѣтъ былъ приставомъ въ сѣняхъ Парламента и составилъ замѣчательную картину нравовъ. Пирсонъ говоритъ, что въ сѣняхъ всегда стоялъ шумъ и гвалтъ, «as in a jews synagoge», какъ выражается онъ. Постоянно изъ залы засѣданія выходили коммонеры, чтобы полюбезничать съ красивыми orange girls, продававшими апельсины, бисквиты и ласковые улыбки. Въ началѣ сессіи эти продавщицы апельсиновъ, говоритъ Пирсонъ, — были одѣты въ чистыя, свѣтлыя, простыя ситцевыя платья. Къ концу сессіи онѣ являлись уже въ шелковыхъ платьяхъ и чулкахъ, съ кружевными косынками

на шеѣ. Авторъ XVIII вѣка говоритъ, что даже самыя знаменитыя коммонеры появлялись въ лобби мертвецки пьяными. Въ балладѣ XVIII вѣка о коммонерахъ говорится такъ : « Налитые кларетомъ, вы качаетесь на ногахъ и выпускаете буйные крики. Затѣмъ вы падаете въ сѣняхъ и храпите ». Въ этой балладѣ краски совсѣмъ не сгущены. Около того же времени лордъ Минто писалъ пріятелю : « Фоке пьетъ сильно ; Шерриданъ — чрезмѣрно, а Грэй — больше, чѣмъ Фоке и Шерриданъ вмѣстѣ. Долженъ сказать, — прибавляетъ лордъ Минто, — что во хмелю они не мрачны, какъ наши шотландскіе пьяницы, а оживлены, красно-рѣчивы и остроумны. Питтъ пьетъ ужасно много, а между тѣмъ свои лучшія рѣчи произноситъ когда пьянъ ». При Карлѣ II и Іаковѣ II пьяные коммонеры затѣвали драки во время засѣданій. Въ своемъ дневникѣ Пепись отмѣчаетъ, что сэръ Алленъ Бродрикъ да сэръ Алленъ Апсли явились пьяные въ Парламентъ и начали говорить вмѣстѣ. И хотя ихъ тащили за полы, но пьяныхъ коммонеровъ нельзя было остановить, по крайней мѣрѣ въ теченіе получаса. Въ балладѣ говорится, что пьяные члены Парламента сваливались въ сѣняхъ и тамъ начинали храпѣть. Случалось это не только въ сѣняхъ. Въ началѣ восемнадцатаго вѣка герцогъ Лидскій, выходя въ пьяномъ видѣ изъ Парламента, свалился на улицѣ и заснулъ тутъ, какъ запорожецъ, котораго видѣлъ Тарасъ Бульба. Проѣхала наемная карета и раздробила ногу спящему герцогу. Нравы измѣнились въ XIX вѣкѣ. То былъ одинъ изъ результатовъ прирученія новыхъ идей.

Послѣдніе отзвуки буйныхъ парламентскихъ нравовъ, описанныхъ Пирсономъ, раздались въ лобби въ началѣ восемнадцатыхъ годовъ XIX вѣка, когда обсуждался вопросъ, допустить ли въ Палату атеиста, желавшаго замѣнить присягу торжественнымъ обѣщаніемъ. Тогда, говорятъ, нѣкоторые коммонеры, распаленные страстными дебатами въ Палатѣ общинъ, слишкомъ сильно жестикулировали руками въ лобби.

Между тѣмъ лобби, гдѣ почти никого не было, когда вошли Божко и Гарь, наполнилось. Какіе то джентльмэнтъ съ пытливыми глазами бродили по высокой залѣ. И когда двери, ведущія въ залъ засѣданій открывались, джентельмэны съ пытливыми глазами разомъ принимались осматривать выходившихъ коммонеровъ, подходили то къ одному, то къ другому изъ нихъ, ласково улыбались и спрашивали что то полушопотомъ. Иные коммонеры вѣжливо и холодно отвѣчали лаконически. Другіе же напротивъ, пускались въ длинныя объясненія. И когда бесѣда кончалась, джентльмэнъ съ пытливыми глазами поспѣшно подходилъ къ столу, стоявшему въ лобби и принимался быстро писать.

— Ну и насобачился же ты!— съ нѣкоторой завистью думать Гарь, наблюдая, какъ быстро скользятъ по бумагѣ самопишущее перо джентльмена съ пытливыми глазами. Егору Лукичу процессъ писанія всегда давался туго. Божко угадалъ нѣмой вопросъ Гара.

— Теперь лобби—биржа газетныхъ новостей,—объяснилъ Божко. Большія изданія имѣютъ здѣсь своихъ специальныхъ корреспондентовъ, или лоббистовъ, считающихся по газетной табели о рангахъ чиномъ выше, чѣмъ парламентскіе журналисты, записывающіе рѣчи коммонеровъ. Лоббистъ собираетъ политическія новости, ловить на лету сплетни, вынюхиваетъ предстоящія событія и изъ всего этого во время сессіи составляетъ отчеты, на которые читатели газетъ набрасываются прежде всего. Les journaux qui se respectent всѣ имѣютъ своихъ представителей въ лобби. Статьямъ «Отъ нашего корреспондента въ лобби» отводится всегда въ газетѣ красный уголь. На основаніи матеріаловъ, принесенныхъ лоббистомъ, пишутся также передовыя статьи. И провинціальный или заграничный читатель этихъ статей, написанныхъ очень авторитетно, склоненъ думать, что за спиной автора навѣрно стоитъ какой-нибудь министръ. А между тѣмъ министры и вообще тѣ отвѣтственные

лица, которымъ ввѣрены политическія тайны, крѣпко держать языкъ за зубами. Министръ сообщаетъ лоббисту только такіе факты, обнародованіе которыхъ считаетъ почему либо выгоднымъ для себя. Самый ловкій лоббистъ не выкачиваетъ тайны изъ министра. Лоббистъ въ большинствѣ случаевъ, становится вольнымъ или невольнымъ агентомъ министра, если этотъ снабжаетъ его фактами. Откровенничаютъ третьестепенные коммонеры, которыхъ въ партіяхъ зовутъ надофдами, «bores». «Надофдъ» хочется выступить съ рѣчью во время засѣданія; но вожди знаютъ способности коммонера и выпускаютъ его только, когда надо выиграть время. Тогда надофда ораторствуетъ часами передъ пустыми скамьями. Зато надофда отводитъ душу при встрѣчѣ съ лоббистомъ, которому сообщаетъ всѣ свои взгляды и всѣ партійныя сплетни. Ловкій, опытный лоббистъ быстро отсѣиваетъ собственные соображенія надофды, не представляющія никакой цѣнности и оставляетъ сплетни, которые сортируетъ.

— Неужели дѣйствительныя тайны никогда не проникаютъ въ газеты черезъ лобби?—спросилъ Гаръ.

— Поговорите-ка объ этомъ съ старымъ лоббистомъ, хранителемъ парламентскихъ преданій! Онъ вамъ тотчасъ же приведетъ рядъ примѣровъ, когда та или другая газета раскрыла какую нибудь политическую тайну, чѣмъ произвела потрясающее впечатлѣніе. Но эти факты относятся, большею частью къ далекому прошлому. Затѣмъ раскрытіе тайны обуславливалось не тѣмъ, что министръ проговорился. Лоббистъ, узнавшій политическую тайну, дѣйствительно проявлялъ ловкость, но не какъ журналистъ. Лѣтъ шестьдесятъ назадъ большая газета платила очень много сторожу, подметавшему Палату общинъ послѣ засѣданій. Всѣ клочки бумаги, брошенные на полъ и представлявшіе собою замѣтки или письма, доставлялись сторожемъ лоббисту, который сортировалъ обрывки по почеркамъ и склеивалъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ, изъ обрывковъ замѣтокъ, сдѣланныхъ министрами, лоббистъ узнавалъ нѣсколько важныхъ фактовъ. Въ на-

чалъ семидесятихъ годовъ громадное впечатлѣніе произвело обнародованіе меморандума относительно переговоровъ мажду Англіей и Россіей. Меморандумъ излагать эти переговоры не въ томъ видѣ, какъ сказать министръ иностранныхъ дѣлъ въ Нижней Палатѣ. До сихъ поръ неизвѣстно, какъ попалъ этотъ документъ въ печать, но на газетной улицѣ утверждаютъ, что лоббистъ выкралъ меморандумъ при помощи поддѣльнаго ключа изъ пюпитра министра иностранныхъ дѣлъ. Оффиціальная версія гласитъ, что чиновникъ, которому довѣрено было переписать документъ, снялъ копію и продалъ ее за 2.000 фун. ст. газетѣ. Въ началѣ восьмидесятихъ годовъ лоббистъ замѣтилъ, что видный коммонеръ пишетъ письмо въ лобби. Коммонеръ змѣлѣвъ просушилъ письмо на промокательной бумагѣ, лежавшей на столѣ, сложилъ, запечаталъ и вышелъ. Лоббистъ подошелъ къ столу и замѣтилъ, что промокательная бумага совершенно новая; такимъ образомъ, письмо все отпечаталось. Лоббистъ унесъ промокательную бумагу и у себя, передъ зеркаломъ, прочиталъ слова на ней. То была рѣзкая критика высшей ирландской администраціи. Письмо появилось въ печати и произвело потрясающее впечатлѣніе. Въ каждой исторіи Times'a разсказывается про то, какую сенсацию произвелъ нумеръ отъ пятого декабря тысяча восемьсотъ сорокъ пятого года. Газета сообщила, что консервативное министерство сэра Роберта Пили собирается внести билль объ отмѣнѣ привозныхъ пошлинъ на хлѣбъ. Всего лишь за нѣсколько дней до того Пиль заявилъ, что правительство будетъ отстаивать хлѣбные законы. Вотъ почему сообщеніе Times'a казалось нелѣпымъ и невозможнымъ. А между тѣмъ оказалось, что оно было вѣрно. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ газеты гадали какимъ образомъ лоббистъ Таймса узнать государственную тайну. До сихъ поръ говорятъ, что будто бы одинъ изъ членовъ правительства Сидней Гербертъ проговорился въ домѣ своей пріятельницы, прекрасной и оболъстительной Mrs Нортонъ. Въ ея домѣ постоянно бывали видные политическіе дѣя-

тели, обсуждавшіе, не стѣсняясь, государственные вопросы. Даже дѣти г-жи Нортонъ усвоили политическую терминологію. Потомъ былъ бракоразводный процессъ. Нортонъ требовалъ развода съ женою, обвиняя ее, въ связи съ лордомъ Мельбурномъ. И вотъ во время процесса одинъ изъ адвокатовъ, желая показать, что въ домѣ г-жи Нортонъ атмосфера была насыщена политикой, привелъ такой фактъ.

— Могу я подать въ отставку? — спросилъ маленький сынъ г-жи Нортонъ.

— Что вы хотите сказать, Чарли? — спросила мать.

— Могу я выйти?

— Почему же вы говорите: «Могу ли я подать въ отставку?»

— А развѣ «подать въ отставку» и «выйти» не одно и тоже? — спросилъ мальчикъ.

Въ исторіяхъ газеты *Таймсъ* разсказывается, что послѣ тайнаго засѣданія, на которомъ кабинетъ рѣшилъ радикально измѣнить свою политику относительно хлѣбныхъ законовъ, Сидней Гертбертъ обѣдалъ tête-à-tête съ г-жей Нортонъ, которая и вывѣдала у него секретъ, когда министръ совершенно растаялъ. Г-жа Нортонъ немедленно послѣ обѣда поѣхала въ редакцію *Таймса*, гдѣ получила за свое сообщеніе пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ. Въ дѣйствительности, обнародованіе секрета не обуславливалось никакимъ романическимъ приключеніемъ. Тайну сообщилъ газетѣ министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Абердинъ. Онъ желалъ уладить осложненіе, возникшее тогда между Англіей и Соединенными Штатами, извѣстное подъ названіемъ «The Oregon affair». Лордъ Абердинъ полагалъ, что Соединенные Штаты, какъ страна вывозящая пшеницу, будутъ настроены миролюбиво, когда узнаютъ о предполагаемой отмѣнѣ пошлины на хлѣбъ. Вы видите, что всѣ великіе подвиги лоббистовъ объясняются просто. Во время войны лоббистъ *Таймса* первый сообщилъ о томъ, что либеральный кабинетъ будетъ замѣненъ коалиціоннымъ. Дѣло объяснилось не тѣмъ, что ловкій лоббистъ верхнимъ

чутьемъ угадать переѣху и не тѣмъ, что какой нибудь членъ кабинета, подавленный тайной, поступилъ какъ цирюльникъ царя Мидаса. Тайну повѣдалъ Таймсу видный членъ кабинета, въ расчеты котораго входило, чтобы читатели знали о предполагавшихся еще только тогда переѣнахъ.

VI.

Лобби между тѣмъ наполнилось коммонерами, выходившими изъ маленькихъ дверей, которыя вели въ разныя совѣщательныя комнаты. Коммонеры входили парами и группами. Божко обратилъ вниманіе Гара на двухъ депутатовъ. Одинъ былъ очень высокій и до такой степени сутулый, что походилъ на вопросительный знакъ. Волосы на большомъ угловатомъ черепѣ были всклокочены, а платье небрежно; пиджакъ былъ въ пятнахъ, съ засаленнымъ воротникомъ, а панталоны пузырились на колѣняхъ. То былъ—членъ кабинета, лордъ съ историческимъ именемъ, встрѣчающимся уже въ шекспировскихъ хроникахъ. Гаръ почти не читалъ политическаго отдѣла въ газетахъ, но все таки зналъ, что лордъ этотъ одинъ изъ первыхъ богачей въ Англіи, крупный землевладѣлецъ и представитель непримиримыхъ тори. Другой коммонеръ былъ плотный, широкоплечій, съ большими волосатыми рабочими руками. Онъ постоянно снималъ съ носа стальное пенснэ и вытиралъ пальцами слезящіеся больные глаза. Божко назвалъ имя виднаго рабочаго депутата. Крайній консерваторъ и социалистъ о чемъ то дружелюбно бесѣдовали. Высокій ростомъ лордъ обнялъ за плечи рабочаго, достигавшаго ему до уха и нагнулся, что сдѣлало его еще болѣе похожимъ на вопросительный знакъ.

— Обостренныя отношенія между коммонерами разныхъ партій давно уже исчезли,—объяснилъ Божко. Въ палатѣ общинъ, конечно, политическіе противники воюють и не останавливаются передъ запальчивой фразой; но въ лобби они видятъ другъ въ другъ представителей одного и того же народа. Еще

въ восьмидесятихъ годахъ, когда прошелъ, наконецъ законъ, внесенный атеистомъ Брэдло о замѣнѣ клятвы торжественнымъ обѣщаніемъ, здѣсь въ Лобби первымъ поздравилъ автора билля сэръ Джонъ Маубри, самый извѣстный консерваторъ того времени. Когда Парнелъ вышелъ побѣдителемъ изъ состязанія съ «*Таймсомъ*», обвинявшаго ирландскаго вождя на основаніи подложныхъ документовъ въ участіи въ политическихъ убійствахъ, здѣсь, въ Лобби, къ нему подошелъ съ поздравленіями его ожесточенный противникъ сэръ Уолтеръ Бартело.

Въ Лобби произошло движеніе. Всѣ присутствующіе разступились, Тѣ коммонеры, которые были въ шляпахъ, сняли ихъ. Пронесся шопоть.

— Спикеръ!

Двери распахнулись, и показалась процессія. Впереди шелъ сѣдой господинъ, съ подстриженной бородой, въ черномъ шелковомъ кафтанѣ, въ короткихъ панталонахъ до коленъ, въ чулкахъ и въ башмакахъ съ пряжками, при шпагѣ съ золотымъ эфесомъ. На плечо онъ взвалилъ бронзовый жезлъ съ короной на концѣ, до такой степени большой и толстый, что напоминалъ тѣ дубины, которыми въ сказкахъ вооружены великаны. Не будь этотъ скипетръ филигранный, понадобился бы дѣйствительно великанъ, чтобы поднять его. За этимъ господиномъ шелъ спикеръ въ сѣдомъ парикъ и въ длинной черной мантии. Шестые замыкалъ другой господинъ въ костюмѣ XVIII вѣка.

Гару почему то припомнилось то время, когда его подъ конвоемъ двухъ жандармовъ водили на допросъ къ полковнику. Лицо спикера, впрочемъ, было не такое, какъ у человѣка, ожидающаго допросъ, но холодное и увѣренное; на немъ лежало сознаніе, что «первый коммонеръ» представляетъ собою достоинство всего народа, который черезъ выборныхъ своихъ въ силахъ разрѣшить самую сложную задачу и приручить наиболѣе уросливую новую идею, если это понадобится для спасенія страны.

Процессія прошла черезъ лобби и скрылась въ двери, ведущія въ залъ засѣданій. Немедленно исчезли всѣ коммонеры. Опять по громадной залѣ стали бродить одинокіе лоббисты.

— Сегодня засѣданіе будетъ продолжаться не долго. Остаются только формальности, — началъ Божко. Въ Палатѣ общинъ есть коммонеры, которыхъ страшитъ новый избирательный законъ; но всѣ признають, что «прирученіе новой идеи» абсолютно необходимо теперь. Никому не желательно появленіе выкликающихъ сакраментальныя формулы, анахоретовъ, воющихъ кеновитовъ и размахивающихъ дубинами циркумцеллоновъ...

Въ хроникѣ, написанной во время великой чумы 1665 года, отмѣчается одинъ фактъ. Послѣ того, какъ исчезла эпидемія, пропали всѣ предсказатели, звѣздочеты, заклинатели, толкователи сновъ. «О нихъ никто не слыхалъ больше, когда великое бѣдствіе кончилось», — говоритъ англійскій хронографъ. Даже крайніе консерваторы не желаютъ, чтобы эти «звѣздочеты и предсказатели», т. е., тѣ же кеновиты, явились бы вновь.

Наступило молчаніе. Пріятели сѣли на высокую скамью, стоящую у стѣны. Прошло съ полчаса. Но вотъ въ дверяхъ, ведущихъ въ залу засѣданій, открылось маленькое оконце.

— Очистить лобби, — крикнуть кто то черезъ оконце.

— Идемте. Сейчасъ всѣмъ здѣсь предложить убраться. Предстоитъ голосованіе — обратился Божко къ Гару.

Они вышли въ корридоръ. Громадный полисманъ, провѣрявшій, значится ли Божко въ спискахъ лицъ, могущихъ посѣщать лобби, закинувъ голову по пѣтушиному, отчаянно выкликалъ: «ди и-ви-ижонъ*»)). Всюду трещали электрическіе звонки, сзывая коммонеровъ находившихся въ бібліотекѣ, курильнѣ, буфетахъ или въ совѣщательныхъ комнатахъ. И всюду

*.) Голосованіе.

видны были молодые и старые джентльмены, которые съ выраженіемъ испуга на лицахъ, запыхавшись, бѣжали всѣ въ одномъ направленіи. Одинъ трусилъ съ громаднымъ атласомъ, не замѣчая, повидимому этого. Кое кто поспѣшно дожевывалъ бутербродъ. Молодые и старыя лица выражали одно опасеніе: — опоздать.

Пріятели вышли изъ корридора въ центральную прихожую, гдѣ обыкновенно дожидается публика, не имѣющая специальныхъ пропусковъ на галереи или въ лобби.

Гаръ просіялъ: въ толпѣ онъ узналъ Грабовскую.

— Ты тутъ, Лидочка?—долетѣлъ до Божко полуслово.

— Егорушка, милый! жалобно отвѣтила дѣвушка,— грустно стало на терассѣ безъ тебя!

Въ центральнѣйшей прихожей шли гаданія, каковы будутъ результаты голосованія. Черезъ нѣсколько минутъ начали выходить изъ лобби коммонеры, уже подавшіе свой голосъ. Лица у нихъ были возбужденныя, а глаза блестящіе. Можно было подумать, что короткія слова «да» или «нѣтъ», которыя они бросали при выходѣ счетчикамъ дѣйствовали, какъ гашиль.

И вотъ въ залѣ засѣданій послышался такой многоголосый радостный крикъ, что онъ долетѣлъ даже до прихожей.

— Войдемте въ лобби, — предложилъ Божко. Голосованіе кончилось. Идемте, Лидія Васильевна: теперь не остановятъ.

Въ лобби сотни молодыхъ, пожилыхъ и совсѣмъ старыхъ коммонеровъ жали другъ другу руки, хлопали по плечу, махали шляпами, синими книгами, свертками бумагъ и платками.

— Гипъ! гипъ! гипъ! урэй! — крикнулъ старикъ съ длинной, сѣдой бородой до середины груди. — За обновленную Англію!

— Урэй! подхватили десятки голосовъ.

Лобби стало похоже на прихожую большой школы передъ началомъ каникулъ.

И Божко узналъ, что новый избирательный законъ принять подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

— Поздравляю васъ, сэръ Артуръ! — сказалъ Божко увидавъ знакомаго коммонера.

— Наши отцы и дѣды, когда прошли первый и второй билль о реформахъ говорили со страхомъ, что это «прыжокъ въ темное пространство», — началъ сэръ Артуръ. — Теперь мы такъ не скажемъ. Новый билль — громоотводъ надъ Англіей, хотя гроза все таки будетъ. Законъ приобщить къ общественной жизни тѣхъ, которые стояли внѣ ея. Нравственность это — накопленные социальныя инстинкты. Чѣмъ больше людей приобщится къ общественной жизни, тѣмъ, значитъ, выше будетъ общій нравственный уровень. Въ выигрышъ, такимъ образомъ, окажется вся страна. Въ индивидуумѣ эволюціонируютъ два существа: «человѣкъ» и «соціальное животное». Такъ называемое вырожденіе это — атрофированіе социальныхъ инстинктовъ. Значить, новый законъ предупредить и дегенерацію. До свиданія. До лучшихъ вѣстей изъ Россіи.

VII.

Къ Гару подошелъ джентльмэнъ въ большихъ круглыхъ черепаховыхъ очкахъ, изъ которыхъ выглядывали блестящіе, пронизательные черные глаза. То былъ товарищъ министра, въ рукахъ котораго было дѣло Егора Лукича.

— Ваше дѣло рѣшено утвердительно, — сказалъ товарищъ министра. Завтра вы получите офиціальное увѣдомленіе, что можете вербовать колонистовъ и что имъ разрѣшать уѣхать.

Гаръ просіялъ. Божко поздравилъ пріятеля.

— Какъ вы поживаете, милостивый государь? — спросилъ у Божко по русски высокій коммонеръ съ такимъ выраженіемъ на пухломъ, обрюзгшемъ лицѣ, какъ будто его только что разбудили и дали выпить

чего то очень горькаго. То былъ извѣстный шотландскій адвокатъ, выучившійся по русски въ періодъ страшнаго увлеченія всѣмъ русскимъ, продолжавшійся въ Англіи отъ начала войны до пришествія Ивановцевъ. Шотландскій адвокатъ даже устроилъ постъ революціи англо-русское братство, для культурнаго сближенія между двумя свободными народами. Братство это называлось «Ладъ» (названіе нашель коммонеръ) и имѣло девизомъ: «Съ кѣмъ миръ да ладъ, такъ тотъ мнѣ и братъ». Идея имѣла колоссальный успѣхъ въ обѣихъ палатахъ. Много коммонеровъ и лордовъ тогда выразили желаніе участвовать въ братствѣ и подписали большія суммы на поддержаніе его. Затѣмъ, послѣ выступленій ивановцевъ, братство сразу растаяло, ибо для рядовыхъ англичанъ слова «русскій» и «измѣнникъ» стали синонимомъ.

Шотландецъ пригласилъ Божко, Гара и Грабовскую на террасу «взять одну чашку чая», какъ онъ выразился. То былъ переводъ съ англійскаго: «to take a cup of tea».

Терраса, выходящая на рѣку и представляющая весною и лѣтомъ пріемную коммонеровъ, была уставлена накрытыми столами. Коммонеры угощали своихъ знакомыхъ чаемъ и сладкими пирожками. Среди гостей преобладали нарядныя дамы въ свѣтлыхъ весеннихъ туалетахъ. Только съ террасы можно получить соотвѣтственное представленіе о томъ, какъ колосаленъ парламентъ.

— Зданіе громадно, основательно, стройно и крѣпко, какъ народъ, выстроившій его, — думалъ Божко, стоя у парапета, внизу котораго шумѣла рѣка. — Погибло одно зданіе, но сейчасъ же возникло новое, еще болѣе величественное и крѣпкое. Народъ, выстроившій его, тоже испытать великія бѣдствія: вторженіе непріятелей, многолѣтнія гражданскія войны, деспотизмъ королей, тиранію фанатиковъ, чуму всякаго рода. И послѣ каждой катастрофы народъ оживаетъ, а его идеаль счастья опредѣлялся яснѣе. Послѣ cadaго великаго испытанія народъ яснѣе сознавалъ, что надо бороться не за абстрактныя формулы, — о нихъ съ

горькимъ сарказмомъ говорилъ еще Свифтъ, — а за нѣчто опредѣленное, сильное, большое и красивое, — какъ этотъ Парламентъ. И съ этою цѣлью въ теченіе вѣковъ здѣсь постепенно приручались идеи: — освобожденіе тѣла отъ цѣпей, раскрѣпощеніе умовъ, избавленіе классовъ отъ эксплуатаціи со стороны сильныхъ и возможность выраженія своего „и“, не угнетая при этомъ никого. Дѣйствительно свободный народъ готовъ на великое дерзаніе, но онъ не вѣритъ пустынножителямъ, обѣщающимъ изловить Аэллу при помощи заклинаній. Свободный народъ знаетъ, что Аэлла — призракъ. Ему вѣдомо также, что вслѣдъ за пустынножителями идутъ циркумцелліоны, жаждающая добычи и крови.

Божко взглянуть, что дѣлается за столомъ. Гаръ съ увлеченіемъ объяснилъ шотландцу свой проектъ. Грабовская внимательно слушала, и въ ея прекрасныхъ глазахъ свѣтилась нѣжность. И Божко думать.

— У него есть живая мысль, а не мертвая формула. У него — идея, рожденная на вольной землѣ, а не въ монастырѣ. Эту мысль разработать человѣкъ, выдавшій свѣтъ, а не Симеонъ Столпникъ. Россію вколачивали въ формулу сперва цари, а потомъ ивановцы. И тѣ, и другіе знали только насиліе, произволъ, диктатуру надъ умомъ и презрѣніе къ чужой личности, ибо и цари и ивановцы — два лика того же Януса. Тѣ и другіе принесли Россіи великія бѣдствія. Ей теперь нужны свободные люди, которые принесутъ съ собою размахъ, дерзаніе, восторгъ отъ сознанія себя Прометеемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, любовь къ труду, уваженіе къ чужому „и“ и пониманіе долга.

Солнце стояло еще высоко. Но вотъ изъ за чернаго гребня зданій на сизомъ горизонтѣ начали наползать лиловыя тучи, длинныя, тяжелыя, неуклюжія. И, глядя на нихъ, старый словесникъ вспоминать уранабадовъ, ракше и эйдеровъ, — гигантскихъ, страшныхъ драконовъ восточной космогоніи. На небѣ началась облава на солнце. Драконы и гидры осторожно подбирались къ нему, и часть яснаго неба, на которой сіяло солнце, становилось все меньше и меньше.

Солнце сознавало опасность, но радостно блистало, надѣясь на свои силы. Самый страшный уранабадъ метнулся на солнце и проглотилъ его, хотя оно сопротивлялось, когда скользило въ брюхо чудовища. Разомъ наступила мгла. Отъ рѣки повѣяло холодомъ и сыростью. Но это продолжалось недолго. Лучи брызнули сквозь расколовшіеся бока дракона, и уранабадъ, испепеленный всепобѣждающимъ солнцемъ, превратился въ дымъ. И снова стало свѣтло, ясно и тепло.

И, глядя на борьбу уранабадовъ съ солнцемъ, Божко думалъ о Россіи.

Лондонъ, 12 Апрѣля 1918 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Дыханіе весны побѣдной.....	7
II. Отъ келій душныхъ въ міръ тревогъ.....	39
III. На массарандубѣ.....	52
VI. Похвальное слово кеновитамъ.....	74
V. Arbiter elegantiarum.....	92
VI. Когда по дорогѣ курилась пыль.....	112
VII. Прирученіе Аэллы.....	137
VIII. Симпозіумъ.....	161
IX. Болотные огни.....	185
X. Въ парламентѣ.....	199
